

САГА О ШУТЕ
И УБИЙЦЕ

Книга 2

ОЛОТОЙ ШУТ

Каждый новый роман
Робин Хобб — это повод
для праздника.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН

РОБИН ХОББ

Мир Элдерлингов

Робин Хобб

Золотой шут

«Азбука-Аттикус»

2002

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Хобб Р.

Золотой шут / Р. Хобб — «Азбука-Аттикус», 2002 — (Мир
Элдерлингов)

ISBN 978-5-389-13752-3

Трон Шести Герцогств опять нуждается в услугах королевского бастарда, способного ученика убийцы и одного из немногих, кто еще владеет древней магией Видящих. Помолвка наследного принца висит на волоске; мятежники-Полукровки по-прежнему угрожают выдать тайну королевского дома; в стране назревают бунты; послы из далекого Удачного просят военной помощи в войне с Калсидой. Кто-то должен научить принца владению магией Видящих, создать для него отряд магов, который в решающий момент поддержит наследника трона. Кто-то должен... Шут, старый друг Фитца и Белый Пророк, верит, что эту ношу может вынести только один человек – Фитц Чивэл Видящий.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-13752-3

© Хобб Р., 2002
© Азбука-Аттикус, 2002

Содержание

Пролог	7
I	10
II	23
III	37
IV	54
V	72
VI	83
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Робин Хобб

Золотой шут

Robin Hobb
THE GOLDEN FOOL

Серия «Звезды новой фэнтези»

Copyright © 2002 by Robin Hobb
All rights reserved

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Шут перешел на шепот:

– Вспомни сердцем. Вернись назад, вернись назад и назад. В небесах этого мира должны парить драконы. Когда драконы исчезают, люди скучают по ним. Конечно, кто-то даже не вспоминает о них. Но некоторые дети с самых ранних лет смотрят в синее летнее небо и ждут тех, кто никогда не приходит. Потому что они знают. В небесах должно быть чудо, но оно потускнело и исчезло. А мы с тобой должны его вернуть.

Пролог

Время лечит

Объяснить тем, кто не обладает Даром, что означает смерть животного, с которым ты был связан, очень трудно. Тот, кто говорит: «Это всего лишь собака», никогда не поймет, какую сильную боль испытывает человек. Те же, кого природа наделила большим состраданием, будут рассматривать случившееся как гибель домашнего любимца. Даже тот, кто говорит: «Наверное, то же самое чувствуешь, когда умирает ребенок или жена», не понимает всего. Расстаться с живым существом, с которым тебя связывали особые узы, значительно страшнее, чем оплакивать друга или любимого человека. Мне казалось, будто у меня вдруг отняли часть моего тела. Мое восприятие мира притупилось, аппетит пропал, еда стала казаться безвкусной. Мой слух перестал быть таким острым и...

Рукопись, начатая много лет назад, заканчивается россыпью клякс и сердитых росчерков пера. Я даже могу вспомнить момент, когда перешел от общих рассуждений к описанию собственных страданий. Я швырнул листки на пол и принялся в сердцах топтать ногами бумагу – на ней до сих пор остались полосы в тех местах, где она смялась. Удивительно, что я не предал манускрипт огню. Не знаю, кто сжалился над моим несчастным творением и убрал его на полку с книгами. Может быть, Олух, который методично и не задумываясь о том, что делает, в очередной раз пришел ко мне, чтобы навести в комнате порядок. Лично я считаю, что в этой рукописи нет ничего достойного внимания.

Впрочем, так случилось с большинством моих творений. Многочисленные попытки повесть бумаге историю Шести Герцогств рано или поздно превращались в мое собственное жизнеописание. В травник незаметно прокрадывался рассказ о том, как следует лечить болезни, вызываемые Силой. А начав манускрипт, посвященный Белым Пророкам, я недопустимо углубился в свои отношения с Изменяющими. Не знаю, что постоянно заставляет меня возвращаться к своей жизни – тщеславие или жалкие попытки объяснить самому себе, что же все-таки со мной происходило. Проходят годы, ночь сменяет день, а я вновь и вновь беру в руки перо. Я по-прежнему пытаюсь понять, что я такое, и обещаю себе: «В следующий раз у меня получится лучше», обманываясь, как всякий человек, в том, что у меня будет следующий раз.

Однако я не делал ничего подобного, когда потерял Ночного Волка. Я никогда не обещал себе, что у меня будет связь с другим животным и что на сей раз все будет иначе. Такая мысль была бы предательством. Смерть Ночного Волка оставила меня опустошенным. Я шел сквозь жизнь, страдая от раны, не желавшей затягиваться, и не понимал, насколько сильно изуродовала меня моя потеря. Я походил на человека, мучающегося от болей в ноге, которой он лишился. Эта боль отвлекает от мысли о том, что ты теперь до самой смерти останешься хромым. Так горе, пережитое после смерти Ночного Волка, скрывало от меня всю тяжесть случившегося лично со мной. Я ошибался, считая, что моя боль и потеря суть одно и то же, в то время как одно являлось причиной другого.

Как ни странно, то время стало для меня чем-то вроде второго взросления. Только на сей раз я не просто стал мужчиной, а начал осознавать себя как личность. Обстоятельства вынудили меня снова погрузиться в интриги, царившие в Оленьем замке. Со мной осталась дружба Чейда и Шута. Я стоял на пороге серьезных отношений с Джинной, колдуньей, торговавшей амулетами. Мой сын, Нед, с головой ушел в свое ученичество и любовный роман и, казалось, отчаянно пытался пробиться сквозь то и другое. Юный принц Дьютифул, которому предстояло жениться на нарческе с Внешних островов, считал меня своим наставником – не просто человеком, способным научить его правильно пользоваться Даром и Силой, а тем, кто поможет

пройти сложный путь и превратиться в мужчину. Меня окружали люди, хорошо ко мне относившиеся, я их любил. Но, несмотря на это, большего одиночества я не испытывал никогда.

Однако в конце концов я с изумлением осознал, что сам выбрал одиночество.

Ночного Волка не мог заменить никто. За годы, что мы провели вместе, он меня изменил. Он не был моей половиной – мы составляли единое целое. Даже когда в моей жизни появился Нед, он стал для нас кем-то вроде детеныша, о котором следует заботиться. Мы с волком вместе приняли это решение. Мы с ним все решали сообща, и я знал, что больше никогда в жизни не смогу быть настолько близок ни с человеком, ни с другим животным.

В юности я проводил много времени в обществе леди Пейшенс и ее компаньонки Лейси. Они часто открыто обсуждали при мне придворных. Обе считали, что если человек, будь то мужчина или женщина, отпраздновал свое тридцатилетие, но так и не завел семьи, то, скорее всего, ему суждено прожить жизнь в одиночестве. «Ну вот, ты только посмотри, – провозглашала леди Пейшенс, услышав очередную сплетню, – весна вскружила ему голову, но бедная дурочка скоро поймет, что в его жизни нет для нее места. Он слишком долго был один».

И вот, очень медленно и постепенно, я начал углубляться в себя. Я часто оставался в одиночестве, но знал, что мой Дар ищет себе спутника. Однако это ощущение и эти поиски были скорее чем-то сродни привычке – вроде той же боли в отрезанной ноге. Никто, ни человек, ни животное, не мог заполнить пустоты, оставшейся после того, как меня покинул Ночной Волк.

Я сказал об этом Шуту во время одного из редких разговоров на обратном пути. Мы остановились на ночь у дороги, ведущей к замку. Я оставил его с принцем и Лорел, Охотницей королевы, и они сидели у костра, пытаясь согреться и утолить голод остатками наших припасов. Принц был замкнут и хмур, он по-прежнему очень сильно переживал смерть своей кошки. Я не мог находиться рядом с ним, потому что у меня тут же возникало ощущение, будто я подношу обожженную руку к огню, – мгновенно просыпались мои собственные воспоминания и моя собственная боль. Поэтому я сказал, что пойду соберу хворост для костра, и постарался удалиться от них по возможности дальше.

Зима предупреждала о своем скором приближении – вечер был темным и холодным. В тусклом мире больше не осталось ярких красок, и, когда я отошел от костра, мне пришлось собирать хворост на ощупь. Наконец я сдался и уселся на камень у ручья, в надежде, что глаза приспособятся к темноте. Однако, сидя в полном одиночестве и ощущая, как на меня со всех сторон наступает стена холода, я вдруг понял, что не хочу собирать хворост, да и вообще ничего не хочу. Я сидел, смотрел прямо перед собой, слушал шелест воды в ручье и подпустил ночь так близко, что она начала заполнять меня своим мраком.

В темноте ко мне неслышно подошел Шут. Он опустился прямо на землю рядом со мной, и мы с ним некоторое время молчали. Потом он положил руку мне на плечо и сказал:

– Жаль, что я не знаю способа облегчить твою боль.

Шут и сам понимал, что не было никакого смысла произносить эти слова, и больше ничего не сказал. Наверное, призрак Ночного Волка укорил меня за мрачное молчание, которым я ответил на утешение нашего общего с ним друга, потому что я попытался перебросить мостик через мрак, разделявший меня и Шута.

– Понимаешь, Шут, это как рана на голове. Время ее залечит, но даже самые лучшие намерения и слова в мире не могут сделать так, чтобы она зажила быстрее. Даже если бы на свете был способ смягчить или даже прогнать мою боль – травы или спиртное, – я не стал бы к нему прибегать. Разве я смогу когда-нибудь смириться с его смертью? Единственное, о чем мне остается мечтать, – что со временем я привыкну жить в одиночестве.

Несмотря на все старания, мои слова прозвучали как упрек. И что еще хуже, я услышал в них жалость к самому себе. Следует отдать должное моему другу, он на меня не обиделся, лишь молча, с присущей ему грациозностью поднялся на ноги.

– Раз так, я тебя оставлю. Мне кажется, ты хочешь скорбеть в одиночестве. Если таков твой выбор, я готов отнестись к нему с уважением. Не думаю, что это мудро с твоей стороны, но решать тебе. – Он замолчал и едва заметно вздохнул. – Я узнал о себе кое-что новое. Я пришел, чтобы ты знал: я чувствую, как ты страдаешь. Я вовсе не надеялся облегчить твою боль, просто благодаря нашей связи я тоже ощущаю ее. Думаю, в моем поступке присутствовала некоторая доля эгоизма – ну, в том, что я хотел, чтобы ты знал о моих чувствах. Но если ты поделишься с кем-нибудь тяжелую ношу, она станет легче, а этот человек будет тебе ближе. И тебе не придется тащить ее в полном одиночестве.

Я чувствовал в его словах мудрость и знал, что мне нужно обязательно попытаться ее понять, но я устал и изнемогал от боли и не мог заставить себя думать ни о чем другом.

– Я скоро вернусь к костру, – сказал я, и Шут понял, что должен уйти.

Он убрал руку с моего плеча и молча скрылся в темноте.

Только позже, раздумывая над его словами, я понял их значение. В тот момент я выбрал одиночество, но вовсе не потому, что умер мой волк. Это решение даже не было осознанным. Я заботливо возвращал свою боль и лелеял пустоту в душе. По правде говоря, я ступил на такой путь не в первый раз.

Очень осторожно, с опаской я стал приглядываться к этой мысли – она была такой острой и жестокой, что могла меня прикончить. Я сам выбрал жизнь вдалеке от людей в своей хижине в лесу. Никто не отправлял меня в изгнание. Ирония состояла в том, что я получил то, о чем часто говорил как о своей единственной мечте. В юности я постоянно повторял, что больше всего на свете хочу вести жизнь, в которой смогу самостоятельно принимать решения и быть свободным от обязанностей, диктуемых долгом и положением.

И только когда судьба подарила мне возможность воплотить эту мечту в жизнь, я понял, какую цену мне придется заплатить. Я могу переложить свои обязанности на других людей и жить в свое удовольствие, только если разорву с ними все связи. Получить и то и другое одновременно невозможно. Стать членом семьи или какого-то сообщества – это значит иметь обязательства и нести на своих плечах ответственность, выполнять правила и законы группы, к которой ты принадлежишь.

Некоторое время я жил вдалеке от мира, но таков был мой собственный выбор. Я сам отказался от обязательств перед своей семьей и принял изоляцию как неизбежное следствие этого решения.

Тогда я убедил себя, что такую роль мне навязала судьба. Совсем как сейчас, когда я снова принимал решения, хотя и пытался уговорить себя, что иду по единственно возможной дороге и у меня нет выбора.

Можно осознать, что ты сам виновен в своем одиночестве, но легче тебе не станет. Впрочем, это уже шаг вперед – ты начинаешь видеть, что та жизнь, которую ты выбрал, не была единственно возможной, а твое решение не является бесповоротным.

I

Полукровки

Полукровки всегда твердили, что хотят только одного – чтобы их не преследовали, как преследовали долгие годы в Шести Герцогствах всех Одаренных. Это заявление следует рассматривать как ложь и хитроумные попытки ввести людей в заблуждение. На самом деле в их намерения входило объединить всех, кто обладает Даром, чтобы они поднялись и захватили власть в Шести Герцогствах, а затем посадить на трон своих представителей. Среди прочего они утверждали, что все короли со времен отречения Чивэла являются лишь претендентами, а незаконное происхождение Фитца Чивэла совершенно неправильно считается препятствием для наследования им трона. Легенды о «верном бастарде», который восстал из могилы, чтобы прийти на помощь королю Верити в час нужды, цвели пышным цветом, приписывая Фитцу Чивэлу возможности, возвышавшие его почти до уровня божества. Именно по этой причине сообщество Полукровок называли также и Культom Бастарда.

Их бессмысленные заявления были направлены на то, чтобы придать некоторую законность стремлению свергнуть династию Видящих и посадить на трон кого-нибудь из своих. С этой целью Полукровки начали кампанию, направленную на то, чтобы заставить Одаренных объединиться с ними, угрожая им в случае отказа разоблачением. Возможно, данная тактика придумана Кебалом Робредом, который возглавлял флот красных кораблей, прибывших с Внешних островов и развязавших кровопролитную войну. Говорят, он привлекал на свою сторону людей не потому, что обладал харизмой, а угрожая страшными карами родне тех, кто откажется последовать за ним.

Полукровки особенно не мудрствовали – либо семьи Одаренных входили в союз, либо их тайна становилось общественным достоянием, что неминуемо вело к страшной казни. Говорили, что Полукровки нередко начинали с того, что раскрывали тех, кто имел какое-то отношение к могущественной семье, – например, предавали гласности имя слуги или какого-нибудь дальнего родственника, постоянно давая понять главе семьи, что, если он не выполнит их требования, его ждет такая же судьба.

Люди, которые хотят положить конец преследованиям и распрям, никогда не стали бы действовать подобным образом. Такова политика тех, кто желает захватить власть, первым делом подчинив себе подобных.

Роуэлл, «Заговор Полукровок»

Часовые сменились. Сквозь бушующую непогоду колокольчик и крик стражника доносились словно издалека, но я их услышал. Ночь официально закончилась, близились утро, а я все сидел в доме Джинны, дожидаясь возвращения Неда. Мы с колдуньей уютно устроились около камина, некоторое время назад пришла ее племянница, немного поговорила с нами и отправилась спать. А мы подбрасывали поленья в огонь и болтали о пустяках. В маленьком

домишке колдуньи было тепло и спокойно, мне было хорошо в ее обществе, а желание дожидаться моего мальчика стало предлогом, позволившим сделать то, что я хотел, – тихонько посидеть около ее камина.

Разговор время от времени затухал, потом разгорался снова. Джинна спросила, удалось ли мне сделать то, ради чего мы уезжали, и я ответил, что лишь сопровождал своего господина, не более. Чтобы мой ответ прозвучал не слишком резко, я поведал ей, что лорду Голдену удалось пополнить свою коллекцию перьев, а потом принялся рассказывать про мою Вороную. Я знал, что Джинне мало дела до моей лошади, но колдунья слушала внимательно и даже с интересом. Слова заполняли небольшое пространство, разделявшее нас, создавая ощущение праздности и уюта.

На самом деле наше поручение не имело никакого отношения к перьям, и большая часть работы лежала на мне, а не на лорде Голдене. Нам с ним удалось найти принца Дьютифула и забрать его у Полукровок, которые сначала подружились с ним, а затем захватили в плен. Мы вернули его ко двору, и никто из придворных так и не узнал о его отлучке из Оленьего замка. Сегодня вечером и ночью знать Шести Герцогств участвовала в грандиозном празднестве, завтра состоится официальная помолвка принца Дьютифула и нарчески Внешних островов Эллианы. Все происходило именно так, как и должно было происходить.

Лишь немногие знали, какую цену пришлось заплатить нам с принцем за то, чтобы считалось, будто в замке все идет своим чередом. Кошка, с которой принц был связан Даром, пожертвовала собой ради него. Я потерял своего волка. Почти два десятка лет Ночной Волк был моей половиной, частью души, и вот его больше нет. Изменения, происшедшие во мне, были настолько глубокими, что их можно сравнить лишь с тем, как погружается в ночь комната, когда задуют свечи. Я скорбел по Ночному Волку, к тому же мне очень не хватало его поддержки. Ночи окутал мрак, и больше никто не охранял мою спину. Но я знал, что буду продолжать жить, и порой это казалось мне даже страшнее самой потери.

Я заставил себя остановиться прежде, чем пучина жалости к самому себе затянула меня. Ведь, в конце концов, не я один потерял своего друга. Несмотря на то что связь принца с кошкой была не столь долгой, как у нас с волком, я знал, что юноша тяжело переживает ее смерть. Волшебное единение, возникающее благодаря Дару между человеком и животным, – штука сложная. Разорвать такую связь непросто. Однако мальчик сумел справиться с горем и занялся выполнением своих обязанностей при дворе.

Мне еще повезло – мне-то не грозит помолвка. Дьютифулу же после нашего возвращения накануне вечером пришлось немедленно вспомнить о своих обязанностях. Он принял участие в церемонии, посвященной прибытию его невесты. Сегодня он должен улыбаться и есть, поддерживать светскую беседу, принимать поздравления, танцевать и делать вид, что совершенно счастлив тем, что уготовили для него судьба и мать-королева. Я подумал о ярких огнях, веселой музыке, смехе и громких разговорах и, сочувствуя ему, покачал головой.

– Ну и почему ты качаешь головой, Том Баджерлок? – прервал мои размышления голос Джинны, и я сообразил, что молчание затянулось. Я сделал глубокий вдох и тут же придумал правдоподобный ответ:

– Похоже, гроза и не думает заканчиваться. Я пожалел тех, кто оказался в такую ночь на улице. И рад, что меня среди них нет.

– Ну а я добавлю, что мне нравится компания, в которой я коротаю вечер, – сказала Джинна и улыбнулась.

– Мне тоже, – смущенно пробормотал я.

Должен признаться, что я не слишком часто проводил ночи рядом с милой, приятной женщиной. На коленях у меня мурлыкал ее кот, сама Джинна что-то вязала, а мягкий свет огня играл на каштановых локонах и веснушках, рассыпанных по лицу и рукам. У Джинны было приятное лицо, не красивое, но доброе и внушающее доверие. Мы болтали на самые

разные темы – от трав, из которых она заваривала чай, до басен о том, что плавник иногда горит разноцветным пламенем. Мы даже поговорили о самих себе. Я узнал, что она лет на шесть меня младше, а она удивилась, когда я сказал, что мне сорок два. На самом деле сорок два было Тому Баджерлоку, я же был на семь лет моложе своей личины. Джинна сказала, что думала, будто мы с ней почти ровесники, и я обрадовался. Однако мы не слишком вникали в то, что говорили. Мы сидели около камина, а между нами повисло едва уловимое напряжение и любопытство – словно чьи-то пальцы тронули и тут же отпустили струну.

Прежде чем мы с лордом Голденом отправились выполнять наше поручение, я зашел ненадолго к Джинне, и она меня поцеловала. Не прозвучало никаких слов, никаких признаний в любви или романтических обещаний. Всего лишь один поцелуй, который прервало возвращение ее племянницы, ходившей на рынок. А сейчас мы не знали, как вернуться на то место, где возможна близость. Сам я сомневался, что хочу забредать в те края. Я не был готов даже ко второму поцелую, не говоря уже о том, что могло за ним последовать. У меня слишком сильно болело сердце. Однако мне нравилось сидеть в ее доме, перед ее камином. Звучит как-то не слишком логично, но меня действительно раздирали противоречивые чувства. Я не хотел неизбежных осложнений, которые несут за собой ласки, однако, страдая от потери Ночного Волка, наслаждался обществом этой женщины.

Впрочем, я пришел сюда не ради Джинны. Я хотел повидать своего приемного сына, Неда. Он недавно пришел в Баккип и поселился у Джинны. А мне требовалось убедиться в том, что его ученичество у Гиндаста, знаменитого краснодеревщика, продвигается успешно. А еще я собирался – хотя и боялся этого момента – рассказать ему о смерти Ночного Волка. Волк вырастил мальчика вместе со мной. Я страшился мгновения, когда мне придется поведать Неду о его гибели, и одновременно надеялся, что Шут окажется прав и мне станет легче, когда я смогу разделить свою печаль с мальчиком. Возможно, это звучит эгоистично, но ведь последние семь лет моей жизни мы с Недом провели вместе, а Ночной Волк оставался нашим спутником и всегда был рядом.

Если я все еще кому-нибудь или чему-нибудь принадлежал – так это моему мальчику. Мне требовалось почувствовать реальность того, что нас с ним связывало.

– Хочешь еще чая? – спросила Джинна.

Я не хотел чая. Мы уже выпили три чайника, и я дважды наведывался в туалет, расположенный за домом. Однако Джинна предложила мне чай, чтобы показать, что я могу оставаться столько, сколько захочу, и не важно, что уже поздно – или, наоборот, слишком рано. Я сказал: «Пожалуйста», и Джинна отложила в сторону вязанье, чтобы повторить ритуал: взяла чайник, наполнила его водой из кадушки и повесила на крюк над огнем. Ураган с удвоенной яростью набросился на ставни, закрывавшие окна, забарабанил по ним, но уже в следующее мгновение я понял, что это Нед стучит в дверь.

– Джинна! – не слишком уверенным голосом крикнул он. – Ты еще не спишь?

– Не сплю, – ответила она и отвернулась от очага. – Тебе повезло, что я еще не леглась, иначе пришлось бы тебе составить компанию своему пони в сарае. Я уже иду.

Когда она подняла щеколду, я встал и аккуратно спустил кота на пол.

Дурак. Котику было удобно, проворчал Феннел, недовольный тем, что лишился места.

Впрочем, большой рыжий котяра слишком разомлел от тепла и не стал громко протестовать. Не удостоив меня взглядом, он молча улегся, свернувшись клубочком, на стуле Джинны.

Нед открыл дверь, и в дом ворвался порыв холодного ветра.

– А ну-ка, приятель, закрывай быстрее, нечего тепло транжирить, – велела Джинна.

Нед послушно захлопнул дверь и остановился на пороге, вокруг его ног тут же натекла огромная лужа.

– Там мокро и ужасно холодно, – сообщил он Джинне.

На его лице цвела счастливая пьяная улыбка, но глаза блестели не только от вина. Они светились любовью, и это было так же очевидно, как мокрые волосы и капли воды, стекающие по лицу. Неду понадобилось несколько мгновений, чтобы сообразить, что я за ним наблюдаю.

– Том! Том, ты наконец вернулся!

Он широко развел руки в стороны, словно собирался обнять весь мир, я рассмеялся и шагнул к нему, чтобы прижать к себе.

– Ты перепачкаешь весь пол! – пожурил я его.

– Нет, я не должен. Ну и не буду, – заявил Нед и сбросил мокрый плащ.

Повесив его на крючок около двери, он пристроил свою шерстяную шапочку рядом. Затем попытался, стоя, снять сапоги, но едва не упал. Тогда он уселся прямо на пол и разулся. Дотянувшись до вешалки и поставив сапоги под плащом, Нед так и остался сидеть, счастливо улыбаясь.

– Том, я встретил девушку.

– Правда? А я решил, что ты встретился с бутылкой. От тебя разит спиртным.

– Ах да, – несколько не смущаясь, заявил Нед. – Но мы же должны были выпить за здоровье принца. А потом за его нареченную. И за счастливый брак. И за то, чтобы у них родилось много детей. А потом за наше счастье. – Он широко улыбнулся. – Она говорит, что любит меня. Ей нравятся мои глаза.

– Ну, это хорошо.

Сколько раз в жизни Неда люди, заглянув в его разные глаза – один карий, а другой голубой, – осеняли себя знаменем, защищающим от злых духов. Мальчик, наверное, счастлив, что ему встретилась девушка, которая находит его привлекательным.

И я вдруг понял, что сейчас не самое подходящее время для печальных известий. Вот почему я сказал:

– Мне кажется, тебе давно пора быть в постели, мальчик мой. Разве твой наставник не ждет тебя завтра утром в мастерской?

У Неда сделался такой вид, будто ему влепили пощечину дохлой рыбиной. Улыбка погасла.

– Да-да. Ты прав. Он меня будет ждать. Старина Гиндаст считает, что его ученики должны приходить раньше мастеров, а мастера обязаны вовсю трудиться, когда является он сам. – Нед собрался с силами и медленно встал на ноги. – Том, я ожидал совсем другого. Я подметаю, убираю грязь, ношу доски и переворачиваю дерево, которое сушится. Я точу, чищу и смазываю инструменты. Потом снова подметаю. Втираю масло в готовые изделия. Но за все время я ни разу не взял в руки инструментов – по-настоящему, я имею в виду. Я только и слышу: «Смотри, как это делается, мальчик» – или: «Повтори, что я тебе сказал», а еще: «Я просил совсем не это. Отнеси назад и давай сюда отполированное вишневое дерево. Да побыстрее». И знаешь, Том, они обзываются. Они дразнят меня деревенщиной и тупицей.

– Гиндаст обзывает всех своих учеников, Нед. – Тихий, ласковый голос Джинны временно утешал и успокаивал, но я все равно почувствовал себя странно, когда в наш разговор вмешался третий человек. – Про это все знают. Один из его учеников так и сохранил свое прозвище, когда уже стал взрослым и открыл собственное дело. Теперь люди платят большие деньги за стол, сделанный Простаком.

Джинна вернулась к своему стулу и взяла вязанье, но садиться не стала – впрочем, место все равно было занято котом.

Я попытался не показать, как сильно меня расстроили слова Неда. Я ожидал услышать, что ему страшно все нравится и как он благодарен мне за то, что я сумел пристроить его к такому знаменитому мастеру. Я надеялся, что с его ученичеством полный порядок.

– Ну, я ведь предупреждал, что тебе придется много работать, – напомнил я ему.

– И я был к этому готов, правда, Том. Я могу целый день резать дерево, обрабатывать его, придавать ему самую разную форму. Но я не ожидал, что мне будет до смерти скучно. Подметать полы и бегать по поручениям... Знаешь, я вполне мог бы остаться дома – все равно я ничему здесь не учусь.

В мире существует очень мало вещей, которые ранят так же сильно, как бездумно произнесенные слова юноши. Его презрение к нашей старой жизни, высказанное столь прямо, лишило меня дара речи.

Нед поднял голову и посмотрел мне в глаза.

– Где ты был и почему уехал так надолго? – с негодованием спросил он. – Разве ты не знал, что нужен мне? – Затем он прищурился и взглянул на меня укоризненно. – Что ты сделал со своими волосами?

– Подстриг, – ответил я.

Я смущенно провел рукой по коротким волосам, которые подстриг в знак траура. Неожиданно я понял, что вряд ли смогу еще что-нибудь произнести. Я знал, что Нед слишком молод и склонен видеть мир прежде всего таким, каким он воздействует на него самого. Однако краткость моего ответа заставила его понять, что я сказал не все.

Он принялся вглядываться в мое лицо, а потом спросил:

– Что случилось?

Я сделал глубокий вдох, понимая, что мне уже ничто не поможет.

– Ночной Волк умер, – едва слышно ответил я.

– Но... Я виноват? Он от меня убежал, Том. Я его искал, честное слово, искал. Джинна тебе скажет...

– Это не твоя вина. Он отправился за мной и нашел меня. Я был рядом с ним, когда он умер. Ты ни в чем не виноват, Нед. Просто он стал очень старым. Пришло его время, и он меня покинул.

Несмотря на все мои старания, при этих словах у меня перехватило горло.

Облегчение, появившееся на лице мальчика, когда он понял, что я его ни в чем не обвиняю, пронзило мое сердце еще одной острой стрелой. Неужели это для него важнее, чем смерть волка? Но потом он сказал: «Я не верю тебе», и я вдруг понял, что он говорит правду. Пройдет несколько дней, прежде чем он осознает, что старый волк к нам не вернется. Ночной Волк больше никогда не будет лежать рядом с ним у камина, не будет тыкаться носом в его руку, чтобы Нед почесал его за ушами, никогда не отправится вместе с ним на охоту на зайцев. На глаза мне навернулись слезы.

– Все будет хорошо. Тебе просто нужно время, чтобы привыкнуть, – с трудом проговорил я.

– Надеюсь, – прошептал он.

– Иди поспи. У тебя еще есть пара часов.

– Да, наверное, ты прав, – не стал спорить Нед и шагнул ко мне. – Том, мне очень жаль, – сказал он и обнял меня, прогнав часть обид, которые успел мне нанести пару минут назад. Потом он посмотрел на меня и очень серьезно спросил: – Том, ты придешь завтра вечером, правда? Мне нужно с тобой поговорить. Это очень важно.

– Я приду завтра вечером. Если Джинна не против.

Я взглянул через плечо Неда на колдунью, а потом выпустил его из объятий.

– Джинна нисколько не против, – заверила меня она, и мне захотелось, чтобы только я слышал особую ласковую нотку, прозвучавшую в ее голосе.

– Ладно, встретимся завтра. Когда ты протрезвеешь. А теперь отправляйся спать, приятель.

Я взъерошил его мокрые волосы, и он едва слышно пожелал нам спокойной ночи. Нед ушел, а я остался с Джинной наедине. В комнате царила оглушительная тишина. В камине прогорело полено и упало с тихим треском.

– Я должен идти. Спасибо, что разрешила мне подождать Неда.

Джинна снова положила свое вязанье.

– Пожалуйста, Том Баджерлок.

Мой плащ висел на вешалке у двери, я снял его с крючка и набросил на плечи. Неожиданно Джинна потянулась ко мне, чтобы застегнуть его, а потом набросила капюшон на мою остриженную голову. Улыбнувшись, она взялась за его края и притянула к себе мое лицо.

– Спокойной ночи, – прошептала она и подняла голову.

Я положил руки ей на плечи и поцеловал. Мне очень хотелось, но я удивился тому, что позволил себе поддаться искушению. Куда может привести обмен поцелуями, как не к сложностям и тревогам?

Наверное, Джинна почувствовала, что меня что-то удерживает от дальнейшего. Когда я снова от нее отодвинулся, она едва заметно покачала головой и взяла меня за руку.

– Ты слишком из-за всего переживаешь, Том Баджерлок. – Она поднесла мою руку к губам и мягко поцеловала ладонь. – Некоторые вещи гораздо проще, чем ты думаешь.

Я страшно смутился, но все-таки сумел пробормотать:

– Как было бы хорошо, будь это правдой.

– Сладкозвучные речи придворного. – Ее слова меня согрели, но уже в следующее мгновение Джинна добавила: – Только ласковые слова не удержат Неда от глупостей. Очень скоро тебе придется проявить к нему строгость. За Недом нужно присматривать, иначе он станет добычей Баккипа. И он будет не первым хорошим мальчиком из деревни, которого испортил город.

– Мне кажется, я знаю своего сына, – заявил я сердито.

– Возможно, ты знаешь мальчика. А я опасаясь за судьбу юноши. – Джинна рассмеялась, увидев, что я нахмурился, и добавила: – Прибереги этот взгляд для Неда. Спокойной ночи, Том. Увидимся завтра.

– Спокойной ночи, Джинна.

Она выпустила меня, а потом еще некоторое время стояла в дверях и смотрела мне вслед. Я оглянулся и увидел женщину в прямоугольнике желтого света. Ветер разметал ее волнистые волосы, швыряя локоны в лицо. Джинна помахала мне рукой, и я помахал ей в ответ, а потом она закрыла дверь. Я вздохнул и поплотнее закутался в свой плащ. Дождь стал не таким неистовым, да и ветер немного поутих, лишь иногда норовил налететь из-за угла на зазевавшегося прохожего, будто из засады. Ему страшно нравились праздничные украшения города, и он с бесшабашностью уличного хулигана срывал разноцветные гирлянды, которые змеились по мостовым, и рвал в клочья флаги.

Как правило, у входа в таверны горели факелы, указывая посетителям путь к их гостеприимным дверям, но сейчас они либо прогорели, либо их погасили владельцы, больше не ждавшие новых гостей. Большинство постоялых дворов и пивных закрылось на ночь, приличные горожане мирно спали в своих кроватях, да и не слишком приличные – тоже. Я быстро шел по холодным пустынным улицам, полагаясь больше на свое чувство направления, чем на глаза. Как только я выйду из удобно устроившегося на скалах города, станет еще темнее, и я начну подниматься по извивающейся дороге, ведущей в замок, но эту дорогу я знаю с детства, и ноги сами приведут меня домой.

Я заметил, что за мной идут какие-то люди, лишь когда оставил за спиной окраину Баккипа. Когда я замедлял шаги, они тоже начинали идти медленнее, и, значит, они преследовали меня, а не просто возвращались домой после веселой пирушки. Очевидно, они не хотели меня догонять, пока город не останется позади. И намерения у них не самые лучшие. Уходя из замка,

я не прихватил с собой оружия – я слишком долго жил один в своей лесной хижине и забыл, какие опасности могут поджидать меня в городе.

Впрочем, у меня за поясом имелся небольшой кинжал, который есть у каждого мужчины – так, на всякий случай, – но более ничего серьезного. Уродливый старый меч в потрепанных ножнах остался на стене в моей каморке. Я попытался убедить себя, что это всего лишь обычные разбойники, решившие пожить легкой добычей. Наверняка они думают, будто я хорошенько приложился к бутылке и не знаю, что они за мной увязались. Как только я окажу им сопротивление, они разбегутся в разные стороны.

Слабое утешение. Я не имел ни малейшего желания ни с кем драться. Мне надоело сражаться, и я устал постоянно быть начеку. Впрочем, я сомневался, что им есть до этого дело. Вот почему я остановился на месте и повернулся на темной дороге, чтобы оказаться лицом к тем, кто меня преследовал. Потом я встал поудобнее и достал кинжал.

У меня за спиной царил тишина, если не считать вздохов ветра, метавшегося среди деревьев, растущих вдоль дороги. Через некоторое время я различил грохот волн, набегавших на прибрежные скалы. Я попытался услышать людей, пробирающихся сквозь кустарник или бегущих по дороге, – ничего. Меня охватило нетерпение.

– Ну, выходите! – выкрикнул я в ночь. – У меня для вас ничего нет, кроме ножа, но добровольно я вам его не отдам. Давайте быстрее покончим с этим и разойдемся по домам!

Ответом мне была тишина, и собственный вопль показался мне глупым. Когда я уже решил, что преследователи мне привиделись, что-то пробежало мимо, чуть коснувшись моей ноги. Какое-то маленькое животное, быстрое и легкое, крыса или ласка – может быть, белка. Но не дикое, потому что оно цапнуло меня за ногу. От неожиданности я отскочил назад и справа от себя услышал смех. Я вглядывался в темноту и пытался понять, кто прячется в окутанном ночным мраком лесу, когда слева от меня, ближе, чем смех, прозвучал голос:

– И где же твой волк, Том Баджерлок?

В словах прозвучали насмешка и вызов. У себя за спиной я различил шорох когтей по песку и понял, что там притаилось животное побольше, но, когда я резко развернулся, оно растворилось в темноте, и я снова услышал приглушенный смех. Значит, меня преследовали по меньшей мере три человека и два животных, связанных с ними Даром. Тогда я попытался составить план сражения, отложив на потом раздумья о том, что означает эта встреча. Я ждал их и одновременно постарался успокоиться, делая медленные, глубокие вдохи. Полностью открывшись ночи, я заставил себя отбросить неожиданно накотившую тоску по ушедшему Ночному Волку и ощущению защищенности, которое давало мне его присутствие. С ним я всегда знал, что могу не бояться нападения сзади.

На сей раз мне удалось услышать приближение меньшего из зверей, и я нанес ему сильный удар ногой, но лишь чуть-чуть задел, прежде чем он успел убежать.

– Я его убью! – предупредил я готовую атаковать меня ночь, но лишь нахальный смех был ответом. Тогда я опустил до того, что выкрикнул: – Что вам от меня нужно? Оставьте меня в покое!

Ветер подхватил и унес эхо моего детского вопроса, а наступившая тишина была родной сестрой одиночества.

– Где твой волк, Том Баджерлок? – прозвучал на сей раз женский голос, мелодичный, наполненный с трудом сдерживаемым смехом. – Ты по нему скучаешь, предатель?

Страх, холодивший мою кровь, вдруг превратился в обжигающую ярость. Я останусь здесь стоять, и убью их всех, и оставлю тела валяться на дороге. И тогда я расслабил пальцы, сжимавшие кинжал, и приготовился драться. Я напряженно ждал, понимая, что они нападут неожиданно, одновременно, сначала животные, которые набросятся на меня снизу, а потом люди – с оружием в руках. У меня был только кинжал. Значит, нужно подождать, пока они

подойдут поближе. Я знал, что, если побегу, они атакуют меня сзади. Лучше вынудить их приблизиться на удобное для меня расстояние. И тогда я их прикончу – всех до одного.

Не знаю, сколько я так простоял. В подобных ситуациях время либо останавливается, либо мчится, точно ветер. Я услышал крик птицы, возвещавшей приближение рассвета, ей ответила другая, а я все ждал нападения. Когда свет начал пятнать ночное небо, я сделал глубокий вдох и внимательно огляделся по сторонам, но среди деревьев никого не было. В воздух поднялась стая маленьких птичек, ночевавших на ветвях, и вниз, на землю, пролились серебристые капли дождя. Мои преследователи ушли. Маленькое животное, укусившее меня за ногу, не оставило следов на мокром камне дороги. От того, что побольше, остался отпечаток одной лапы на обочине – собака, не слишком крупная. И все.

Я повернулся и направился в замок. Меня вдруг начала бить крупная дрожь – не от пережитого страха, просто отступало напряжение, на место которому пришла ярость.

Чего они хотели? Сообщить мне о себе, продемонстрировать, что им известно, кто я такой и где живу? Ну хорошо, они это сделали. Я заставил себя успокоиться и попытаться понять, насколько они опасны. Я думал не столько о себе, сколько вообще об угрозе, которую они могли представлять. Известно ли им про Джинну? Вполне возможно, что они следили за мной от самых дверей ее дома. И знают ли они про моего мальчика?

Я выругал себя за легкомыслие и глупость. Как я мог рассчитывать на то, что Полукровки оставят меня в покое? Они знают, что лорд Голден приехал из Оленьего замка, а его слуга, Том Баджерлок, – Одаренный. Им известно, что Том Баджерлок отрубил руку лорду Лодвайну и увез от них принца, которого они захватили в плен. Они обязательно захотят отомстить и могут легко это сделать, вывесив где-нибудь на видном месте свое мерзкое письмо, сообщающее, что я пользуюсь Даром, презираемой всеми Звериной магией. Тогда меня повесят, четвертуют и сожгут мои останки. Неужели я надеялся, что Баккип и Олений замок сумеют защитить меня от них?

Мне следовало догадаться, что так будет. Как только я вернулся ко двору и погрузился в политику и придворные интриги, я стал уязвим. «Но ведь я же прекрасно знал, что так будет», – с горечью признался я самому себе. Целых пятнадцать лет это знание удерживало меня от возвращения в Олений замок. Только Чейд, его просьба о помощи и необходимость вернуть принца Дьютифула в замок заставили меня покинуть мою хижину. Теперь у меня есть только два пути, понял я. Либо я должен разорвать все связи и бежать, как я уже сделал однажды, либо погрузиться в хитросплетение интриг, всегда царивших при дворе Видящих. Если я останусь, мне придется снова начать мыслить как наемный убийца и постоянно помнить о риске и угрозе собственной жизни, а также опасности для тех, кто меня окружает.

Затем я заставил себя рассуждать здраво – мне придется стать убийцей. Я должен быть готов прикончить каждого, кто будет представлять опасность для принца или меня самого. Следует посмотреть правде в глаза: те, кто явился запугать Тома Баджерлока и напомнить ему о смерти его волка, наверняка знали, что принц Дьютифул тоже владеет Звериной магией. Оказывая давление на него, они попытаются положить конец преследованиям Одаренных и захватить власть в свои руки. И не важно, что до определенной степени я им сочувствую. Я тоже пострадал от своего Дара и не хотел, чтобы эта участь коснулась еще кого-нибудь. Если бы они не представляли угрозы для моего принца, я мог бы даже встать на их сторону.

Вскоре я подошел к воротам замка. Из караульного помещения доносились голоса, и я понял, что стражники завтракают. В дверях торчал паренек лет двадцати, в одной руке он держал кусок хлеба с сыром, в другой – кружку с пивом. Он взглянул на меня и, не переставая жевать, кивком показал, что я могу проходить. Я остановился, чувствуя, как меня переполняет гнев.

– Ты меня знаешь? – спросил я у паренька.

Он вздрогнул и посмотрел на меня внимательнее. Очевидно, он испугался, что обидел какого-то мелкого аристократа, но моя одежда убедила его, что все в порядке.

– Ты слуга из замка. Так ведь?

– Чей слуга? – потребовал я ответа.

Я понимал, что мне не стоит привлекать к себе внимание, но уже не мог остановиться. Ведь точно так же вчера вечером в замок могли войти люди, в чьи намерения входит убить принца.

– Ну... я не знаю! – выпалил паренек и выпрямился, однако ему все равно пришлось задрать голову, чтобы наградить меня сердитым взглядом. – Откуда я могу знать такие вещи? И какое мне дело?

– А такое, проклятый болван, что ты охраняешь главный вход в Олений замок. Благополучие твоей королевы и принца зависят от того, насколько хорошо ты выполняешь свои обязанности. А если ты пропустишь внутрь врагов? Ведь ты здесь для того и стоишь, чтобы никто из них не проник в замок. Разве нет?

– Ну, я... – Паренек сердито тряхнул головой и, неожиданно повернувшись к двери, крикнул: – Кеспин! Можешь выйти на минутку?

Кеспин был выше и старше мальчишки, стоявшего у двери. Он двигался как опытный воин, и его глаза на заросшем бородой лице светились умом. Он оглядел меня, стараясь понять, представляю ли я опасность, и решил, что не представляю.

– В чем дело? – спросил он нас обоих, и в его голосе прозвучало не предупреждение, а уверенность в том, что он может легко с нами справиться.

Паренек показал на меня рукой с кружкой пива:

– Он разозлился, что я не знаю, чей он слуга.

– Что?

– Я слуга лорда Голдена, – пояснил я. – И меня беспокоит, что стража лишь наблюдает за воротами. Вот уже две недели я постоянно вхожу и выхожу из замка, и меня ни разу никто не остановил. Мне кажется, что так быть не должно. Пару десятков лет назад стража гораздо серьезнее относилась к своим обязанностям. Было время...

– Тогда так было нужно, – перебил меня Кеспин. – Во время войны красных кораблей. Но сейчас у нас мир, приятель. В замке и городе полно гостей с Внешних островов, а также аристократов из других герцогств, прибывших на помолвку принца. Мы не можем знать всех.

Я сглотнул, жалея, что все это затеял, но решил не отступать.

– Стоит допустить только одну ошибку – и жизни нашего принца будет угрожать опасность.

– Или допустить ошибку и оскорбить какого-нибудь аристократа с Внешних островов. Я получил приказ королевы Кеттриккен, она желает, чтобы мы вели себя вежливо и гостеприимно. Никакой подозрительности и грубости. Хотя я готов сделать ради тебя исключение.

Улыбка несколько смягчила угрозу, но я понял, что Кеспина совсем не порадовали сомнения в его компетентности.

Я поклонился, понимая, что вел себя неправильно. Мне следует поговорить об этом с Чейдом и убедить его в том, что стража должна быть внимательнее.

– Понятно, – дружелюбно пробормотал я. – Ладно, я только спросил. Никаких обид.

– В следующий раз, когда будешь выезжать из ворот на большой черной кобыле, помни, что человеку не нужно много спрашивать, чтобы что-нибудь знать. Ну, раз уж мы об этом заговорили, напомни-ка, как тебя зовут?

– Том Баджерлок. Слуга лорда Голдена.

– Ага. Слуга. – Кеспин понимающе улыбнулся. – И телохранитель. Да, я кое-что слышал. Впрочем, про лорда Голдена много говорят. Однако ты не похож на человека, которого он стал бы терпеть около себя добровольно. – Кеспин наградил меня странным взглядом, словно

ожидая ответа, но я решил промолчать, не очень понимая, что он имеет в виду. Через пару секунд Кеспин пожал плечами. – Ладно. Только иностранцу может прийти в голову завести личного охранника, когда он живет в Оленьем замке. Ну хорошо, иди своей дорогой, Том Баджерлок. Теперь мы тебя знаем; надеюсь, тебе полегчало и ты будешь крепче спать ночью.

Итак, меня пропустили в замок. Я отошел от ворот, чувствуя себя ужасно глупо. Впрочем, я был сильно раздосадован и решил поговорить с Кетриккен, чтобы убедить ее в опасности, которую представляют для принца Полукровки. С другой стороны, я понимал, что в ближайшие дни она не сможет уделить мне ни минуты. Сегодня вечером состоится церемония помолвки, и все мысли королевы будут заняты переговорами с представителями Внешних островов.

В кухне уже вовсю кипела жизнь. Горничные и пажи готовились разносить чайники и тарелки с кашей. Соблазнительные ароматы напомнили мне, как давно я не ел, и я собрал поднос с завтраком для лорда Голдена, на который поставил тарелку с ветчиной и свежими рогаликами, горшочек масла и клубничный джем. Из корзинки с персиками, выращенными в замковом саду, я выбрал несколько штук покрепче и направился к двери. По дороге я встретил служанку-садовницу с подносом, полным цветов.

– Ты слуга лорда Голдена? – спросила она, а когда я кивнул, знаком показала, чтобы я подождал, собрала букет свежих цветов, добавила к нему несколько ароматных белых бутонов и положила их на мой поднос. – Это для лорда Голдена, – сказала она, хотя все и так было понятно, и поспешила дальше по своим делам.

Я поднялся в апартаменты лорда Голдена, постучал и через пару секунд вошел. Дверь в спальню оказалась закрытой, но, прежде чем я закончил расставлять завтрак на столе, мой хозяин вышел уже полностью одетый. Его блестящие волосы были зачесаны назад и завязаны голубой шелковой лентой. В руке он держал голубой камзол. Сегодня Шут надел белоснежную рубашку, роскошно отделанную кружевами, и голубые – чуть темнее камзола – легинсы. Наряд изумительно подходил к его золотым волосам и янтарным глазам – возникало ощущение, будто смотришь в яркое летнее небо.

– Хорошо, Том Баджерлок, ты наконец понял, что твои обязанности требуют, чтобы ты рано вставал, – мягко улыбнувшись, заявил он. – Жаль только, что твой вкус к одежде продолжает спать крепким сном.

Я с самым серьезным видом поклонился и выдвинул для него стул. Потом, выйдя из роли слуги, тихо и спокойно объяснил своему другу:

– Если честно, я еще не ложился. Нед вернулся только на рассвете, а по дороге домой я встретил Полукровок, которые меня несколько задержали.

Улыбка тут же исчезла с лица Шута. Он не стал садиться и схватил меня за руку холодными пальцами.

– Ты не ранен? – встревоженно спросил он.

– Нет, – успокоил я его и показал на стол. Шут неохотно сел, а я подошел поближе и поставил перед ним тарелку. – В их намерения это не входило. Они хотели только показать, что знают мое имя, где я живу и что обладаю Даром. И что мой волк мертв.

Последние слова дались мне нелегко, словно я мог жить с тем, что произошло, лишь пока не говорю об этом вслух. Я закашлялся и поспешно взял в руки цветы. Показав на бутоны, я сказал:

– Я поставлю их возле твоей кровати.

– Спасибо, – прошептал Шут так же тихо.

Я нашел в комнате вазу. Видимо, даже служанки лучше меня знают пристрастия лорда Голдена. Налив в вазу воду из кувшина для умывания, я поставил ее на столик около кровати. Когда я вернулся, лорд Голден уже надел свой камзол и украсил белым бутоном.

– Мне нужно как можно скорее поговорить с Чейдом, – сказал я, наливая чай. – Но не могу же я открыто отправиться к нему и постучать в дверь.

Шут поднес к губам чашку и сделал глоток.

– А разве нельзя попасть в его комнату по какому-нибудь из тайных проходов?

– Ты же знаешь старого лиса, – сказал я, выразительно взглянув на Шута. – Его секреты принадлежат только ему, и он наверняка позаботился, чтобы никто не мог проследить за ним, когда он об этом не подозревает. Из его апартаментов, конечно же, можно попасть в потайные коридоры, только я не знаю как. Он вчера долго не ложился?

Лорд Голден поморщился.

– Когда я решил, что пора мне отправиться на покой, он все еще танцевал. Поразительно, откуда только у старика берется так много сил, когда он решает поразвлечься. Я отправлю к нему пажа с запиской, приглашу днем покататься верхом. Так будет хорошо?

Шут уловил беспокойство в моем голосе, но не стал задавать вопросов, и я был ему благодарен.

– Да, – ответил я. – Думаю, раньше у него все равно в голове не прояснится. – Я сжал виски руками, словно надеялся, что смогу таким способом привести мысли в порядок. У меня неожиданно появилось столько вопросов и тревог, столько всего необходимо обдумать. Если Полукровки знают обо мне, значит им известно про принца.

– Ты узнал кого-нибудь из них? Они из банды Лодвайна?

– Не забывай, была ночь. И они старались не подходить близко. Я слышал голоса мужчины и женщины, но уверен, что их было не меньше трех. Один из них связан с собакой, а другой с каким-то маленьким зверьком – крысой, лаской или белкой. – Я вздохнул. – Необходимо предупредить стражу у ворот, чтобы внимательнее следили за всеми, кто входит и выходит из замка. Кроме того, принца ни на минуту нельзя оставлять одного. С ним постоянно должен находиться «наставник, способный его защитить», – кажется, так сказал Чейд? И еще: мне необходимо условиться с Чейдом, как я смогу с ним связываться, если он мне срочно понадобится. И последнее: нужно следить за появлением в замке мелких грызунов, особенно в комнате принца.

Шут собрался о чем-то меня спросить, но тут же передумал. Вместо этого он сказал:

– Боюсь, я должен добавить к твоим головным болям еще одну. Принц Дьютифул вчера вечером передал для тебя записку. Он хочет знать, когда ты начнешь учить его владению Силой.

– Он это написал?

Когда лорд Голден неохотно кивнул, я пришел в ужас. Я понимал, что принц по мне скучает. Наша Сила объединяла нас, и я чувствовал подобные вещи. Я оградил собственную Силу защитной стеной, чтобы юноша не слышал моих мыслей, но он еще этого не умел. Несколько раз я ощущал его слабые попытки до меня дотянуться, но проигнорировал их, пообещав себе, что скоро наступит более подходящий момент для наших занятий. Очевидно, мой принц не отличался терпением.

– Мальчика нужно научить осторожности. Некоторые вещи нельзя доверять бумаге, а те...

Я осекся и, наверное, побледнел, потому что лорд Голден резко вскочил на ноги и мгновенно превратился в моего друга Шута, который бросился ко мне и потянул к своему стулу.

– Что такое, Фитц? У тебя начинается приступ?

Я рухнул на подставленный Шутом стул. Стоило мне сообразить, какой я глупец, у меня закружилась голова. Я задыхался так сильно, что некоторое время не мог произнести ни слова.

– Шут. Все мои записи и манускрипты. Я уехал, как только получил записку Чейда, и оставил их в своей хижине. Конечно, я велел Неду перед отъездом в Баккип запретить дом, но

он ведь не стал их прятать, просто прикрыл дверь в мой кабинет. Если Полукровки достаточно умны и смогут догадаться, что мы с Недом имеем друг к другу отношение...

Я замолчал, зная, что продолжать нет необходимости, он и сам все понял. Глаза у него стали огромными, точно два блюда. Шут прочитал все, что я так легкомысленно поведал бумаге. Не только о себе, там упоминались тайны Видящих, о которых посторонним лучше не знать. А еще в тех проклятых свитках содержались сведения, которые могли подставить под удар близких мне людей: Молли – мою потерянную любовь, Неттл – нашу дочь. Как мог я быть настолько глуп, что оставил свои тайные размышления на бумаге? Как мог позволить ложному утешению, которое дарило мне описание подобных вещей и прошедших событий, притупить мой разум? Тайна остается скрытой, только пока она живет в сердце и разуме. Все записи давным-давно следовало сжечь.

– Прошу тебя, Шут. Поговори с Чейдом вместо меня. Я должен немедленно туда отправиться. Сегодня же.

Шут осторожно положил руку мне на плечо.

– Фитц, если они исчезли, может быть уже слишком поздно. А если Том Баджерлок поспешно покинет замок, это наверняка вызовет подозрения и погоню. А вдруг ты приведешь Полукровок прямо к своим записям? Они рассчитывают, что после нападения на дороге ты попытаешься сбежать. Значит, они будут следить за воротами Баккипа. Подумай спокойно. Вполне возможно, что твои опасения беспочвенны.

– Почему они должны сообразить, что Том Баджерлок имеет какое-то отношение к Неду, не говоря уже о том, откуда он явился в Баккип? – продолжал Шут. – Не надо действовать сгоряча. Сначала поговори с Чейдом и расскажи ему, что произошло. А также тебе необходимо встретиться с принцем. Сегодня его помолвка. Мальчик прекрасно держится, но это лишь фасад, который может в любой момент рассыпаться в прах. – Он замолчал, а потом неуверенно добавил: – Возможно, стоит послать кого-нибудь...

– Нет, – твердо перебил его я. – Мне необходимо поехать самому. Кое-что я заберу, остальное уничтожу.

Я вспомнил танцующего оленя, которого Шут вырезал на моей столешнице. Герб Фитца Чивэла Видящего украшал дом Тома Баджерлока. Сейчас даже это казалось мне опасным. Я решил, что должен его сжечь. Вместе с хижинкой, чтобы от нее не осталось и следа, указывающего на то, что я там жил. Даже травы, растущие в саду, могли многое обо мне поведать.

Шут погладил меня по плечу.

– Поешь чего-нибудь, – предложил он. – Затем умойся и переоденься. Не принимай скоропалительных решений. Если мы будем идти своей дорогой, мы справимся и с этим испытанием, Фитц.

– Баджерлок, – напомнил я ему и встал на ноги. Я считал, что мы должны продолжать играть наши роли. – Прошу меня простить, милорд. Мне вдруг стало нехорошо, но сейчас уже все в порядке. Извините, что помешал вашему завтраку.

Несколько секунд сострадание наполняло глаза Шута. Затем, не говоря больше ни слова, он уселся на свое место за столом. Я снова наполнил его чашку чаем, и он принялся есть, погрузившись в задумчивое молчание.

Я обошел комнату, но Шут отличался поразительной аккуратностью, и делать мне – как его слуге – было особенно нечего. Неожиданно я подумал, что его стремление к порядку является частью его личности. Он научился не оставлять никаких напоминаний о себе, кроме тех, которые позволительно увидеть посторонним. Мне следовало взять у него несколько уроков.

– Милорд, вы позволите мне ненадолго отлучиться? – спросил я.

Лорд Голден поставил чашку и на мгновение задумался.

– Разумеется, – сказал он наконец. – Я намерен выйти, Баджерлок. Убери поднос с остатками завтрака, принеси свежей воды в кувшины и дров для камина. Затем тебе следует заняться

оттачиванием своего мастерства владения мечом – потренироваться со стражниками. Сегодня днем я собираюсь отправиться на прогулку и хочу, чтобы ты меня сопровождал. И не забудь переодеться.

– Слушаюсь, милорд, – тихо проговорил я.

Я оставил его за столом, а сам вошел в свою темную комнату и быстро ее оглядел. Я не стану здесь ничего хранить, кроме вещей, которые могут принадлежать Тому Баджерлоку. Я вымыл лицо и причесал короткие волосы. Надел синий костюм слуги. Потом достал свою старую одежду, дорожную сумку, набор отмычек и специальных инструментов, которые мне подарил Чейд, а еще несколько мелочей, привезенных мной из моего дома в лесу.

Я быстро перебирал свои вещи и вдруг наткнулся на мешочек из кожи, сморщившейся от морской воды. Кожаные завязки высохли и стали ужасно жесткими, и мне пришлось их разрезать. Я вытряхнул на кровать его содержимое – небольшую фигурку, подобранную принцем на берегу моря во время нашего злополучного путешествия через монолит Силы. Я убрал ее назад в старый мешочек и положил поверх своих вещей, чтобы позже отдать Дьютифулу.

Затем я закрыл дверь комнаты, нажал на скрытый механизм в стене и прошел по погрузившейся в полнейший мрак комнате, легко касаясь рукой разных участков стены. Вскоре она бесшумно скользнула в сторону – и я оказался в одном из тайных проходов замка. В потолке были прорублены узкие щели, которые впускали сюда дневной свет. Я спокойно закрыл за собой дверь и начал подниматься по крутой лестнице в башню Чейда.

II Слуга Чейда

У Хокина Белого был кролик, которого он очень любил. Он жил в его саду, приходил, когда его звали, и мог часами неподвижно лежать у хозяина на коленях. Изменяющей Хокина была девушка, почти совсем ребенок. Ее звали Редда, но Хокин называл ее Косоглазка, потому что один ее глаз всегда смотрел в сторону. Ей не нравился кролик, поскольку всякий раз, когда она садилась рядом с Хокином, тот больно кусал ее, стараясь прогнать. Однажды кролик умер, и, обнаружив его тельце в саду, Редда освежевала и выпотрошила его, а потом приготовила жаркое. Хокин обнаружил пропажу своего любимца, только когда закончился обед. Редда радостно сообщила ему, что он его съел несколько минут назад. Хокин выругал ее, но она, нисколько не огорчившись, сказала: «Но, господин, вы же сами предвидели такой поворот событий. Разве не вы написали в своем седьмом свитке такие слова: „Пророк испытывал голод по теплу его тела, хотя и знал, что это будет означать его кончину“».

Писарь Катерен о Белом Пророке Хокине

Я прошел почти половину пути до башни Чейда, когда задумался о том, что делаю. Я спасался бегством, пытаясь спрятаться в потайной норе и надеясь, что мой старый наставник окажется на месте и объяснит, как мне следует поступить, – совсем как во времена, когда я был учеником убийцы.

Я пошел медленнее. То, что годится для семнадцатилетнего мальчишки, совсем не к лицу мужчине тридцати пяти лет. Пришла пора самостоятельно искать свой путь среди придворных интриг. Или навсегда покинуть двор.

Я поравнялся с одной из небольших ниш, встречающихся по всему коридору. Около нее стояла скамейка, и я сразу понял, что здесь расположен глазок, через который можно заглянуть в одну из комнат замка. Я положил на скамейку узел со своими вещами и уселся, чтобы немного подумать. Как разумнее всего поступить?

Убить всех моих врагов.

Отличный план, но я не знаю, кто они. Другой путь гораздо сложнее. Я должен защитить от Полукровок не только себя, но и принца Дьютифула. Я на время отбросил в сторону беспокойство о собственной безопасности и попытался понять, чем они могут угрожать принцу. Самое страшное – объявить, что он – Одаренный. Правители Шести Герцогств ни за что не согласятся, чтобы над ними стоял монарх, владеющий всеми презираемой магией. Следовательно, не только будет повергнута в прах мечта Кетриккен о мире с Внешними островами, но, скорее всего, Видящие лишатся трона. Однако столь крайние действия не принесут Полукровкам никакой пользы.

Как только Дьютифул лишится власти, им будет нечем его шантажировать. И, что еще хуже, будет низвергнута королева, которая постоянно вызывает к своему народу, чтобы он проявил терпимость к Одаренным. Нет. Угроза раскрыть тайну принца полезна только до тех пор, пока он является наследником трона. Полукровкам нет смысла его убивать. Они хотят подчинить его своей воле.

А что это может означать? О чем они попросят? Возможно, выдвинут требование, чтобы королева издала суровый закон, запрещающий убивать Одаренных исключительно за то, что они передают этот Дар своим детям? Или Полукровки захотят большего? Они будут дураками, если не попытаются захватить побольше власти в свои руки. Если среди герцогов и аристократов есть те, в чьих жилах течет Древняя Кровь, Полукровки могут попробовать добиться для них благосклонности представителей королевской фамилии.

Интересно, прибыли ли в замок Брезинги, чтобы принять участие в церемонии помолвки? Это следует проверить. Мать и сын, вне всякого сомнения, наделены Даром и действовали заодно с Полукровками, чтобы выманить принца из замка. Постараются ли они предпринять новую, более решительную попытку воздействовать на Дьютифула? И как Полукровки сумеют убедить Кетриккен в том, что их угрозы реальны? Кого или что они могут уничтожить, чтобы продемонстрировать ей серьезность своих намерений?

Ответ напрашивается сам собой. Тома Баджерлока. Для них я всего лишь пешка на игровой доске, слуга, но очень неприятный тип, который уже один раз вмешался в их планы и к тому же сделал инвалидом одного из их главарей. Вчера вечером они показались мне, уверенные в том, что я непременно передам их «послание» тем, кому в Оленьем замке принадлежит власть. А затем, чтобы продемонстрировать Видящим, насколько они уязвимы, Полукровки загонят меня, как гончие загоняют оленя. Через меня они покажут Кетриккен и Дьютифулу, что не намерены шутить.

Я закрыл лицо руками. Самое разумное для меня – бежать. Однако даже после такого короткого пребывания в Оленьем замке я очень не хотел покидать его снова. Замок, выстроенный из холодного камня, когда-то стал для меня домом, а Видящие – моей семьей, хоть я и был незаконнорожденным.

Неожиданно до меня донесся едва различимый звук. Я выпрямился и тут же сообразил, что слышу голос, который долетел до меня через толстые стены. Сам не зная зачем, я наклонился вперед, заглянул в глазок и увидел роскошную спальню. Спинай ко мне стояла темноволосяя девушка. Рядом с камином устроился в кресле старый солдат. Некоторые из шрамов на его лице были сделаны нарочно, а чтобы они были более заметны, он втер в них пепел – среди представителей Внешних островов это считалось украшением. Однако другие шрамы говорили о том, что этот человек принял участие не в одном сражении. В бороде и волосах виднелись седые пряди. Он чистил и подравнивал ногти кинжалом, а девушка разучивала перед ним па одного из популярных при дворе танцев.

– ...Два в сторону, один назад, затем поворот, – повторяла она, и ноги послушно выполняли ее приказы.

Когда она грациозно повернулась, окутанная облаком вышитых юбок, я успел на мгновение разглядеть ее лицо. Нарческа Эллиана, невеста Дьютифула, репетировала свой первый танец с принцем, который ей придется исполнить сегодня вечером.

– И снова два шага в сторону, и два шага назад, и...

– Один шаг назад, Элли, – перебил ее старик. – А потом поворот. Попробуй еще раз.

Она остановилась на месте и что-то быстро проговорила на своем родном языке.

– Эллиана, тебе нужно практиковаться в языке землепашцев. Он неотделим от танца, – совершенно спокойно произнес старик.

– А мне все равно, – капризно заявила девушка. – Их скучный язык ничем не отличается от этого уродливого танца. – Она выпустила юбку, которую придерживала, и сложила на груди руки. – Глупость какая-то! Дурацкие шажки и повороты! Они похожи на голубей, которые кивают головами и щиплют друг друга перед спариванием.

– Именно, – добродушно согласился он. – И по той же самой причине. Давай учись. Ты должна станцевать безупречно. Если ты в состоянии запомнить упражнения по владению мечом, уж с этим-то ты справишься наверняка. Или ты хочешь, чтобы высокомерные крестьяне

думали, будто Божественные Руны выбрали в качестве невесты для их хорошенького принца неуклюжую рабыню-лодочницу?

Девушка продемонстрировала ему ровные белые зубки в сердитой гримасе и резким движением вздернула юбки, да так непристойно высоко, что стали видны ее голые ноги.

– Два-шага-в-сторону-и-один-шаг-назад-и-поворот-и-два-шага-в-сторону-и-один-шаг-назад-и-поворот-и-два-шага-в-сторону...

Ее сердитый голосок превратил изысканный танец в яростную пляску. Старик ухмылялся, глядя на нее, но не вмешивался. Божественные Руны – так жители Внешних островов называли разбросанные острова, входившие в их королевство. А на единственной карте Внешних островов, которую мне довелось видеть, даже самый крошечный кусочек суши, торчавший на поверхности ледяной воды, и в самом деле имел руническое название.

– Достаточно! – неожиданно заявил воин.

Лицо девушки раскраснелось, она тяжело дышала, но не остановилась, пока старик не поднялся на ноги и не схватил ее в объятия.

– Хватит, Эллиана. Хватит. Ты мне доказала, что великолепно справишься со своей задачей. Отдохни немного. Сегодня вечером ты обязана быть милой и очаровательной, и все должны увидеть, что ты прекрасно воспитана. Пр продемонстрируешь свой огнедышащий характер – и принц вполне может решить взять себе другую жену, поуступчивее. А ты этого не хочешь.

Он поставил ее на ноги и снова уселся в кресло.

– Очень хочу, – мгновенно ответила девушка.

Ответ старого воина прозвучал совершенно спокойно.

– Нет, не хочешь. Если только ты не желаешь попробовать еще и моего ремня, который так и плачет по твоей попке.

– Не желаю. – Девушка проговорила эти слова таким напряженным голосом, что я сразу понял: угроза была вполне реальной.

– Не желаешь, – утвердительно произнес он. – Мне это не доставило бы никакого удовольствия. Но ты дочь моей сестры, и я никому не позволю позорить род наших матерей. А ты?

– Нет, конечно. – Девочка гордо выпрямилась, когда произносила эти слова, но уже в следующее мгновение у нее поникли плечи и она выпалила: – Но я не желаю выходить за принца. Его мать похожа на снежную гарпию. Мне придется рожать ему детей, и я стану ужасно толстая, а его дети будут бледными и холодными, точно ледяные призраки. Пожалуйста, Пиоттр, забери меня домой. Я не смогу жить в этой огромной холодной пещере. И не хочу, чтобы принц делал со мной то, от чего бывают дети. Я мечтаю только о том, чтобы остаться в маленьком домике нашей матери и кататься на моем пони и чтобы в лицо мне летел ветер. Я хочу того, чего хочет любая девочка моего возраста. Принц оторвет меня от рода моей матери, как ветку от дерева, и я высохну и стану хрупкой, а потом рассыплюсь на мелкие кусочки.

– Эллиана, милая моя, перестань! – Несмотря на то что его тело было приземистым и плотным, как у всех жителей Внешних островов, старик вскочил на ноги с изящной грацией бывалого воина. Он прижал к себе девушку, а она спрятала лицо у него на груди. Ее сотрясали рыдания, и я заметил слезы в глазах старика. – Ну, успокойся. Если мы поведем себя разумно, если ты будешь сильной и быстрой и сможешь танцевать, точно ласточка над водой, до этого не дойдет. Никогда.

Сегодня твоя помолвка, моя крошка, не свадьба. Неужели ты решила, что Пиоттр тебя здесь оставит? Маленькая глупая рыбка! Никто не собирается делать тебе сегодня ребенка, да и завтра тоже. До настоящей свадьбы еще очень далеко, годы! Я обещаю тебе, что это произойдет, только если ты сама захочешь. Разве я могу опозорить род наших матерей, допустив, чтобы было иначе? Мы должны всего лишь станцевать. Но станцевать безупречно. – Он поставил ее на пол и приподнял подбородок девушки, чтобы она посмотрела ему в глаза. – Ну же, малышка,

улыбнись мне. И помни: первый танец ты подаришь хорошенькому принцу, но второй принадлежит Пиоттру. Давай покажи, как мы будем с тобой исполнять дурацкий крестьянский танец.

Он начал напевать, чтобы задать ритм, и она вложила свои маленькие ладошки в его руки. Они выглядели очень необычно: она – легкая, точно перышко, а он – наделенный грацией опытного воина. Я наблюдал за тем, как они танцуют: девушка смотрела своему партнеру в глаза, а он – поверх ее головы, в одному ему видимые дали.

Стук в дверь прервал танец.

– Войдите, – крикнул Пиоттр, и в комнате появилась служанка с платьем в руках.

Пиоттр и Эллиана мгновенно отодвинулись друг от друга и застыли на месте. Оба напряглись так, словно в комнату вползла ядовитая змея. Однако женщина была одета как жительница Внешних островов и, значит, приехала с ними.

Держалась она довольно странно. Подняв платье, чтобы показать им, она легко встряхнула его, стараясь расправить все складки.

– Нарческа наденет это сегодня вечером.

Пиоттр окинул взглядом платье. Должен сказать, что я в жизни не видел ничего подобного: женское платье, сшитое для девочки, – из светло-голубой ткани, с довольно глубоким вырезом, украшенным облаком кружев и хитроумными складками, как будто подчеркивающими грудь, которой у нарчески еще не было. Эллиана все поняла и покраснела. Пиоттр же высказался прямо – встал между Эллианой и платьем, словно собирался защитить ее от него.

– Нет. Не наденет.

– Да. Так хочет госпожа. Юному принцу оно очень понравится. – Служанка не просто высказывала свое мнение, она словно отдавала приказ.

– Нет, она его не наденет, – повторил Пиоттр. – Это насмешка над тем, кто она такая. Нарческа с Божественных Рун не может появиться в *таком* наряде на людях. Платье, которое ты принесла, является оскорблением дома наших матерей.

Быстро шагнув вперед, он вырвал из рук служанки платье, и оно упало на пол.

Я думал, что служанка отшатнется и начнет извиняться, однако она совершенно спокойно посмотрела ему в глаза.

– Госпожа говорит: «Платье не имеет никакого отношения к Божественным Рунам. Такой наряд будет понятен мужчинам Шести Герцогств. Нарческа его наденет». – Служанка помолчала, словно что-то обдумывая, а потом добавила: – Если она откажется, это будет представлять опасность для дома ваших матерей.

И, словно поведение Пиоттра являлось проявлением дурного характера капризного ребенка, она наклонилась и подняла платье.

Эллиана, которая стояла у него за спиной, тихонько вскрикнула, как будто вдруг испытала резкую боль. Когда Пиоттр повернулся к ней, я успел разглядеть ее лицо. Оно превратилось в застывшую от напряжения маску, на лбу девушки выступили капельки пота, она страшно побледнела.

– Прекрати! – сказал Пиоттр очень тихо, и мне сначала показалось, что он обращается к служанке. Затем он заглянул ей за спину, но, когда заговорил снова, его слова были адресованы вовсе не ей. – Прекрати! – повторил он. – Мы не договаривались, что ей придется одеваться как шлюхе. Ты нас не заставишь. Прекрати – или я убью ее, и ты лишишься своих глаз и ушей.

Он вытащил кинжал и, подойдя к служанке, приставил острие к ее шее. Женщина даже не пошевелилась. Она стояла совершенно спокойно, а в ее глазах загорелись огоньки, очень сильно смахивающие на насмешку. И тут неожиданно Эллиана сделала глубокий, не слишком уверенный вдох и немного расслабилась. Впрочем, уже в следующее мгновение она гордо расправила плечи. Я заметил, что она не пролила ни слезинки.

Пиоттр выхватил платье из рук служанки. Похоже, у него был очень острый кинжал, потому что он легко распорол платье, швырнул его на пол и пнул ногой.

– Убирайся! – приказал он женщине.

– Как пожелаете, милорд, – пробормотала она, но в ее словах прозвучала насмешка. – Как пожелаете. – Женщина повернулась и вышла из комнаты.

Она не особенно спешила, и Пиоттр следил за ней, пока она не исчезла за дверью, которая тут же закрылась. Только тогда он повернулся к Эллиане:

– Очень больно, моя рыбка?

Девушка быстро покачала головой и вздернула подбородок. Она, конечно, солгала, потому что мне казалось, что она вот-вот потеряет сознание.

Я тихонько поднялся на ноги. Подслушивая их разговор, я прижался лбом к стене и перепачкался в пыли. Мне стало интересно, знает ли Чейд, что нарческа не хочет выходить замуж за нашего принца. Знает ли он, что Пиоттр не считает их договор окончательным и накладывающим на Внешние острова определенные обязательства. И еще я пытался понять, что произошло с нарческой, когда я за ними наблюдал, кто такая эта госпожа и почему служанка вела себя так непочтительно. Я решил, что обдумаю это позже, как и то, что мне удалось услышать, взял вещи и стал подниматься в башню Чейда.

По крайней мере, мне удалось на время забыть о собственных тревогах.

Я одолел последний, самый крутой лестничный марш и толкнул маленькую дверь. Где-то далеко, в замке, играла музыка. Наверное, менестрели настраивали инструменты и репетировали, готовясь к сегодняшней церемонии. Я вошел в комнату Чейда из-за стеллажа с бутылками. Затаив дыхание, я сдвинул плечом стеллаж, чтобы он встал на место, и положил свой узел на пол. Какой-то человек склонился над рабочим столом Чейда и что-то жалобно бормотал себе под нос. С каждым его словом музыка звучала все громче и яснее. Пять неслышных шагов – и я добрался до угла у камина, где был спрятан меч Верити. Незнакомец повернулся ко мне в тот момент, когда я прикоснулся к рукояти. Передо мной был тот самый дурачок, что встретился мне в конюшнях около двух недель назад. Он держал в руках поднос, на котором стояло несколько горшков, пестик и чашка. Он так удивился, увидев меня, что поднос наклонился и все соскользнуло на одну сторону. Тогда он быстро поставил его на стол. Музыка смолкла.

Некоторое время мы удивленно рассматривали друг друга. Глядя на полуприкрытые глаза, я подумал, что у него такой вид, будто он постоянно спит. Кончик языка торчал изо рта, касаясь верхней губы, маленькие уши были прижаты к голове. Волосы подстрижены кое-как, одежда болталась, рукава рубашки и штанины обрезаны, словно когда-то их носил кто-то другой, а потом выбросил за ненадобностью. Дурачок был невысоким и толстым, но его необычность меня встревожила. Я понимал, что он не может представлять для меня опасность, но мне не хотелось находиться рядом с ним. Судя по тому, с каким хмурым видом он меня разглядывал, я ему тоже не слишком понравился.

– Уходи! – проговорил он тихим гортанным голосом.

Я сделал вдох и спокойно сказал:

– Мне разрешено здесь находиться. А тебе?

Впрочем, я уже сообразил, что это, скорее всего, слуга Чейда, который приносит ему воду и дрова и наводит за стариком порядок. Но я не знал, насколько он посвящен в тайны Чейда, и потому не стал называть имени своего наставника-убийцы. Вне всякого сомнения, старый лис не настолько глуп, чтобы открывать свои тайны дурачку.

Эй, ты. Уходи. Ты меня не видишь!

Он швырнул в меня такой властный приказ на языке Силы, что, если бы не защитные стены, которыми я себя окружил, я бы непременно сделал то, что он велел, – ушел бы, забыв о том, что видел его. Когда я постарался укрепить свои стены, сделать их толще и прочнее, я мимолетно подумал о том, что, возможно, он уже делал нечто подобное со мной и раньше. Смогу ли я вспомнить, если это так?

Оставь меня! Не обижай меня! Уходи, песья вонючка!

Он нанес новый удар. Однако я не стал бить в ответ, ведь для этого пришлось бы на миг убрать защиту.

– Я не причиню тебе вреда, – заговорил я, стараясь сохранять спокойствие, хотя у меня отчаянно дрожал голос. – Я тебя не обижу и не буду трогать, если ты так хочешь. Но не уйду. И не позволю тебе на меня насакивать. – Я заговорил тверже, так взрослый ругает ребенка за то, что он плохо себя ведет.

Скорее всего, он даже не понимал, что сделал, просто воспользовался оружием, которое помогало ему в прошлом.

Но вместо раскаяния на лице у него вспыхнула злость. И... страх? Его глаза, и без того маленькие, утонули в складках жира на щеках, когда он прищурился. На мгновение он открыл рот, и язык вывалился наружу еще больше. Затем он взял поднос и с такой силой швырнул его на стол, что на нем подпрыгнули все горшочки.

Уходи! – Его Сила эхом повторила слова, которые он выкрикнул вслух. *Ты меня не видишь!*

Я добрался до стула Чейда и спокойно на него уселся.

– Я тебя вижу, – ровным голосом сообщил я. – И я никуда не уйду. – Я сложил на груди руки, надеясь, что он не заметит, как сильно я потрясен. – Делай свою работу и думай, что *ты* меня не видишь. А когда ты закончишь, *ты* должен будешь уйти.

Я не намеревался перед ним отступать, потому что не мог. Если бы я его послушался, он увидел бы, каким путем я пришел, а я не собирался ему показывать. Откинувшись на спинку стула, я притворился, что отдыхаю.

Слуга наградил меня сердитым взглядом, и удары его Силы о мои защитные стены стали слабеть. Он был очень могуч. Если он может так много без всякого обучения, на что же он будет способен, если научится владеть своей магией? Мысль об этом меня пугала. Я смотрел в холодный камин, но краем глаза продолжал наблюдать за дурачком. Либо он закончил свою работу, либо решил не продолжать. В любом случае он взял со стола свой поднос, прошел через комнату и потянул на себя стеллаж со свитками. Однажды я видел, как Чейд пользовался этим входом.

Слуга скрылся внутри, но, когда стеллаж встал на место, я услышал одновременно его голос и Силу:

Ты воняешь, как собачья моча. Разрезать тебя и сжечь.

Его гнев походил на отступающий прилив, выбросивший меня на берег. Я поднял руки и прижал к вискам. Напряжение, с которым мне пришлось удерживать на месте защитные стены, начало сказываться, но я не осмеливался их снять. Если он заметит, что я остался беззащитным, и в этот момент атакует меня Силой, ему удастся подчинить меня себе – совсем как неко-
торое время назад мой приказ заставил Дьютифула прекратить со мной сражаться. Я опасался, что в сознании принца остался след того приказа.

Вот еще одно дело, которым необходимо заняться. Действует ли мой приказ до сих пор? Тогда я принял решение, что должен найти способ отменить его. Я знал, что, если не сделаю этого, он очень скоро станет препятствием нашей дружбе. Потом я задал себе вопрос: а знает ли принц о том, что я с ним сотворил?

Все произошло случайно, сказал я себе, и тут же вынужден был признаться, что сознательно обманываюсь. Вспышка моей ярости внедрила приказ в разум принца, оставив в нем глубокий след. Я стыдился того, что сделал. И понимал: чем быстрее все встанет на свои места, тем лучше для нас обоих.

Я снова словно издали услышал музыку и осторожно потянулся вперед Силой. По мере того как я убирал защитные стены, музыка становилась все громче. Я прижал руки к ушам, но это не помогло. Музыка Силы. Я и представить себе не мог, что такое возможно, однако дурачок умеет заставить ее звучать. Когда я постарался о ней не думать, она отошла на зад-

ний план, спрятавшись за занавес мыслей, которые всегда клубились на границе моей Силы. Большинство из них представляли собой невнятный шепот, подслушанные мной размышления других людей, обладавших способностью направлять в поток Силы самые важные для них чувства и молчаливые рассуждения.

Если я сосредоточивал на них внимание, мне иногда удавалось выудить целостные мысли или образы, но они не обладали достаточно серьезной Силой, чтобы знать о моем присутствии, не говоря уже о том, чтобы мне отвечать. Этот дурачок – совсем другое дело. В нем бушевал огонь Силы, а его музыка выдавала наличие необузданного таланта. Он даже не пытался скрывать свой Дар. Скорее всего, просто не знал, что это следует делать.

Я расслабился, оставив лишь ту стену, что защищала мои самые личные мысли от постепенно крепнущей Силы Дьютифула. Затем я со стоном опустил голову на сложенные руки, потому что на меня навалилась головная боль, вызванная применением Силы.

– Фитц?

Я узнал о присутствии Чейда за мгновение до того, как он прикоснулся к моему плечу. Но я все равно вздрогнул и поднял руки, словно защищаясь от удара.

– Что с тобой случилось, мой мальчик? – спросил Чейд и наклонился, чтобы получше меня рассмотреть. – У тебя красные глаза. Когда ты спал в последний раз?

– Только что. – Я с трудом улыбнулся и провел рукой по коротким волосам, мокрым от пота. Мне удалось вспомнить лишь обрывки кошмара, который меня посетил. – Я познакомился с твоим слугой, – дрожащим голосом сообщил я Чейду.

– С Олухом? Да уж, он не самый умный в замке, но отлично подходит для моих целей. Вряд ли он сможет выдать какой-нибудь секрет, поскольку даже не сообразит, что это секрет. Ладно, давай не будем про него. Как только я получил записку лорда Голдена, я пришел сюда в надежде тебя застать. Что там про Полукровок в городе?

– Он написал это на бумаге? – Я был потрясен.

– Ну, не прямо. Только я сумел бы понять, что он имеет в виду. Валяй, рассказывай.

– Они преследовали меня сегодня ночью... точнее, утром. Чтобы напугать и показать, что знают, кто я такой. И что они могут найти меня в любой момент. Чейд, давай на время отложим это. Ты знал, что твой слуга... как его зовут? Олух? Ты знал, что Олух наделен Силой?

– Он наделен талантом бить чашки. – Старик фыркнул, словно я неудачно пошутил. Затем тяжело вздохнул и показал рукой на холодный камин. – Предполагается, что он должен разводить огонь каждый день. Он часто забывает это делать. Что ты еще придумал?

– Олух наделен Силой. Причем очень серьезной. Он чуть не сбил меня с ног, когда я вошел и случайно на него наткнулся. Если бы не стены, которые я выстроил, чтобы закрыться от Дьютифула, думаю, Олух сумел бы сжечь все до единой мысли в моей голове. Он сказал: «Уходи» и «Ты меня не видишь». А потом: «Не обижай меня». Знаешь, Чейд, мне кажется, он уже и раньше это проделывал. Возможно, даже со мной. Однажды около конюшни я видел, как его дразнили какие-то мальчишки. И я услышал так, словно эти слова были произнесены вслух: «Не видите меня». И тогда мальчишки разошлись по своим делам. У меня такое ощущение, что я его тоже перестал видеть.

Чейд медленно опустился на мой стул и, потянувшись, взял меня за руку, словно так мои слова стали бы для него понятнее. А может быть, он хотел проверить, нет ли у меня лихорадки.

– Олух обладает Силой, – осторожно проговорил он. – Ты *это* хочешь мне сказать?

– Да. Он не обучен, но Сила пылает в нем, точно яркое пламя. Мне еще ни разу не доводилось встречать ничего подобного. – Я прикрыл глаза, приложил кончики пальцев к вискам и попытался хотя бы чуть-чуть привести в порядок мысли. – Я чувствую себя как после хорошей взбучки.

Через пару минут Чейд мрачно предложил:

– На, попробуй это.

Я взял у него из рук мокрое полотенце и приложил к глазам, на большее я не рассчитывал. Старый упрямец твердо решил, что лекарства, прогоняющие боль, притупляют мое восприятие Силы и помешают мне учить принца. Надеяться на облегчение, которое приносит эльфийская кора, не приходилось. Если в замке и осталось хоть сколько-нибудь, Чейд ее как следует припрятал.

– И что мне делать? – пробормотал он, а я приподнял край полотенца, чтобы на него взглянуть.

– С чем?

– С Олухом и его Силой.

– Делать? А что ты можешь сделать? Дурачок ею наделен – и все.

Чейд снова уселся на стул.

– Из того, что мне удалось узнать из старых свитков, посвященных Силе, он представляет для нас угрозу. У него необузданный талант, он не прошел обучение, а значит, не подчиняется дисциплине. Его дар может отвлечь Дьютифула от его занятий. И, что еще хуже, ты сказал, что он очень могуч. Сильнее тебя?

Я слабо махнул рукой.

– Откуда мне знать? Моя Сила проявляется довольно неровно, и я не знаю способа ее измерить. Но я не испытывал ничего подобного с тех пор, как меня сообща атаковал круг Галена.

– Хм-м-м. – Чейд откинулся на спинку и уставился в потолок. – Самое разумное – просто его убрать. Разумеется, как можно гуманнее. Он не виноват, что его талант представляет для нас опасность. Менее радикальный путь – это начать давать ему эльфийскую кору, чтобы приглушить или совсем разрушить Силу. Но поскольку бездумное использование данного растения на протяжении последних десяти лет не лишило тебя Силы, я в него не слишком верю – в отличие от авторов древних манускриптов, превозносящих возможности настоя эльфийской коры. Я склоняюсь к третьему пути. Он гораздо менее предсказуем, но, думаю, именно поэтому нравится мне больше остальных.

– Учить его? – Увидев смущенную улыбку Чейда, я застонал. – Нет, Чейд. Мы с тобой знаем настолько мало, что даже не уверены, сможем ли учить Дьютифула так, чтобы не причинить ему вреда, а ведь принц – вполне управляемый мальчик с нормальной головой. Твой Олух уже настроен ко мне враждебно. Он швырял в меня оскорбления, которые указывают на то, что он каким-то образом узнал про мой Дар. А то, чему он научился самостоятельно, может представлять для меня опасность; зачем же развивать его способность?

– Значит, ты считаешь, что мы должны его убить? Или притупить его Силу?

Я не хотел принимать это решение. Больше того, я даже не хотел знать, что оно вообще принято, но я снова по уши завяз в интригах Видящих.

– Нет, ни то ни другое, – проворчал я. – Разве мы не можем отправить его куда-нибудь подальше от замка?

– Оружие, которое мы выбрасываем сегодня, может угрожать нашей жизни завтра, – совершенно спокойно ответил Чейд. – Вот почему много лет назад король Шрюд решил держать своего внука-бастарда под рукой. Мы должны принять такое же решение касательно Олуха. Использовать его или сделать так, чтобы им не смогли воспользоваться наши враги. Третьего пути нет. – Он протянул ко мне руку ладонью вверх и добавил: – Мы уже поняли это, имея дело с Полукровками.

Не знаю, хотел ли он упрекнуть меня, но его слова причинили мне боль. Я откинулся на спинку стула и снова положил влажное полотенце на глаза.

– А что, по-твоему, я должен был сделать? Прикончить всех, а не только Полукровок, выманивших принца из замка? Я должен был убить старейшин Древней Крови, пришедших к

нам на помощь? А потом Охотницу королевы? И всю семью леди Брезинги? Да и еще Сайдел, невесту Сивила Брезинги, и...

– Я все понимаю, – перебил меня Чейд, когда я попытался расширить круг тех, кого следовало убить в бесплодной надежде сохранить нашу тайну. – И тем не менее мы попали в очень сложное положение. Они показали нам, что действуют быстро и эффективно. Ты вернулся в замок два дня назад, а они уже за тобой следят. Вчера вечером ты ведь в первый раз после своего возвращения вышел в город? – Когда я кивнул, он продолжил: – И они мгновенно тебя нашли. И сделали все, чтобы ты знал, что им о тебе известно. Они ведут себя исключительно продуманно. – Чейд тяжело вздохнул, и я увидел, что он пытается понять, что Полукровки хотели мне сказать. – Им известно, что принц обладает Даром. И ты тоже. Стоит им только пожелать, они могут уничтожить вас обоих.

– Ну, это мы и раньше знали. Я думаю, у них другие намерения. – Я сделал глубокий вдох, привел мысли в порядок и представил Чейду подробный отчет о своей встрече с Полукровками. – Сейчас я вижу происшедшее в ином свете. Они хотели меня напугать и заставить искать способ обезопасить себя от них. Я могу либо представлять угрозу, либо оказаться полезным.

Сразу после встречи с Полукровками я думал иначе, но сейчас все понял. Они меня напугали, а потом отпустили, чтобы показать, что мне не удастся прикончить их всех. Теперь уже неизвестно, сколько людей знает мою тайну. Значит, остаться в живых я могу, только если буду им полезен. О чем они меня попросят?

– Возможно, им нужен шпион в стенах замка. Или оружие, которое они могут обратить против Видящих – изнутри.

Чейд легко подхватил мою мысль.

– Так, понятно. Хм-м-м. Да. Я советую тебе, на некоторое время по крайней мере, быть как можно внимательнее. Но откройся, чтобы они предприняли попытку с тобой связаться. Послушай, чего они потребуют и что предложат. Если возникнет необходимость, сделай вид, что готов предать принца.

– Иными словами, ты хочешь, чтобы я стал приманкой. – Я сел и снял мокрое полотенце с глаз.

Губы Чейда тронула легкая улыбка.

– Именно. – Он протянул руку, и я отдал ему полотенце. Чейд чуть склонил голову набок и окинул меня критическим взглядом. – Ты выглядишь ужасно. Хуже, чем если бы пил целую неделю. Очень болит?

– Я переживу, – мрачно ответил я.

Он удовлетворенно кивнул.

– Боюсь, тебе придется. Но ведь с каждым разом боль становится менее сильной, правда? Твое тело учится с ней справляться. Думаю, это что-то вроде тренировки владения мечом: воин заставляет свои мышцы переносить долгие часы уроков.

Я тяжело вздохнул и потер глаза.

– А по-моему, это больше смахивает на бастарда, который учится переносить боль.

– Ну, как бы там ни было, я доволен, – коротко ответил Чейд, и я понял, что мне не стоит ждать от него сочувствия. Он встал. – Иди приведи себя в порядок, Фитц. Поешь чего-нибудь. Постарайся, чтобы тебя видели. Носи с собой оружие, но не слишком открыто. – Он помолчал немного. – Уверен, ты помнишь, где лежат мои яды и прочие необходимые инструменты. Бери все, что тебе потребуется, но запиши, что взял, чтобы мой ученик смог пополнить запас.

Я не стал ему говорить, что не собираюсь ничего у него брать, что я больше не наемный убийца, хотя один замечательный порошок мне очень пригодился бы сегодня утром, когда враг превосходил меня числом.

– И когда же я встречу с твоим новым учеником? – словно между прочим спросил я.

– А ты с ним уже встретился. – Чейд улыбнулся. – А вот когда ты с ним познакомишься? Не думаю, что это разумно и удобно для вас обоих. Да и для меня тоже. Фитц, я должен попросить тебя проявить благородство. Оставь мне эту тайну и не пытайся в нее проникнуть. Поверь мне, так будет лучше.

– Кстати, о тайнах. Я должен еще кое-что рассказать. Я остановился на лестнице, когда шел к тебе, и услышал голоса. Мне удалось заглянуть в комнату нарчески, и я услышал много интересного.

Чейд склонил голову набок.

– Соблазнительно. Очень соблазнительно. Но тебе не удалось увести наш разговор в сторону. Обещай сделать, как я прошу, Фитц, и только потом мы заговорим о другом.

По правде говоря, мне совсем не хотелось давать ему такое обещание. Дело не в том, что я сгорал от любопытства, и даже не в ревности. Просто данная ситуация расходилась со всем, чему когда-то учил меня старик. «Постарайся узнать как можно больше о том, что происходит вокруг тебя, – так он говорил. – Ты не можешь заранее знать, что окажется полезным». Его зеленые глаза бросали мне вызов, и я опустил голову. Я покачал головой, но произнес слова, которых он требовал:

– Я обещаю, что не стану специально выяснять имя твоего нового ученика. Но могу я кое-что у тебя спросить? Он знает обо мне, о том, кто я такой и кем был?

– Мой мальчик, я никогда не выдаю чужих секретов.

Я вздохнул с облегчением, потому что чувствовал бы себя очень неуютно, зная, что в замке есть человек, который за мной следит, что ему открыты мои тайны – а мне при этом неизвестно его имя. По крайней мере, сейчас мы с ним в одинаковом положении.

– Итак. Что ты хотел мне рассказать про нарческу?

Я доложил Чейду обо всем, что слышал. По правде говоря, я не думал, что мне когда-нибудь снова придется это делать. Как во время обучения, я постарался повторить все дословно, а потом он принялся спрашивать мое мнение о том, что мне удалось узнать. Я ответил ему откровенно:

– Мне неизвестно, какую роль играет человек по имени Пиоттр в договоре с королевой Кетриккен о бракосочетании нарчески и принца. Но не думаю, что он считает себя связанным помолвкой. Об этом же говорят его советы, которые он давал девушке, пытаясь убедить ее в том, что ей не следует относиться к этому браку как к делу решенному.

– Интересно. Тебе удалось заполучить очень важные сведения, Фитц. Кроме того, меня заинтриговало необычное поведение служанки. Когда позволит время, ты мог бы еще их послушать, а потом рассказать мне, что тебе удастся узнать.

– А разве твой ученик не может это сделать?

– Неужели ты сам не понимаешь, что снова забрел на запретную территорию? Но я тебе отвечу. Нет. Мой ученик знает о тайных проходах замка не больше, чем знал ты, когда был у меня в обучении. Это не для учеников. Им хватает своих секретов и дел, чтобы еще думать о моих. Но я попрошу его уделить особое внимание служанке. Она вызывает у меня значительно более серьезные опасения, чем все остальное, что ты мне сообщил. Помни: тайные проходы и коридоры Оленьего замка принадлежат только нам. Поэтому... – И кривая улыбка появилась на его губах. – Полагаю, ты можешь считать, что достиг статуса мастера. Впрочем, ты ведь больше не наемный убийца. Хотя мы оба знаем, что это не так.

Его шутка уколола меня в самое больное место. Мне не хотелось думать о том, что я вернулся в прошлое, к своей прежней роли шпиона и убийцы. Я уже совершил несколько убийств ради моего принца – в состоянии ярости и чтобы защитить себя и спасти его. Стану ли я снова лишать людей жизни ради блага Видящих? Самым неприятным в этом вопросе было то, что я не знал ответа. И тогда я заставил себя обратиться к более реальным вещам.

– А кто тот человек, что я видел в комнате нарчески? Ну, кроме того, что он ее дядя.

– Ты сам ответил на свой вопрос. Он ее дядя, брат матери. В соответствии с традициями Внешних островов это важнее, чем отец. Для них первостепенное значение имеет род матери. Братья женщины играют исключительно важную роль в жизни ее детей. Мужья входят в клан своих жен, а дети носят знак клана матери.

Я молча кивнул. Во время войны красных кораблей я прочитал про Внешние острова все, что имелось в библиотеке Оленьего замка, пытаюсь понять, что представляет собой наш враг. Кроме того, я служил на военном корабле «Руиск» вместе с перешедшими на нашу сторону воинами с Внешних островов, и они рассказывали об обычаях своей родины. То, что сообщил Чейд, совпадало с тем, что я и сам знал.

Чейд задумчиво пощипал подбородок.

– Когда Аркон Бладблейд прибыл к нам с предложением заключить союз, его поддерживала гвардия. Я принял предложение, считая, что, будучи отцом девушки, он имеет право обсуждать замужество Эллианы. Я подумал, что, возможно, Внешние острова отказались от своих матриархальных традиций, но теперь у меня появились сомнения: может быть, клан Эллианы продолжает их придерживаться. В таком случае почему на помолвку не приехал никто из ее родственниц по женской линии, чтобы защищать ее интересы и обговорить условия помолвки?

Складывается впечатление, что Аркон Бладблейд единственный, кто ведет переговоры. Пиоттр Блэкуотер выступает в роли телохранителя и компаньона. Но теперь я начинаю думать, что он еще и советчик нарчески. Хм-м-м, возможно, мы зря уделяли столько внимания ее отцу. Я прослежу за тем, чтобы Пиоттру начали демонстрировать больше почтения.

Чейд нахмурился, быстро пересматривая свои представления о брачном предложении.

– Я знал о существовании служанки. Но считал, что она своего рода доверенное лицо нарчески, старая няня или дальняя бедная родственница. Однако то, что ты увидел, показывает, что у нее очень необычные отношения с Пиоттром и Эллианой. Что-то здесь не так, Фитц. – Чейд тяжело вздохнул, неохотно признавая ошибку. – Я считал, что мы ведем переговоры о заключении брака с Бладблейдом, отцом Эллианы. Возможно, мне следовало побольше разузнать про семью ее матери. Но если Эллиану нам предлагают они, получается, что Бладблейд всего лишь марионетка. И вообще, обладает ли он хоть какой-нибудь властью?

Чейд задумчиво хмурился, обдумывая ситуацию, и я понял, что угроза, которую представляют для меня Полукровки, отошла на задний план. Мой старый наставник явно считал, что я и сам с ней справлюсь. А я никак не мог решить, радует меня его уверенность в моих силах или превращает во второстепенную пешку в игре. Через несколько мгновений он отвлек меня от моих размышлений.

– Ну хорошо, кажется, мы все решили – по крайней мере, насколько это в наших силах. Передай мои извинения своему хозяину, Том Баджерлок, сильная головная боль не позволит мне сегодня днем насладиться его компанией, но принц с удовольствием принял его приглашение. А заодно он получит время пообщаться с тобой, о чем уже давно меня просит. Думаю, нет необходимости напоминать, чтобы ты вел себя с мальчиком как можно сдержаннее. Нам совсем не нужно, чтобы пошли разговоры. Кроме того, я думаю, вам следует отправиться на прогулку в какое-нибудь уединенное место или, наоборот, очень многолюдное, чтобы Полукровки не осмелились к вам приблизиться. По правде говоря, я даже не знаю, что и предложить.

Он вздохнул, и его тон изменился.

– Фитц, ты не должен недооценивать свое влияние на принца. Когда мы с ним остаемся наедине, он много говорит о тебе и всегда с восхищением. Я не считаю, что ты поступил мудро, открыв ему, что между мной и тобой существует связь, но сделанного не воротишь. Мальчик хочет учиться у тебя не только владению Силой, он рассчитывает на твои советы – как мужчины – во всех случаях жизни. Будь осторожен. Одно необдуманное слово – и наш упрямый принц ступит на путь, по которому мы не сможем за ним последовать без угрозы для себя. Прошу

тебя, поддержи помолвку и убеди Дьютифула в том, что он должен с радостью выполнять свои обязанности при дворе.

Что же касается нападения на тебя Полукровок, сегодня не стоит заставлять принца за тебя волноваться. Должен заметить, что кое-кто косо посмотрит на то, что в такой важный день принц отправится на прогулку с иностранцем и его телохранителем. – Неожиданно Чейд замолчал. – Впрочем, я ни в коем случае не собираюсь рассказывать тебе, как ты должен вести себя с принцем. Мне прекрасно известно, что у вас уже сложились определенные отношения.

– Вот именно, – сказал я, стараясь, чтобы мой голос прозвучал не слишком резко. На самом деле я довольно сильно разозлился в тот момент, когда он начал выдавать мне свои инструкции, но заставил себя успокоиться. – Чейд, ты же сам сказал, что мальчику требуется мужской совет. Я не придворный и не советник. Если я стану толкать Дьютифула на дорогу, выгодную Шести Герцогствам...

Я замолчал, чтобы не говорить ему, что такой путь не подходит никому из нас. Потом, откашлявшись, я продолжил:

– Я хочу всегда быть честным с ним. Если он спросит моего совета, я скажу то, что думаю на самом деле. Впрочем, тебе нечего опасаться. Кетриккен прекрасно воспитала сына, и он ее не подведет. Что же до меня, полагаю, мальчику нужен не человек, который будет давать ему советы, а тот, кто был бы готов его выслушать. Сегодня я буду его слушать. Относительно моей утренней встречи с Полукровками – принцу не нужно о ней знать. По крайней мере, пока. Но я должен его предупредить, что ему не следует о них забывать. К сожалению, мы вынуждены с ними считаться. И тут у меня возникает собственный вопрос. Брезинги будут присутствовать на помолвке?

– Полагаю, да. Их пригласили, и они должны прибыть сегодня.

Я почесал шею, голова не стала болеть меньше, изменился характер боли – теперь она больше походила на самую обычную.

– Если ты сможешь добыть для меня такую информацию, я бы хотел знать, кто их сопровождает, на каких лошадях они приехали, какие с ними животные, включая ястребов и домашних любимцев. И как можно подробнее. Да, и еще одно: нам необходимо завести хорька или собаку, натасканную на крыс, какое-нибудь небольшое и ловкое животное, которое будет гулять по коридорам замка и отлавливать крыс и мелких грызунов. Во время утренней встречи с Полукровками меня кто-то укусил – крыса, ласка или белка. Такое животное может стать отличным шпионом.

– Я попрошу хорька, – с отвращением заявил Чейд. – Они ведут себя тихо, в отличие от собак. И он сможет ходить с тобой по коридорам. – Он склонил голову набок и спросил: – Ты установишь с ним связь?

Я поморщился, услышав его вопрос.

– Чейд, это действует совсем не так. – Я попытался напомнить себе, что он задал свой вопрос от непонимания, а не пытаюсь меня обидеть. – Я чувствую себя как человек, который только что потерял жену. Сейчас мне никто не нужен.

– Извини, Фитц, мне это трудно понять. Мои слова могут показаться тебе странными, но я не хотел оскорбить его память.

Я решил переменить тему разговора.

– Ладно, пойду приведу себя в порядок, раз уж мне придется отправиться на прогулку с принцем. Кстати, нужно решить, что мы будем делать с твоим слугой.

– Думаю, я устрою встречу для нас троих. Но не сегодня. Возможно, и не завтра. Сейчас главное – это помолвка. Она должна пройти безупречно. Как ты полагаешь, вопрос с Олухом может подождать пару дней?

– У нас все равно нет выбора, – пожав плечами, сказал я. – Удачи тебе.

Я поднялся на ноги и взял в руки тазик с водой и мокрое полотенце, чтобы навести за собой порядок.

– Фитц, – остановил меня Чейд. – Я никогда не говорил тебе прямо, но ты можешь считать эту комнату своей. Я прекрасно понимаю, что человеку в твоём положении иногда требуется побыть в одиночестве. Если ты хочешь что-нибудь изменить... мебель, ковры, чтобы тебе приносили сюда еду и сделали запас бренди, все, что угодно... скажи мне.

От его предложения внутри у меня все похолодело. Я никогда не хотел, чтобы мастерская наемного убийцы принадлежала мне.

– Нет... спасибо тебе, но нет. Пусть пока все останется как есть. Хотя я, пожалуй, перенесу сюда кое-что из моих вещей. Меч Верити и парочку мелочей.

В глазах Чейда появилось едва заметное огорчение, когда он кивнул.

– Если ты больше ничего не хочешь, хорошо. Пока, – согласился он и окинул меня критическим взглядом, однако в его голосе появились теплые нотки, когда он добавил: – Я знаю, твое горе еще велико, но ты должен позволить мне хотя бы подровнять твои волосы, или пусть это сделает кто-нибудь другой. В таком виде они привлекают ненужное внимание.

– Я сам ими займусь. Сегодня. Да, и еще кое-что. – Удивительно, что моя самая главная забота отступила на второй план перед делами более насущными. Я тяжело вздохнул. Мне было очень трудно признаться Чейду, что я вел себя не слишком разумно. – Я сделал глупость, Чейд. Когда я уехал из своего дома в лесу, я предполагал, что скоро туда вернусь. Я оставил кое-что... возможно, это очень опасно. Свитки, в которых я записал свои мысли, а также историю о том, как мы разбудили драконов, – там слишком много подробностей, не предназначенных для чужих глаз. Мне нужно как можно быстрее туда отправиться, чтобы либо спрятать бумаги, либо уничтожить.

Чейд меня слушал, и его лицо становилось все мрачнее. Когда я замолчал, он тяжело вздохнул.

– Есть вещи, которые не следует доверять бумаге, – тихо проговорил он. Несмотря на то что укор прозвучал достаточно мягко, меня укололи его слова. Чейд смотрел на стену, но мне казалось, будто он заглядывает в неведомые мне дали. – Впрочем, я считаю, что правда должна быть где-нибудь записана. Подумай о том, сколько сил сохранил бы Верити в своих поисках Элдерлингов, если бы о них имелись точные сведения.

Собери свои записи, мой мальчик, и привези их сюда, где они будут в безопасности. Однако я советую тебе подождать пару дней, прежде чем отправляться в путь. Полукровки, возможно, ожидают, что тыпустишься в бега. Если ты уйдешь сейчас, скорее всего, кто-нибудь последует за тобой. Позволь мне позаботиться о времени и способе, каким ты покинешь замок. Может быть, послать с тобой кого-нибудь, кому можно доверять? Они не будут знать, кто ты такой и что намерен забрать в своей хижине.

Я подумал над его предложением и покачал головой.

– Нет. Я и так приоткрыл слишком много своих тайн. Я сам справлюсь, Чейд. Но меня беспокоит еще кое-что. Стража у ворот замка как-то уж слишком расслабилась. Учитывая опасность, которую представляют Полукровки, а также то, что в замке гостят представители Внешних островов и сегодня состоится помолвка принца, им следовало бы получше нести службу.

– Думаю, я смогу об этом позаботиться. Странно. Мне казалось, что, уговорив тебя вернуться в замок, я смогу облегчить себе жизнь и наслаждаться радостями, которые дарит старость. А получается, что ты упорно даешь мне все новые и новые поручения и пишу для размышлений. Ладно, не смотри на меня так. Наверное, это хорошо. Старые люди утверждают, будто работа помогает человеку сохранить молодость. Впрочем, может быть, они так говорят, потому что знают, что *должны* работать. Давай иди по своим делам, Фитц. Надеюсь, до конца дня ты не обнаружишь еще какую-нибудь проблему, которой мне следует заняться.

Я ушел, а он так и остался сидеть в своем кресле у холодного камина, при этом вид у него был одновременно задумчивый и довольный.

III Эхо

В ту ночь, когда проклятый Одаренный Бастард убил короля Шрюда в его спальне, жена будущего короля Верити, рожденная в горах, решила бежать из Оленьего замка. Она покинула его холодной унылой ночью, в полном одиночестве, будучи беременной наследником престола Видящих. Кое-кто утверждает, будто шут короля Шрюда, опасаясь за свою собственную жизнь, упротил королеву позволить ему сопровождать ее, чтобы оказаться под ее защитой. Впрочем, вполне возможно, что это всего лишь легенда, сочиненная в замке, чтобы объяснить исчезновение шута той же ночью. Королеве Кетриккен помогли ее тайные сторонники, и она сумела пересечь Шесть Герцогств и добраться до своего родного Горного Королевства. Там она попыталась разузнать о судьбе своего мужа, будущего короля Верити. Потому что если он остался в живых, значит стал законным королем Шести Герцогств и их последней надеждой в войне с красными кораблями.

В Горном Королевстве его не оказалось. Ей сообщили, что он покинул Джампи и отправился дальше. С тех пор о нем никто ничего не слышал. Из похода вернулась часть его людей, у одних были страшные раны, как после сражения, другие лишились рассудка. В сердце королевы Кетриккен поселилось отчаяние. Она некоторое время жила среди своего народа. Одним из трагических последствий ее наполненного тяготами путешествия в горы стало рождение мертвого ребенка – наследника трона Шести Герцогств. Говорят, что этот удар укрепил ее сердце и она твердо решила разыскать короля, поскольку в противном случае его род угас бы вместе с ним и на трон взошел бы Регал Претендент. Прихватив копию карты, которой воспользовался король Верити, королева Кетриккен отправилась на поиски. В сопровождении своего верного менестреля Старлинг по прозвищу Певчий Скворец, и нескольких слуг королева углубилась в горы. Тролли, пекси и загадочная магия этих негостеприимных земель были лишь немногими из препятствий, которые им пришлось преодолеть. Но в конце концов королеве удалось добраться до Элдерлингов.

После трудных и, казалось, бесконечных поисков она вышла к скрытому от посторонних глаз замку Элдерлингов, который представлял собой огромное помещение, выстроенное из черного с серебристыми прожилками камня. Вот там-то королева и узнала, что ее король уговорил дракона – короля Элдерлингов прийти на помощь Шести Герцогствам. Дракон, вспомнив о древней клятве Элдерлингов поддерживать Шесть Герцогств, преклонил колени перед королевой Кетриккен и королем Верити. На своей спине доставил он домой не только короля и королеву, но и верного менестреля Старлинг. Убедившись в том, что королева и менестрель благополучно добрались до замка, король Верити, выхватив сверкающий меч, снова сел на спину дракона, и они отправились сражаться с красными кораблями. Народ так и не узнал о возвращении короля, а придворные не успели его поприветствовать.

До конца этого длинного и победоносного, хотя и кровопролитного, времени король Верити вел за собой союзников Элдерлингов против красных кораблей. Его народ видел в небе драконов, чьи крылья сияли, точно усыпанные драгоценными камнями, и все знали, что король не оставил своих подданных. Когда армия короля нанесла удар по крепостям красных кораблей и флоту врага, верные герцоги последовали его примеру. Те немногие красные корабли, которые не были уничтожены, покинули наши берега, чтобы рассказать своим соплеменникам о том, как страшен гнев Видящего. Когда наши земли очистились от неприятеля и установился мир, король Верити выполнил обещание, данное Элдерлингам. В обмен на свою помощь они потребовали, чтобы он навсегда покинул Шесть Герцогств и поселился на их далеких землях. Кое-кто утверждает, будто наш король получил смертельное ранение в один из последних дней войны красных кораблей и что Элдерлинги забрали с собой лишь его тело. Они же твердят, что тело короля Верити лежит в гробнице из черного дерева и золота в огромной пещере, надежно спрятанной в горном царстве Элдерлингов. Так они навечно почтили память отважного человека, который отказался от всего, чтобы помочь народу. Но есть и такие, кто считает, что король Верити жив и находится в царстве Элдерлингов, где ему оказывают всяческие почести. Но если Шести Герцогствам снова будет угрожать опасность, он вернется вместе со своими храбрыми союзниками и придет им на помощь.

Писарь Нолус, «Краткое правление короля Верити»

Я вернулся в душную темноту своей маленькой комнатушки. Закрыв проход, ведущий в потайные замковые коридоры, я сразу же распахнул дверь в комнату Шута, надеясь, что в моей каморке станет немного светлее. Это не особенно помогло. Впрочем, делать мне все равно было нечего. Я привел в порядок кровать и оглядел свое скромное жилище. Оно показалось мне совершенно безликим. Тут мог жить кто угодно. Или никто, горько подумал я. Прицепив к поясу уродливый меч, я убедился в том, что мой кинжал на месте, и только после этого вошел в апартаменты Шута.

Он оставил мне довольно много еды, но она остыла и выглядела не очень аппетитно, однако я так проголодался, что съел все. Закончив, я вспомнил его приказ Тому Баджерлоку и отнес грязную посуду на кухню. Вернувшись назад, занялся дровами для камина и свежей водой. Затем вылил грязную воду из тазов и сделал еще кучу мелких дел, чтобы навести порядок в комнатах лорда Голдена. Открыв окна, пустил внутрь свежий воздух. День обещал быть холодным, но хорошим. Уходя, я снова закрыл ставни.

До нашей прогулки оставалась масса времени, которое я мог провести по собственному усмотрению. Сначала я собрался сходить в Баккип, но потом решил, что прежде должен разобраться в своих чувствах к Джинне, а также попытаться обдумать то, что она мне сказала про Неда. Кроме того, я не имел права рисковать, ведь Полукровки, вполне возможно, следили за мной. Чем меньше я буду интересоваться Джинной или моим сыном, тем в большей безопасности будут дорогие мне люди.

И потому я отправился на тренировочную площадку. Мастер Крессвелл поздоровался со мной, назвав по имени и спросив, подошла ли мне в качестве напарницы Деллери. Я лишь грустно застонал в ответ, одновременно удивляясь тому, что меня здесь запомнили. С одной стороны, меня это радовало, а с другой – пугало. Мне пришлось сказать себе, что, пожалуй, самым надежным способом не вызвать ни у кого подозрений, что я имею какое-то отношение к Фитцу Чивэлу, жившему в замке шестнадцать лет назад, будет заставить всех узнавать Тома Баджерлока. И потому я остановился немного поболтать с Крессвеллом и смущенно признался, что Деллери, по правде говоря, слишком хороша для меня. Я попросил его порекомендовать

мне кого-нибудь в партнеры на сегодня, и он позвал с другого конца площадки какого-то человека, который направился к нам с изящной грацией опытного воина.

Борода Вима кое-где поседела, а годы сказались на размерах живота. Я решил, что ему около сорока пяти – иными словами, на десять лет больше, чем мне, – но он оказался хорошим соперником. Он был выносливее меня, но я знал парочку трюков, которые позволили мне несколько компенсировать его преимущество. Впрочем, он проявил ко мне доброту и, трижды побив, заявил, что мастерство непременно вернется после нескольких тренировок. Слабое утешение. Человек предпочитает думать, будто он содержит свое тело в прекрасной физической форме, и, если по правде, я привык к тяжелому крестьянскому труду на маленьком хуторе, а также много охотился. Но воину требуются совсем другие мышцы и упражнения, и я понял, что придется заняться восстановлением утерянных навыков. Я надеялся, что мне они не пригодятся, но не слишком охотно дал себе слово выделять каждый день время на тренировки. Несмотря на прохладный день, моя рубашка промокла от пота и неприятно липла к спине, когда я ушел с площадки.

Я знал, что это территория стражников и конюхов, однако все равно направился в бани, расположенные за солдатскими бараками. Я решил, что в такое время дня там вряд ли будет много народа, а мой поход туда гораздо больше соответствует характеру Тома Баджерлока, чем необходимость таскать воду, чтобы принять днем ванну у себя в комнате. Замковые бани находились в длинном старом здании из грубо отесанного камня, с низко нависающим потолком. Я снял одежду в комнате перед парной и помещением для мытья и положил на скамейку. Затем засунул под рубашку амулет, подаренный мне Джинной.

Совершенно обнаженный, я открыл тяжелую деревянную дверь и вошел в баню. Там царил полумрак, и мне понадобилось несколько мгновений, чтобы глаза приспособились к темноте. По всему периметру помещения были расставлены выложенные плиткой скамейки, окружавшие приземистый каменный очаг. Освещалось помещение только темно-красным сиянием огня, мечущегося в своей каменной темнице. Как я и подозревал, здесь никого не было, если не считать стражников с Внешних островов из охраны нарчески. Они держались вместе в одном конце заполненной паром комнаты, тихонько переговариваясь на своем языке, который показался мне не слишком мелодичным. Они взглянули на меня, когда я вошел, и больше не обращали внимания. Я с удовольствием предоставил их самим себе, радуясь, что могу спокойно побыть в одиночестве.

Зачерпнув воды из бочки, стоящей в углу, я плеснул ее на горячие камни – в воздухе повисло густое облако пара, и я с удовольствием сделал вдох. Потом я встал как можно ближе к горячим камням, и вскоре все мое тело покрылось потом. Тут же заныли заживающие царапины на шее и спине. Оглядевшись по сторонам, я увидел коробку с грубой солью и несколько морских губок, совсем как во времена моего детства. Я потер тело солью, морщась от боли, а затем смыл все губками. Я почти закончил, когда дверь открылась и в помещение ввалилась толпа стражников. Старшие выглядели усталыми, а те, что помоложе, весело толкались и кричали, довольные, что тяжелый день закончился и им предстоит отдых. Два молодых солдата подбросили дров в огонь, а третий вылил еще воды на камни. Пар поднялся к потолку густой стеной, и помещение тут же наполнилось громкими разговорами.

Два старика вошли вслед за веселой компанией, они двигались медленнее и явно пришли сюда сами по себе. Их покрытые шрамами тела без слов говорили о том, что они много лет отдали военной службе. Они были поглощены обсуждением низкого качества пива, которое подают страже, но поздоровались со мной, и я, быстро ответив на приветствие, отвернулся. Опустив голову как можно ниже, я старался стоять так, чтобы они не видели моего лица. Один из них знал меня раньше, когда я был мальчишкой. Его звали Блейд, и старый стражник стал тогда для меня настоящим другом. Я прислушивался к знакомым с детства ругательствам. Блейд то и дело весьма витиевато проклинал свою больную спину. Я многое отдал бы за

возможность просто подойти к нему и немного поболтать. Вместо этого я постарался скрыть улыбку, когда он принялся поносить пиво, и всем сердцем пожелал ему удачи.

Я незаметно наблюдал за нашими стражниками, мне стало ужасно интересно, как они поведут себя с гостями с Внешних островов. Как ни странно, молодые люди их избегали и то и дело бросали в их сторону взгляды, исполненные подозрительности. Стражники же, которые принимали участие в войне красных кораблей, держались гораздо спокойнее и увереннее. Наверное, если ты провел на службе достаточно много времени, война становится работой и тебе легче относиться к другим как к воинам вроде тебя самого, а не как к бывшим врагам.

Как бы там ни было, мне показалось, что парни с Внешних островов не слишком рвались завязывать дружеские отношения со стражниками Оленьего замка. Впрочем, возможно, причина заключалась в обычной настороженности солдат, оказавшихся без оружия среди чужаков. Мне хотелось остаться и понаблюдать за происходящим, но я понимал, что это опасно. Блейд всегда отличался острым зрением, и я старался не попадаться ему на глаза – он мог меня узнать.

Однако когда я поднялся, собираясь покинуть баню, меня толкнул один из молодых стражников. Он даже не стал делать вид, что наткнулся на меня случайно. Вместо этого он сердито выкрикнул:

– Эй, смотри куда прешь, приятель! И вообще, ты кто такой? Из какого отряда?

Я поднял глаза и увидел перед собой светловолосого паренька, наверное родом из Фарроу, хорошо сложенного, сильного и воинственного, какими бывают только очень молодые люди. Мне показалось, что ему лет шестнадцать. Мальчишка явно хотел покрасоваться перед своими более опытными товарищами.

Я наградил его хмурым взглядом, в котором читалось терпеливое отвращение, так ветеран смотрит на зеленого новичка. Если бы я никак не отреагировал, он предпринял бы новую попытку устроить скандал, а я хотел только одного – побыстрее убраться, не привлекая к себе ненужного внимания.

– Тебе и самому неплохо бы смотреть под ноги, дружище, – спокойно проговорил я и собрался пройти мимо, но он толкнул меня сзади в левое плечо.

Я спокойно повернулся к нему и увидел, что он сжал кулаки, приготовившись защищаться. Я терпеливо покачал головой, и несколько его товарищей захихикали.

– Оставь меня в покое, приятель, – предупредил я паренька.

– Я задал тебе вопрос, – прорычал он.

– Задал, – не стал спорить я. – Если бы ты назвал свое имя, прежде чем спрашивать мое, я бы с удовольствием тебе ответил. Так было принято в Оленьем замке раньше.

Паренек прищурился:

– Карл из отряда Брайта. Я не стыжусь ни своего имени, ни отряда.

– Я тоже, – заверил его я. – Том Баджерлок, слуга лорда Голдена, который, кстати, уже наверняка меня заждался. Хорошего тебе дня.

– Слуга лорда Голдена. Как я сам не догадался. – Паренек с презрением фыркнул и с видом превосходства повернулся к своим товарищам. – Тебе здесь нечего делать. Эта баня для стражи, а не для лакеев, пажей и «специальных слуг».

– Правда? – Я ухмыльнулся и окинул его насмешливым взглядом. – Значит, лакеев и пажей сюда не пускают? А ведь и не скажешь...

Теперь уже все смотрели на нас, и я понял, что мне придется показать этому Карлу, на что способен Том Баджерлок. Услышав мое оскорбление, он покраснел и замахнулся.

Я отклонился в сторону, его кулак просвистел мимо, а я сделал шаг вперед. Он приготовился к тому, что я стану драться по правилам, но я ударил его по ногам – так повел бы себя уличный забияка, а не слуга благородного лорда, и паренек был потрясен. Когда он упал, я еще раз сильно лягнул его, и он задохнулся от боли, откатившись почти к самому очагу. Я подошел к нему и поставил ногу на его голую грудь, прижав скандалиста к полу.

– Остынь, приятель, – прорычал я. – Иначе будет очень плохо.

Двое из его приятелей шагнули вперед, но тут Блейд выкрикнул:

– Хватит!

Они остановились. Старый стражник выступил вперед и повторил:

– Достаточно! Я не потерплю здесь ваших дурачеств. – Он мрачно посмотрел на парня, который явно был командиром стражников. – Руфус, займись своим щенком. Я пришел погреть спину, а не глазеть на невоспитанных буянов. Убери его отсюда. А ты, Баджерлок, отойди от него.

Несмотря на свои годы или именно благодаря им, старый Блейд пользовался всеобщим уважением. Когда я отошел в сторону, мальчишка поднялся на ноги. Я увидел в его глазах злость и обиду, но командир прорычал:

– Убирайся, Карл. На сегодня с нас достаточно твоих глупостей. Флетч и Лоук, отправляйтесь вслед за ним. Вы вели себя как идиоты, когда попытались встать на защиту другого идиота.

Все трое с мрачным видом прошествовали мимо меня. Впрочем, они старательно изображали, что им совершенно все равно. Остальные стражники принялись переговариваться, и я понял, что они осуждают поведение Карла. Я снова сел, решив дать скандалисту время одеться и отправиться восвояси, до того как я выйду. Мне совсем не понравилось, что Блейд подошел ко мне и уселся рядом. Он протянул мне руку, я ее пожал и почувствовал прикосновение мозолистой ладони воина.

– Блейд Хавершок, – представился он. – И я, в отличие от безмозглого щенка, в состоянии понять, что говорят шрамы на теле солдата. Не обращай внимания на болтовню мальчишки и приходи сюда, когда пожелаешь. Карл недавно поступил в отряд и старается вести себя так, чтобы все забыли, что Руфус взял его по просьбе матери.

– Том Баджерлок, – ответил я. – Большое спасибо, что вмешался. Я видел, что он хорохорится перед своими товарищами, но не понимаю, почему он прицепился именно ко мне. Я не собирался с ним драться.

– Это я сразу понял. И еще понял, что ему страшно повезло. Уверен, мало бы ему не показалось. А почему Карл привязался к тебе? Он молод и слушает сплетни и еще не знает, что оценивать людей следует не по тому, как о них говорят. Ты отсюда, Баджерлок?

– Я из Бакка.

Блейд показал на царапины у меня на шее и спросил:

– А это откуда?

– Кошка, – ответил я.

Он решил, что я имею в виду свою подружку, и рассмеялся.

Некоторое время мы болтали, старый стражник и я. Я смотрел на морщинистое лицо, кивал и улыбался и видел, что он меня не узнал. Мне бы следовало радоваться, что даже старый друг не признал Фитца Чивэла Видящего, но вместо этого мне стало грустно. Неужели я для него настолько мало значил, что он меня забыл? Я понял, что с трудом слежу за разговором, и в конце концов, извинившись, ушел.

Должен признаться, что я испытал чувство, схожее с облегчением, поскольку вдруг сообразил, как легко мог поддаться безумному порыву и выдать себя, сказать что-нибудь, намекнуть на наше старое знакомство. Это было бы мальчишеством. Желание быть узанным, напомнить, что когда-то я играл в Оленьем замке важную роль, ничем не отличалось от стремления Карла завязать со мной драку.

Я вышел из парной и направился в самую баню, где смыл остатки соли с кожи и насухо вытерся полотенцем. Затем я оделся и зашагал в сторону замка, чувствуя себя чистым, но совсем не обновленным. Бросив взгляд на солнце, я понял, что пора на прогулку с лордом Голденом.

Тогда я повернул в сторону конюшен и уже на пороге встретил конюха, который вел Вороную, Малту и незнакомого мне серого мерина. Все лошади были вычищены до блеска и готовы к прогулке. Я объяснил конюху, что я слуга лорда Голдена, но он держался со мной недоверчиво, пока не услышал женский голос:

– Привет, Баджерлок. Ты едешь сегодня на прогулку с принцем и лордом Голденом?

– Да, удача мне улыбнулась, госпожа Лорел, – поприветствовал я Охотницу королевы.

Лорел была в зеленом, словно летний лес, охотничьем костюме – тунике и легинсах – и выглядела в нем весьма привлекательно. Волосы она собрала в простую прическу, которая, как ни странно, делала ее еще женственнее. Конюх тут же поклонился мне и позволил забрать лошадей.

Когда он отошел достаточно далеко, чтобы нас не слышать, Лорел улыбнулась мне и спросила:

– Как себя чувствует наш принц?

– Он в полном порядке, госпожа Лорел. – Я извинился за короткий ответ выразительным взглядом, и она все поняла.

Лорел взглянула на амулет Джинны, висевший у меня на шее. Он имел единственное предназначение – заставлял людей, смотревших на меня, испытывать ко мне расположение. Улыбка Лорел стала теплее. Я все понял и незаметно поднял воротник, чтобы спрятать амулет.

Лорел отвернулась и заговорила уже гораздо более сдержанно – мы снова стали Охотницей и слугой.

– Ну, надеюсь, прогулка удастся. Передай мой привет лорду Голдену.

– Непременно, госпожа. И вам хорошего дня.

Когда она ушла, я вздохнул, возмущаясь про себя отведенной мне ролью. Мне бы хотелось поговорить с Лорел, но двор перед конюшней не совсем подходящее место для личных бесед.

Я подвел лошадей к большим передним дверям и стал ждать.

И ждал долго.

Мерин принца, казалось, привык к подобным задержкам, но Малта нервничала, а Вороная испытывала мое терпение всеми доступными ей способами – то тихонько подергивала поводья, а то принималась с силой тянуть меня за собой. Я дал себе слово уделить несколько лишних часов ее воспитанию – иначе хорошей лошади из нее не получится. Потом я задумался, где взять эти часы, и меня охватило раздражение при мысли о напрасно потраченном на ожидание времени. Я заставил себя успокоиться. Время слуги принадлежит его господину, и я должен вести себя так, будто тоже так считаю.

Я уже начал замерзать и терять терпение, когда переполох и возбужденные голоса заставили меня выпрямиться и придать своему лицу приличествующее случаю выражение.

Через пару минут появились принц и лорд Голден, окруженные кучкой придворных. Среди них я не увидел ни невесты принца, ни кого-либо из представителей Внешних островов и подумал, что это довольно странно. Зато заметил парочку молоденьких женщин, одна из которых не могла скрыть своего разочарования, – очевидно, она рассчитывала, что принц пригласит ее покататься. Некоторые из придворных-мужчин тоже выглядели не слишком довольными. На лице Дьютифула застыло спокойное вежливое выражение, но по тому, как напряглись уголки его губ, и по глазам я видел, что он с трудом держит себя в руках.

Сивил Брезинга тоже был среди придворных, но держался на заднем плане. Чейд говорил мне, что он должен сегодня прибыть. Брезинга наградил меня мрачным взглядом и попытался встать поближе к принцу, но так, чтобы оказаться с противоположной стороны от лорда Голдена. Увидев его, я испытал одновременно страх и раздражение. Побегит ли он сообщить остальным, что я поехал кататься вместе с принцем? Является ли Сивил шпионом Полукровок или он и в самом деле не принимал участия в заговоре?

Я прекрасно понимал, что принц хочет покинуть замок как можно быстрее, но мы еще некоторое время проторчали в конюшне, пока он прощался с каждым придворным в отдельности, обещая некоторым из них, что уделит им внимание чуть позднее. Он держался отлично, изящно и совершенно спокойно. Только наша связь через Силу помогала мне почувствовать, как он раздражен и как ему не терпится оставить за спиной всех этих разодетых фальшивых аристократов. Неожиданно я обнаружил, что пытаюсь мысленно его успокоить, словно он вдруг превратился в нервно гарцующего на месте коня. Дьютифул посмотрел на меня, но я не знал наверняка, услышал ли он меня.

Один из придворных взял из моих рук поводья его лошади и придержал ее, принц вскочил в седло. Я помог лорду Голдену, а затем, дождавшись его кивка, взобрался на свою Вороную. Снова зазвучали прощальные слова и пожелания, словно мы отправлялись в дальний путь, а не на обычную короткую прогулку. Наконец принц твердой рукой натянул поводья и ударил пятками свою лошадь. Лорд Голден последовал за ним, а потом мы с моей Вороной. У нас за спиной разразилась целая буря прощальных возгласов.

Несмотря на совет Чейда, мне не удалось выбрать маршрут нашей прогулки. Принц ехал впереди, а мы следовали за ним до ворот, где снова остановились, чтобы стражники поприветствовали своего принца. Как только мы покинули пределы замка, принц прищпорил коня. Мы мчались вперед на такой скорости, что разговаривать было просто невозможно. Вскоре принц свернул на менее наезженную тропу и перешел на легкий галоп. Мы следовали за ним, и я чувствовал, что Ворона довольна, – она наконец-то получила возможность немного размяться. Ее не слишком радовало, что я ее придерживаю, поскольку она прекрасно знала, что может легко обогнать Малту и серого мерина принца.

Вскоре мы выехали к залитым солнцем холмам. Когда-то здесь был лес, где Верити охотился на оленей и фазанов. Сейчас же недовольные овцы шарахнулись в сторону, увидев нас, а потом вернулись на широкий луг, заросший травой. Нас же принц повел за собой дальше, в более дикие места. Когда стада остались позади, принц дал волю своему коню и мы помчались вперед, словно спасались от врага. И все это время мы молчали. Ворона начала постепенно успокаиваться, когда Дьютифул наконец натянул поводья. Лорд Голден ехал позади него, а возбужденные лошади фыркали и тяжело дышали. Я держался на приличном расстоянии от них, пока принц не повернулся в седле и не позвал меня сердитым жестом. Я послушно выполнил приказ, и принц холодно приветствовал меня.

– Где ты был? Ты обещал меня учить, а я даже ни разу не видел тебя, с тех пор как мы вернулись в Олений замок.

Я удержал готовый сорваться с губ сердитый ответ, напомним себе, что мальчик разговаривает со мной как принц со слугой, а не как сын с отцом. Однако мое короткое молчание, казалось, явилось гораздо более красноречивым ответом, чем если бы я решил сделать ему словесный выговор. Я видел это по тому, как он упрямо поджал губы.

– Мой принц, – сказал я, тяжело вздохнув, – с тех пор, как мы вернулись, не прошло и двух дней. Я думал, что вы будете заняты государственными делами, и сам тем временем разбирался с некоторыми собственными делами. Кроме того, я считал, что мой принц меня позовет, когда пожелает видеть.

– Почему ты так со мной разговариваешь? – возмущенно поинтересовался Дьютифул. – Мой принц то, мой принц это! Когда мы возвращались домой, ты вел себя иначе. Что случилось с нашей дружбой?

Я увидел предупреждение в глазах лорда Голдена, но проигнорировал его. Когда я ответил принцу, мой голос звучал совершенно спокойно:

– Если вы намерены выговаривать мне как слуге, в таком случае, полагаю, я должен отвечать, как пристало человеку в моем положении.

– Прекрати! – прошипел Дьютифул, словно я над ним насмеялся.

По правде говоря, я действительно его дразнил. Результат получился ужасающим. На мгновение лицо Дьютифула напряглось, как будто он с трудом сдерживал слезы, затем он сорвался с места и поскакал вперед, и мы не стали его догонять. Лорд Голден едва заметно покачал головой, затем кивком показал мне, что я должен отправиться вслед за мальчиком. Несколько мгновений я раздумывал, не предоставить ли принцу остановиться и подождать нас, но потом решил, что не стоит так сильно на него давить. Мальчишки иногда бывают чрезмерно гордыми.

Я позволил Вороной скакать рядом с его серым конем, но Дьютифул меня опередил и заговорил первым:

– Я все делаю неправильно и не знаю, как справиться с отчаянием. Последние два дня были ужасными... просто кошмар. Мне приходилось вести себя вежливо и сдержанно, когда хотелось кричать, с улыбками принимать цветистые комплименты, когда я мечтал только об одном – бежать. Все считают, что я должен быть счастлив и восторжен. Я выслушал такое количество непристойных историй про первую брачную ночь, что меня от них тошнит. Никто не знает, и всем плевать на мою потерю. Никто не заметил, что пропала моя кошка. Мне не с кем об этом поговорить. – Он неожиданно задохнулся, остановил коня и повернулся в седле ко мне. – Извини... пожалуйста, прости меня, Том Баджерлок.

Его прямота и искренне предложенная рука так сильно напомнили мне Верити, которого я знал, что я понял: именно его дух был отцом мальчика, и мне стало стыдно. Я схватил Дьютифула за руку и притянул к себе.

– Извиняться поздно, – сказал я с самым серьезным видом. – Поскольку я вас уже простил. – Я вздохнул и выпустил его. – Мне тоже пришлось очень трудно, милорд, и я не всегда веду себя как подобает. В последнее время на меня свалилось столько дел, что я даже не мог навестить собственного сына. Прошу меня простить, что не повидался с вами раньше. Мне не очень понятно, как мы можем организовать наши встречи, чтобы никто не узнал, что я вас учу, но вы правы. Это нужно сделать, и откладывать не имеет никакого смысла.

Лицо принца словно окаменело, когда он услышал мои слова. Я вдруг почувствовал, что он от меня отдалился, но не мог понять почему, пока он не спросил:

– Твоего собственного сына?

Его тон меня озадачил.

– Моего приемного сына, его зовут Нед. Он ученик мастера-краснодеревщика в городе.

– Понятно. – Он произнес одно это слово и замолчал, но потом не выдержал и сказал: – Я не знал, что у тебя есть сын.

Дьютифул пытался скрыть ревность, но я ее почувствовал и не знал, как реагировать. И потому решил сказать правду:

– Ему было лет восемь или около того, когда он у меня поселился. Его бросила мать, и никто не захотел взять к себе. Он хороший мальчик.

– Но он тебе не настоящий сын, – заметил принц.

Я вздохнул и твердо ответил:

– Он мой сын во всех отношениях, которые имеют какое-либо значение.

Лорд Голден сидел на своей лошади неподалеку, но я не осмеливался на него посмотреть, чтобы убедиться, что делаю все правильно. Принц молчал некоторое время, затем сжал коленями бока своего коня, который пошел шагом. Моя Вороная последовала за ним, и я знал, что Шут тоже сдвинулся с места. Когда я уже решил, что должен как-то разорвать повисшее между нами молчание, Дьютифул выпалил:

– В таком случае зачем я тебе нужен, ведь у тебя уже есть сын?

Боль в его голосе потрясла меня. Думаю, он и сам удивился собственной вспышке, потому что пришпорил коня и снова вырвался вперед. Я не пытался его догнать, пока Шут не прошептал мне на ухо:

– Догони его. Не позволяй ему закрыться от тебя. Ты ведь уже знаешь, как легко потерять человека, просто позволив ему уйти.

Впрочем, думаю, не его слова, а мое собственное сердце заставило меня пришпорить Вороную и догнать мальчика. Потому что он вдруг превратился в мальчика – вздернутый подбородок, глаза смотрят прямо перед собой. Он не взглянул на меня, но я знал, что он меня слушает.

– Зачем ты мне нужен? А я зачем тебе нужен? Дружба далеко не всегда основывается на нужде, Дьютифул. Но я скажу тебе честно – ты мне очень нужен. Из-за того, что значил для меня твой отец, и потому, что ты сын своей матери. Но главное – потому что ты – это ты и у нас слишком много общего, чтобы я мог взять и уйти, оставив тебя наедине с твоими бедами. Я не могу допустить, чтобы ты вырос, ничего не зная про магию, живущую в твоей крови, – как случилось со мной. Если мне удастся защитить тебя от страданий, значит в каком-то смысле я сумею защитить и себя.

Неожиданно слова закончились. Возможно, меня удивили собственные мысли – совсем как принца Дьютифула всего несколько минут назад. Правда может вытекать из человека, точно кровь из раны, и смотреть на нее бывает так же неприятно.

– Расскажи про отца.

Наверное, для него этот вопрос плавно вытекал из того, о чем я сказал, но меня он потряс. Здесь я ступил на очень скользкую почву. Я знал, что должен рассказать принцу все, что знаю про Верити. Однако как я мог поведать ему об отце, не раскрыв своих секретов и имени? Я давно дал себе слово, что Дьютифул ничего не узнает о моем происхождении. И сейчас не самое подходящее время сообщать ему, что я Фитц Чивэл Видящий, Одаренный Бастард, и его физический отец. Слишком сложно объяснить ему, что дух Верити при помощи магии Силы проник в мое тело на те несколько часов, что понадобились для его зачатия. Если честно, я и сам с трудом в это верил.

Поэтому, совсем как когда-то Чейд, я спросил у него:

– А что бы вы хотели узнать?

– Все. Хотя бы что-нибудь. – Дьютифул откашлялся. – Мне почти ничего про него не говорят. Чейд иногда вспоминает истории из его детства. Я прочитал официальные документы, касающиеся его правления, которые становятся поразительно невнятными, если речь заходит о времени, когда он отправился искать Элдерлингов. Я слышал баллады менестрелей, но в них он представлен как легендарный герой, и во всех по-разному рассказывается о том, как он спас Шесть Герцогств. Когда я спрашиваю об этом или о том, каким он был как человек, все замолкают. Как будто не знают, что ответить. Будто существует некая позорная тайна, известная всем, кроме меня.

– Имя вашего отца не запятнано никакой позорной тайной. Он был хорошим и благородным человеком. Мне трудно поверить в то, что вы так мало о нем знаете. Разве мать вам о нем не рассказывала? – недоверчиво спросил я.

Дьютифул вздохнул и пустил лошадь шагом. Ворона натянула поводья, но я заставил ее идти рядом с конем принца.

– Моя мать рассказывает о короле. Иногда о муже. Когда она о нем заговаривает, я вижу, что она по-прежнему его любит и тоскует о нем. Вот почему я стараюсь задавать ей как можно меньше вопросов. Но мне хочется знать про своего отца. Каким он был человеком, как жил рядом с другими людьми...

– Понятно.

И снова я подумал о том, как мы с ним похожи. Я тоже больше всего на свете хотел узнать настоящую правду про своего отца. Но слышал только «Чивэл Отрекшийся» или «будущий король», который лишился трона, не успев его занять. Он был блестящим тактиком и опытным дипломатом. И от всего отказался, чтобы предотвратить скандал, который мог раз-

разиться из-за моего появления на свет. Принц не только стал отцом бастарда, но и связался с какой-то безымянной женщиной с гор, что сделало его бесплодный официальный брак особенно печальным фактом для королевства, не имеющего наследника. Вот что мне рассказали про моего отца. Я не имел ни малейшего представления о том, какую еду он любил и был ли веселым человеком. Ничего такого, что знает сын, когда растёт рядом с отцом.

– Том? – вмешался Дьютифул в мои размышления.

– Я думаю, – честно ответил я.

Я пытался представить себе, что сам хотел бы узнать про своего отца. Обдумывая ответ принцу, я постоянно оглядывал холмы, окружавшие нас. Мы выехали на узкую звериную тропу, выходящую среди невысокого кустарника, которым зарос широкий луг. Я внимательно изучил деревья у подножия холмов, но не увидел там никаких признаков засады.

– Верити. Он был крупным мужчиной, почти таким же высоким, как я, но с могучей грудью и широкими плечами. В боевом снаряжении он выглядел как настоящий солдат, и иногда мне казалось, что он с удовольствием предпочёл бы жизнь воина своей жизни при дворе. И не в том дело, что он с удовольствием сражался, просто Верити любил просторы, движение, постоянно хотел делать что-нибудь полезное. Он обожал охоту. У него был волкодав, по имени Леон, который всюду за ним ходил, и...

– Значит, он был Одаренным? – выпалил принц.

– Нет! – Его вопрос шокировал меня. – Просто он очень любил свою собаку, и...

– Тогда откуда у меня Дар? Все говорят, что он передается от родителей.

Я пожал плечами. Мне казалось, что мысли мальчика перескакивают с одного предмета на другой, точно блоха по собаке. Я пытался уследить за ходом его рассуждений.

– Думаю, Дар похож на Силу. Считается, что им обладают только Видящие, однако у ребенка, родившегося в рыбацкой хижине, может вдруг обнаружиться Сила. Никто не знает, почему человек с ним рождается.

– Сивил Брезинга говорит, что Дар то и дело возникает среди наследников Видящих. А ещё он сказал, что принц Полукровка мог получить Дар от матери королевы или от своего отца, в жилах которого не было королевской крови. Он утверждает, будто иногда Дар почти не проявляется у родителей, а у ребенка бывает очень сильным. Знаешь, вроде котенка с кривым хвостом, родившегося среди совершенно нормальных детенышей.

– А когда Сивил вам все это успел рассказать? – резко спросил я.

Принц с удивлением на меня посмотрел, но все-таки ответил:

– Сегодня утром, когда прибыл из Гейлтона.

– При всех? – Я пришел в ужас.

Краем глаза я заметил, что лорд Голден подъехал к нам чуть ближе.

– Разумеется, нет! Мы с ним разговаривали рано утром, перед завтраком. Он пришел к двери моей спальни и умолял его принять.

– И вы его впустили?

Дьютифул молча смотрел на меня несколько мгновений, а потом смущенно ответил:

– Он был моим другом. Это ведь он подарил мне кошку, Том. Ты же знаешь, как много она для меня значила.

– Я знаю, с какой целью был сделан подарок. И вы тоже! Сивил Брезинга может оказаться опасным предателем, мой принц, ведь он уже однажды вступил в сговор с Полукровками с целью увести вас из замка, подальше от трона и вашей матери. Вам следует научиться осторожности!

Уши принца покраснели, так сильно задел его мой выговор, однако он сумел с собой справиться и ответил мне ровным голосом:

– Сивил говорит, что он не участвовал в заговоре. Никто из их семьи не имел к нему никакого отношения. Я имею в виду – к заговору. Неужели ты думаешь, что он пришел бы

ко мне объясняться, если бы дело обстояло иначе? Ни он, ни его мать ничего не знали про... кошку. Им даже не было известно, что я обладаю Даром, когда они подарили мне ее. Бедняжка моя. – Голос у него внезапно дрогнул, и я понял, что сейчас он думает только о своей потере.

Его слова переполняла боль утраты, и моя собственная стала еще острее. У меня возникло ощущение, будто я поворачиваю нож в ране, когда я безжалостно спросил:

– В таком случае зачем они это сделали? Кто-то пришел к ним, привел с собой охотничью кошку и сказал: «Вот, вы должны подарить ее принцу». Весьма необычная просьба, вам не кажется? И еще: они так и не назвали имени того, кто передал им кошку.

Дьютифул собрался что-то ответить, но потом передумал.

– Сивил поделился со мной секретом, – сказал он наконец. – Разве я могу обмануть его доверие?

– А вы обещали не открывать его тайну? – спросил я, опасаясь услышать ответ.

Мне нужно было знать, что сказал ему Сивил, но я не мог попросить принца нарушить слово.

На лице Дьютифула появилось удивленное выражение.

– Том Баджерлок, аристократ никогда не попросит своего принца «никому не открывать его тайну». Слишком велика разница в положении.

– А как насчет этого разговора? – грустно поинтересовался Шут.

Его вопрос заставил принца весело рассмеяться, и напряжение мгновенно рассеялось. Причем я даже не подозревал о нем, пока Шут всего несколькими словами не восстановил между нами равновесие. Как же странно после стольких лет снова увидеть в нем это диковинное качество.

– Да, конечно, я понимаю, что вы имеете в виду, – не стал спорить принц.

Дальше мы поехали рядом, и некоторое время тишину нарушали лишь ровный перестук копыт да свист ветра в ветвях.

– Он не взял с меня никакого обещания, – вздохнув, проговорил принц. – Но... Сивил преклонил передо мной колени и принес извинения. Мне кажется, когда человек так делает, он имеет право рассчитывать на то, что его тайна не станет темой для сплетен.

– Она не станет темой для сплетен, мой принц. Обещаю, Шут будет молчать. Расскажите мне, что он вам сообщил.

– Шут? – Дьютифул радостно заулыбался, глядя на лорда Голдена.

Тот презрительно фыркнул.

– Старая шутка старых друзей. Впрочем, она уже так сильно затаскана, что перестала быть смешной, Том Баджерлок, – сказал он и наградил меня суровым взглядом.

Я склонил голову, принимая выговор, но позволил себе ухмыльнуться, чтобы придать словам лорда Голдена немного достоверности, в надежде, что принц примет его объяснение. В действительности же сердце замерло у меня в груди, и я отчаянно выругал себя за неосторожность. Неужели в глубине души я хочу открыться принцу? Внутри у меня все похолодело. Разве я не обещал себе, что больше не буду иметь тайн от тех, кто мне доверяет? Но у меня ведь нет выбора. Я продолжаю хранить свои секреты, в то время как лорд Голден пытается выведать у принца все, что ему стало известно.

– Если вы нам откроете, что сказал Сивил Брезинга, обещаю никому ничего не говорить. Я тоже сомневаюсь в его лояльности по отношению к вам – как друга и подданного. Боюсь, вам может угрожать опасность, мой принц.

– Сивил мой друг, – упрямо заявил принц, и его мальчишеская уверенность в собственной правоте причинила мне настоящую боль. – Я знаю это всем сердцем. Однако... – На лице Дьютифула появилось странное выражение. – Он предупредил меня, что я должен быть с вами осторожен, лорд Голден. У меня сложилось впечатление, что он относится к вам с... исключительным отвращением.

– Когда я гостил в доме его матери, между нами возникло небольшое разногласие. Мы неправильно поняли друг друга, – спокойно ответил лорд Голден. – Уверен, что очень скоро все встанет на свои места.

Лично я в этом сильно сомневался, но принц, казалось, ему поверил. Он задумался, повернув лошадь на запад и разглядывая границу леса. Я выдвинулся так, чтобы оказаться между принцем и возможными врагами, решившими устроить нам засаду, и попытался одновременно следить за деревьями и смотреть на принца. Я заметил на ближайшем дереве ворону и подумал, что она, возможно, является шпионом Полукровок, но сделать с этим ничего не мог. Никто из моих спутников не обратил на птицу внимания. Принц заговорил в тот момент, когда она поднялась в воздух и полетела прочь.

– Брезингам угрожали, – неохотно сказал Дьютифул. – Полукровки. Сивил не уточнил как. Угроза была завуалированной. Кошку доставили его матери вместе с запиской, из которой следовало, что она должна подарить ее мне. В противном случае их обещали наказать. Сивил не сообщил мне как.

– Можно и так догадаться, – заявил я. Ворона скрылась из виду, но спокойнее мне не стало. – Если они не подарят вам кошку, Полукровки сообщат, что один из них – Одаренный. Возможно, Сивил.

– Наверное, – не стал спорить принц.

– Но это их не оправдывает. Они ведь имеют определенные обязательства перед своим принцем.

Я дал себе слово проверить комнату Сивила Брезинги. Нужно побывать там и посмотреть его вещи, решил я. Интересно, а взял ли он с собой кошку?

Дьютифул посмотрел на меня и спросил с прямоотой, которую я не раз видел в Верити:

– Ты поставил бы долг перед своим монархом выше необходимости защитить члена собственной семьи? Знаешь, я спросил себя: если бы моей матери угрожала опасность, на что я готов был бы пойти? Смог бы предать интересы Шести Герцогств ради сохранения ее жизни?

Лорд Голден наградил меня взглядом, в котором читалась гордость за мальчика. Я рассеянно кивнул. Слова Дьютифула меня задели. Неожиданно мне показалось, что я должен вспомнить что-то очень важное, но у меня никак не получалось. Впрочем, и достойного ответа на вопрос Дьютифула не нашлось, и молчание затянулось.

Наконец я сказал:

– Будьте осторожны, мой принц. Я не советую вам слишком доверять Сивилу Брезинге, а также приближать к себе его друзей.

– Ну, здесь ты можешь быть совершенно спокоен, Том Баджерлок. Сейчас у меня нет времени для друзей, одни сплошные обязанности. Мне стоило огромного труда выделить час для прогулки с вами. Меня предупредили, что это будет выглядеть несколько необычно с точки зрения герцогов, в чьей поддержке я нуждаюсь. Мне бы следовало отправиться кататься верхом с их сыновьями, а не с иностранцем и его слугой. Но мне хотелось с тобой поговорить. И еще, Том Баджерлок... – Он помолчал, а потом быстро выпалил: – Ты придешь сегодня на мою помолвку? Если мне необходимо пройти через это, пусть рядом со мной будет настоящий друг.

Я сразу понял, что должен ответить, но сделал вид, что задумался.

– Я не смогу, мой принц. Мое положение не позволит мне присутствовать на столь важной церемонии. Это будет выглядеть еще более странно, чем наша прогулка.

– А ты не можешь прийти в качестве телохранителя лорда Голдена?

– Получится, будто я не доверяю гостеприимству принца и не верю в его способность обеспечить мою безопасность, – ответил за меня лорд Голден.

Принц остановил лошадь, и на лице у него появилось упрямое выражение.

– Я хочу, чтобы ты там был. Придумай способ.

Его прямой приказ вывел меня из состояния равновесия.

– Я постараюсь, – ответил я мрачно. Мне хотелось попрочнее закрепиться в роли Тома Баджерлока, чтобы у тех, кто знал меня по моей прошлой жизни, не возникло никаких сомнений, если мне доведется с ними нечаянно столкнуться. Многие из них будут присутствовать на сегодняшней церемонии. – Но я должен напомнить вам, мой принц, что, даже если я и буду присутствовать на празднике, о разговорах между нами не может быть и речи. И вы должны будете помнить, что вам не следует привлекать ненужного внимания к нашим отношениям.

– Я не дурак! – заявил принц, явно рассерженный моим уклончивым отказом. – Я просто хочу, чтобы ты там присутствовал. Хочу знать, что среди тех, кто наблюдает, как меня приносят в жертву, у меня есть друг.

– Мне представляется, что вы слишком драматизируете, – тихо проговорил я, стараясь, чтобы мои слова не прозвучали оскорбительно. – Там будет ваша мать. И Чейд. И еще лорд Голден. Для этих людей ваши интересы не пустой звук.

Дьютифул покраснел и взглянул на лорда Голдена.

– Разумеется, я считаю вас своим другом, лорд Голден. Прошу меня простить за необдуманные слова. Что же до моей матери и лорда Чейда, они, как и я, ставят долг выше любви. Да, конечно, они заботятся о моем благе, но с их точки зрения для меня хорошо то, что полезно для Шести Герцогств. Они считают, что эти вещи взаимосвязаны. А если я начинаю возражать, – неожиданно устало сказал он, – они говорят, что, став королем, я пойму: то, что они вынудили меня сделать, служит и моим интересам тоже. Что править процветающей страной, живущей в мире, гораздо важнее, чем выбрать невесту по собственному усмотрению.

Некоторое время мы ехали молча. В конце концов лорд Голден неохотно нарушил молчание:

– Боюсь, мой принц, что солнце сейчас для нас не союзник. Нам пора возвращаться.

– Я знаю, – печально ответил принц. – Знаю.

Я понимал, что мои слова послужат для него слабым утешением, но все равно произнес их – законы общества слишком часто диктуют нам, как мы должны себя вести. Я попытался примирить мальчика с тем, что ему предстояло.

– Эллиана не такой уж плохой выбор в качестве будущей жены. Она, конечно, еще очень молода, но привлекательна, а когда повзрослеет, станет красавицей. Чейд называет ее настоящей королевой и очень доволен выбором, предложенным нам Внешними островами.

– Да, конечно, – согласился со мной Дьютифул и повернул своего коня. Вороная фыркнула, недовольная тем, что ей пришлось уступить дорогу другой лошади. Ее влекли холмы и резвый галоп. – Эллиана прежде всего королева, а потом уж дитя или женщина. Она не сказала мне ни одного неверного слова. И ни одного слова, которое выдало бы, о чем она в действительности думает. Она по всем правилам преподнесла мне свой подарок – серебряную цепь с желтыми алмазами, которую я должен надеть сегодня вечером.

Я подарил ей то, что выбрали моя мать и Чейд. Серебряную диадему, украшенную сотней сапфиров. Они довольно маленькие, но моей матери нравится сложный узор, выложенный вокруг более крупных камней. Нарческа сделала реверанс, принимая диадему, и сказала, что она очень красивая. Однако я заметил, что ее благодарность прозвучала чересчур официально. Эллиана сказала, что признательна за «щедрый подарок», и ни слова о том, как она любит сапфиры и какой необычный узор украшает диадему. Словно выучила наизусть ответ, а потом безупречно сдала экзамен.

Я не сомневался, что именно так и было. Однако не считал, что нарческу следует за это винить. В конце концов, ей всего одиннадцать лет и опыта в подобных вещах у нее не больше, чем у нашего принца. Так я и сказал Дьютифулу.

– Я все прекрасно понимаю, – устало согласился он. – Но я попытался встретиться с ней глазами, чтобы она увидела *меня*. Когда Эллиана в первый раз стояла рядом со мной, я потянулся к ней всем сердцем. Она такая юная, такая крошечная, и все здесь для нее чужое. Я ей

сочувствовал, как сочувствовал бы ребенку, вырванному из родного дома, ребенку, которого заставляют служить целям, не имеющим к нему никакого отношения. Я выбрал для нее подарок. От себя лично, а не от Шести Герцогств. Он был в ее комнате, когда она прибыла в замок. А она не сказала о нем ни единого слова.

– Какой подарок? – спросил я.

– То, что понравилось бы мне в одиннадцать лет, – ответил Дьютифул. – Набор кукол, вырезанных Блантером. Они были одеты так, словно собирались рассказать историю о девушке и снежном скакуне. Насколько я знаю, эта сказка известна на Внешних островах не меньше, чем в Шести Герцогствах.

Голос лорда Голдена прозвучал ровно, словно из него вдруг исчезли все интонации.

– Блантер прекрасный резчик по дереву. Речь идет о той сказке, в которой волшебный конь уносит девушку от жестокого отчима и она попадает в чудесную страну, где выходит замуж за прекрасного принца?

– Пожалуй, не слишком подходящая сказка в данных обстоятельствах, – пробормотал я.

– Я об этом не подумал, – удивленно воскликнул принц. – Как вы думаете, я ее обидел? Мне нужно извиниться?

– Чем меньше вы об этом будете говорить, тем лучше, – ответил лорд Голден. – Возможно, когда вы лучше друг друга узнаете, вы сможете обсудить ваш подарок.

– Лет через десять, – весело согласился принц, но благодаря нашей общей Силе я почувствовал его беспокойство.

Впервые за все время я понял, что среди прочего принц недоволен происходящим потому, что ему кажется, будто он неправильно ведет себя с нарческой. Его следующие слова подтвердили мою правоту:

– Нарческа держится так, что я начинаю чувствовать себя неуклюжим варваром. Ведь это она родилась в деревне, расположенной неподалеку от ледяного шельфа, а у меня возникает ощущение, словно я неотесанный болван. Она смотрит на меня, и ее глаза похожи на зеркала. В них нет ее самой. Я только вижу, каким глупым и ограниченным ей кажусь. Меня прекрасно воспитали, в моих жилах течет королевская кровь, но она ведет себя так, будто я неотесанная деревенщина и любое мое прикосновение испачкает ее. Я не понимаю...

– По мере того как вы будете лучше узнавать друг друга, вам придется столкнуться со многими трудностями. Понимание того, что вы принадлежите к разным, но равноправным культурам, может стать первым шагом, – мягко проговорил лорд Голден. – Несколько лет назад у меня были кое-какие дела на Внешних островах, и я изучил их нравы. Они придерживаются матриархата, и особая татуировка указывает на материнский клан, к которому они принадлежат. Насколько мне известно, нарческа уже оказала вам огромную честь, когда согласилась приехать сюда и не потребовала, чтобы вы явились в дом ее матери. Ей, наверное, очень сложно принимать ваши ухаживания, не опираясь на поддержку матери, сестер и тетюшек.

Дьютифул задумчиво кивнул лорду Голдену, но подслушанный мной разговор нарчески с дядей убедил меня, что принц правильно оценил отношение нарчески к себе. Впрочем, я решил промолчать.

– Вне всякого сомнения, она старательно выучила свой урок касательно нравов и обычаев Шести Герцогств. А вам не пришло в голову лучше узнать, что представляют собой Внешние острова и какое место занимает там ее семья?

Дьютифул искоса поглядел на меня, словно ученик, который выполнил задание, но не слишком хорошо.

– Чейд дал мне все манускрипты, касающиеся Внешних островов, что имелись в нашей библиотеке, но предупредил, что они, скорее всего, устарели. Жители Внешних островов не записывают свою историю на бумагу, ее передают устно, этим занимаются барды. Все, что нам известно, дошло до нас от жителей Шести Герцогств, побывавших там. Кстати, я обра-

тил внимание на определенную нетерпимость рассказчиков к местным обычаям и нравам. Как правило, это отчеты путешественников, возмущенных качеством еды, поскольку мед и жир считаются там главными составляющими праздничных блюд, а также жилищами островитян, холодными и неуютными.

Местные жители не отличаются гостеприимством, – продолжал он, – и не слишком охотно пускают в свои дома усталых путников. Более того, они презируют тех, кто вынужден просить у них пищи и ночлега, вместо того чтобы предложить что-нибудь взамен. Слабые и глупые заслуживают смерти – вот их главное кредо. Даже их бог отличается суровым и безжалостным нравом. Они предпочитают морского Эля приносящей богатые урожаи Эде. – Принц вздохнул и замолчал.

– А вы слышали хотя бы одного барда? – тихо спросил лорд Голден.

– Я слушал, но не слишком успешно. Чейд заставил меня выучить – хотя бы чуть-чуть – их язык, и я попытался. В нем много корней, схожих с нашими. Я неплохо на нем говорю, по крайней мере меня понимают, но нарческа заявила, что будет разговаривать со мной на моем родном языке, чтобы не слушать, как коверкают ее. – Дьютифул на мгновение поджал губы, вспомнив нанесенное оскорбление, но тут же продолжил: – С бардами гораздо труднее. Очевидно, в поэтическом языке правила другие и слоги могут растягиваться или, наоборот, сокращаться, чтобы создавать рифмы. Они называют это языком бардов, добавляют к стихам свою пронизанную ветром музыку, и в результате я улавливаю только общий смысл. Но у меня сложилось впечатление, что все баллады посвящены тому, как они рубят на части своих врагов, а куски тел приносят домой в качестве трофеев. Например, Эчет Волосыная Постель спал под покрывалом, сплетенным из скальпов его врагов. Или Шестопал, который кормил собак из мисок, вырезанных из черепов тех, кого он победил.

– Симпатичные ребята, – мрачно заметил я, и лорд Голден бросил на меня хмурый взгляд.

– Наши песни, вероятно, тоже кажутся ей странными, особенно романтические и трагические истории девушек, умирающих от любви к мужчине, который принадлежит другой женщине, и все такое, – заметил лорд Голден. – Вам придется вместе преодолевать некоторые барьеры. Такие вещи лучше всего делать во время самой обычной беседы.

– О да, – ехидно заявил принц. – Лет через десять, возможно, нам удастся с ней просто посидеть и поболтать. А пока нас таким плотным кольцом окружают ее и мои придворные, что мы можем разговаривать только через их головы, да и то если нам удастся докричаться друг до друга. Каждое слово, которым мы обмениваемся, потом обсуждается. Я уж не говорю о драгоценном дядюшке Пиоттре, который сторожит Эллиану, точно пес лакомую косточку. Вчера вечером, когда я собрался прогуляться с ней в саду, у меня появилось ощущение, будто мы ведем на поле боя армию. За нами тащились около дюжины человек, которые все время что-то говорили. А когда я сорвал цветок, милый дядюшка выхватил его у меня из рук, внимательно изучил и только потом передал Эллиане. Словно я решил подарить ядовитое растение.

Я невольно ухмыльнулся, вспомнив ядовитую траву, которую предложила мне Кетриккен, когда посчитала, что я представляю опасность для ее брата.

– Подобные вещи случаются, мой принц, даже в самых лучших семьях. Ее дядя исполнял свой долг. С тех пор как мы воевали друг с другом, прошло совсем мало времени. Старые раны должны затянуться. Рано или поздно это обязательно произойдет.

– А сейчас, мой принц, боюсь, нам следует пришпорить наших коней. Мне кажется, вы говорили, что у вас назначена встреча с вашей матерью. Пожалуй, нам нужно поспешить.

– Наверное, – равнодушно отозвался принц на слова лорда Голдена, затем повернулся ко мне и строго проговорил: – Итак, Том Баджерлок, когда мы встретимся в следующий раз? Я с нетерпением жду наших занятий.

Я кивнул, всем сердцем жалея, что не разделяю его энтузиазма, и счел нужным добавить:

– Магия Силы далеко не всегда доставляет удовольствие, мой принц. Может так получиться, что вам не слишком понравятся наши уроки, когда мы к ним приступим.

– Я готов. До сих пор мой опыт использования Силы повергал меня в смущение и недоумение. – В его глазах появилось отсутствующее выражение. – Когда ты меня забрал... я знаю, это как-то связано с монолитом. Мы отправились... куда-то. На пляж. Но сейчас, когда я пытаюсь вспомнить наш переход или события, происшедшие там, да и потом, у меня возникает ощущение, будто я имею дело с ускользающим сном – совсем как в детстве. Понимаешь, концы с концами почему-то не сходятся. Мне казалось, я понял, что со мной произошло. А потом, когда решил рассказать Чейду и матери, все развалилось на не связанные между собой куски. Я чувствовал себя полным идиотом. – Он потер рукой наморщенный лоб. – И мне никак не удавалось соединить эти куски, чтобы получился связный рассказ. – Дьютифул посмотрел на меня и сказал: – Я не могу так жить, Том Баджерлок. Мне необходимо во всем разобраться. Если Сила является частью меня, я хочу понимать ее и управлять ею.

Его слова звучали гораздо разумнее, чем мое нежелание с ним заниматься.

– Завтра на рассвете. В башне Верити, – предложил я, ожидая, что он откажется.

– Хорошо, – легко согласился он, и на губах у него промелькнула улыбка. – Мне казалось, только Чейд называет Морскую башню башней Верити. Интересно. Ты мог бы по меньшей мере назвать моего отца «король Верити».

– Прошу меня простить, мой принц, – ответил я, поскольку не мог придумать ничего лучше.

Принц наградил меня истинно королевским взглядом и добавил:

– Ты постарайся присутствовать на церемонии сегодня вечером, Том Баджерлок.

Прежде чем я успел ему ответить, он прищипил коня и помчался в сторону замка так быстро, словно за ним гналась свора демонов. Так что нам не оставалось ничего иного, как последовать за ним. Принц скакал до самых ворот. Мы остановились, давая возможность стражникам разглядеть нас и пропустить в замок. Дальше мы пустили лошадей шагом, но Дьютифул молчал, и мне ничего не приходило в голову. Когда мы оказались около огромных дверей, ведущих внутрь, принца встретила толпа придворных. Конюх бросился к лошади, а мальчишка, его помощник, схватил поводья Малты. Меня предоставили самому себе, за что я был невероятно признателен. Лорд Голден витиевато поблагодарил принца за исключительное удовольствие, которое он получил во время их уединенной прогулки, и Дьютифул вежливо ответил на его благодарность. Мы сидели на своих лошадях, наблюдая за тем, как принца окружила и тут же увлекла за собой толпа разодетых аристократов. Я спрыгнул на землю и стоял, дожидаясь, когда мой господин соизволит покинуть седло.

– Ну что ж, приятная получилась прогулка, – заметил лорд Голден и спешился.

Однако в следующее мгновение он взмахнул руками, нога у него подогнулась, и он с грохотом рухнул на землю. Еще ни разу в жизни я не видел, чтобы Шут двигался так неловко. Он сел, поморщился и со стоном потянулся к щиколотке.

– Растянул, какой ужас! – вскричал он и тут же царственным жестом махнул рукой мальчишке, который бросился было к нему. – Нет-нет, не подходи! Займись моей лошадей. – Затем повернулся ко мне и сердито выкрикнул: – Ну, чего стоишь, болван?! Отдай мальчику свою лошадь и помоги мне встать. Или ты полагаешь, что я буду самостоятельно добираться на одной ноге до спальни?

Принц в окружении весело щебечущих дам и господ уже скрылся в замке и, скорее всего, не видел, что случилось с лордом Голденом. Кое-кто из тех, кто сопровождал принца, смотрел в нашу сторону, но мы их не особенно интересовали, и потому они поспешили за Дьютифулом. Я присел на корточки и, когда лорд Голден обхватил меня рукой за плечи, тихо спросил:

– Очень плохо?

– Ужасно! – сердито рявкнул он. – Танцевать мне сегодня не придется, а я только утром получил новые туфли. О, какая невыносимая боль! Помоги мне поскорее подняться в мою комнату, болван.

Услышав его сердитый голос, к нам бросились аристократы из тех, кто не смог пробиться в окружение принца. Манеры лорда Голдена тут же изменились, когда он принялся отвечать на заботливые вопросы, заверяя их, что непременно будет присутствовать на помолвке. Лорд Голден почти полностью повис на мне, но какой-то исполненный сочувствия молодой человек взял его за руку, а одна из дам отправила свою горничную с приказом немедленно доставить в комнату лорда Голдена горячую воду и травы, а также обязательно вызвать лекаря. В замок нас проводили два молодых человека и три очень милостивые юные леди.

К тому времени, когда мы наконец добрались до комнаты лорда Голдена, он успел раз десять отчитать меня за бесполезность и полное отсутствие умственных способностей. Около двери в апартаменты нас ждали лекарь и горячая вода. Лекарь забрал у меня лорда Голдена, который тут же велел принести бренди, чтобы успокоить расшатавшиеся нервы, а затем бежать на кухню и позаботиться о его желудке. Когда я уходил, внутри у меня все сжималось от отчаянных криков боли – лекарь осторожно снимал сапог с пострадавшей ноги лорда Голдена.

Вскоре я вернулся с подносом, уставленным закусками и фруктами, но лекарь уже ушел, а лорд Голден сидел, удобно устроившись в своем кресле и вытянув перед собой ногу. Сочувствующие дамы и господа расположились вокруг на свободных стульях. Я поставил поднос на стол и подал лорду Голдену стакан с бренди. Леди Календула возмущенно рассуждала о бессердечном и неумелом лекаре, который сначала причинил бедняжке лорду Голдену такую ужасную боль, а потом заявил, что не видит никаких признаков растяжения. Юный лорд Оукс рассказал длинную, очень подробную и жалостную историю о том, как лекарь в доме его отца чуть не отправил его на тот свет, поскольку не смог распознать болезнь желудка. Когда история наконец подошла к концу, лорд Голден в самых изысканных выражениях попросил своих гостей оставить его одного, поскольку он хотел бы прилечь, после того что с ним произошло. Я испытал истинное облегчение, провожая их до двери.

Дождавшись, когда дверь закроется, а голоса и шаги затихнут в коридоре, я подошел к Шуту, который сидел, откинувшись на спинку кресла и прикрыв лицо надушенным розовой водой платком.

– Ну что, очень плохо? – спросил я шепотом.

– А как нужно? – ответил он, не убирая платка с лица.

– Что?

Шут приподнял платок и наградил меня радостной улыбкой.

– Такое восхитительное представление, и все ради тебя. Мог бы и поблагодарить.

– Ты о чем?

Он опустил забинтованную ногу на пол, встал, спокойно подошел к столу, где стоял поднос, и занялся закусками.

– Теперь лорд Голден может взять с собой на праздник своего слугу Тома Баджерлока. Я буду опираться на твою руку, а тебе придется прихватить мою табуреточку и подушку. А еще ты будешь бегать по поручениям, передавать приветы и всякое такое. Дьютифул останется доволен, а тебе представится прекрасная возможность узнать то, что тебя интересует, – думаю, это даже лучше, чем подглядывать в маленькие дырочки, проделанные в стенах. – Он окинул меня критическим взглядом, а я продолжал стоять с открытым ртом, не в силах прийти в себя. – К счастью для нас обоих, новую одежду, которую я для тебя заказал, доставили сегодня утром. Садись, я подравниваю тебе волосы. В таком виде на бал идти нельзя.

IV Помолвка

Использование ядовитых веществ может оказаться полезным, если требует определить, есть ли у человека Сила, но следует соблюдать исключительную осторожность. В то время как небольшое количество определенной травы, например листьев хеббен, синскова, коры терибан или ковариш, могут успокоить кандидата перед проверкой его Дара и даже несколько усилить рудиментарные способности, слишком большое количество мешает сосредоточиться и в полной мере продемонстрировать свой талант. Несмотря на то что многие мастера Силы сообщили об удачном применении некоторых трав на занятиях с учениками, Четыре Мастера единодушны во мнении, что сия практика не дает достичь истинных высот в овладении Силой. Ибо при использовании ее ученики не учатся погружаться в транс Силы самостоятельно, без помощи вышеупомянутых настоев. Кроме того, таким ученикам не удастся овладеть искусством глубокого погружения в Силу и использовать другие, более сложные виды магии.

Из перевода манускрипта «Четыре Мастера», сделанного Чейдом Фаллстаром

– Не думал, что мне придется носить полосатую одежду, – снова проворчал я.

– Прекрати жаловаться, – заявил Шут, несмотря на то что во рту у него было полно булавок. Он прикрепил ими маленький кармашек и вынимал по одной, быстрыми стежками пришивая его на место. – Я же тебе сказал: костюм выглядит великолепно и к тому же прекрасно сочетается с моим.

– Я не хочу выглядеть великолепно, я должен быть как можно незаметнее.

После того как я попытался воткнуть иголку в пояс штанов, а попал в собственный палец и принялся отчаянно ругаться, Шут даже не улыбнулся, а я разозлился еще больше.

Он уже был безупречно и экстравагантно одет и сидел скрестив ноги на своем стуле, помогая мне пришить потайные кармашки к новому костюму. Он даже не взглянул на меня, когда сказал:

– Можешь не волноваться, на тебя никто не обратит внимания. Люди будут смотреть на твой костюм, а не на лицо, если вообще будут смотреть. Тебе придется постоянно выполнять мои поручения, а твоя одежда укажет на то, что ты слуга. Она тебя скроет, ведь простое платье может превратить привлекательную девушку в незаметную горничную. Вот, примерь-ка.

Я положил штаны и надел рубашку. Три крошечных флакончика из запасов Чейда, вырезанные из птичьих костей, отлично поместились в новый кармашек, а когда я закрепил манжеты, он стал и вовсе незаметен. В другом манжете пряталось несколько мешочков очень сильного снотворного. Если мне представится случай, я позабочусь о том, чтобы Сивил Брезинга проспал всю ночь, тогда я смогу без помех осмотреть его комнату. Я уже убедился в том, что он не взял с собой свою охотничью кошку. Точнее, ее не было ни в его комнате, ни в конюшне с остальными животными, но кошка вполне могла разгуливать по лесу в окрестностях замка. Лорд Голден выяснил, что леди Брезинга не будет присутствовать на церемонии помолвки

принца Дьютифула. Она передала, что повредила спину, упав с лошади во время охоты. Если это вранье, подумал я, тогда с какой целью она осталась в Гейлтоне и послала в Олений замок вместо себя сына? Может быть, надеялась таким способом защитить его? Или наоборот, пытаюсь спасти себя, отправила Сивила навстречу опасности?

Я вздохнул. Бессмысленно рассуждать и пытаться понять, что происходит, не имея фактов. Пока я прятал флакончики с ядом в манжеты, Шут закончил пришивать пояс к моим штанам. Там скрывался карман побольше, куда я убрал тонкий кинжал. На помолвку никто не придет с оружием, по крайней мере открыто, чтобы не нанести оскорбления гостеприимству Видящих. Однако я знал, что подобные вещи не слишком беспокоят наемных убийц.

Шут протянул мне полосатые штаны и, словно угадав мои мысли, спросил:

– Неужели Чейд по-прежнему продолжает пользоваться потайными карманами и припрятанными кинжалами?

– Понятия не имею, – честно ответил я.

Однако я не мог представить Чейда без всех этих штучек. Для него плести интриги всего равно что дышать. Я надел штаны и втянул в себя воздух, чтобы их застегнуть. Они оказались слишком обтягивающими, на мой вкус. Я потянулся за спину и кончиком ногтя коснулся рукояти кинжала, затем вытащил его и проверил. Я взял его в хранилище Чейда, в его башне. Клинок был длиной с мой палец, а короткая рукоять удобно ложилась между указательным и большим пальцами. Но он мог легко перерезать горло взрослому мужчине или в единое мгновение вонзиться между ребрами. Я вернул кинжал на место.

– Заметно что-нибудь? – спросил я.

Шут с улыбкой оглядел меня с головы до ног и уверенно заявил:

– Все заметно. Но не то, что тебя беспокоит. Давай надень камзол, я хочу увидеть тебя во всей красе.

Я неохотно взял из его рук камзол.

– Было время, когда кожаная куртка и легинсы считались в Оленьем замке вполне приличной одеждой, подходящей для всех случаев жизни, – возмущенно заявил я.

– А вот и нет, – неумолимо возразил Шут. – Тебе позволяли так одеваться, потому что ты был еще слишком молод, почти мальчишка, а Шрюд не хотел привлекать к тебе ненужного внимания. Я помню, как пару раз мастерица Хести поступала по-своему и тогда ты получал очень даже нарядный костюм.

– Пару раз, – не стал спорить я и поморщился от воспоминаний. – Но ты ведь прекрасно понимаешь, что я имел в виду, Шут. Во времена моей молодости придворные и все прочие одевались как жители Бакка. И никакого «джамелийского стиля» или плащей из Фарроу с капюшонами настолько длинными, что волочатся по полу.

Шут кивнул.

– Во времена твоей молодости Олений замок отличался провинциальностью. Война отнимала почти все ресурсы – на одежду мало что оставалось. Король Шрюд был прекрасным правителем, но его вполне устраивало, что Шесть Герцогств не слишком процветали. Королева Кетриккен сделала все, что в ее силах, чтобы открыть Герцогства для торговли не только с ее родным Горным Королевством, но с Джамелией и Удачным и даже странами, расположенными достаточно далеко от нас. Перемены обязательно должны были произойти. Перемены – это совсем не плохо.

– Прежний Олений замок тоже был неплохим местом, – мрачно заметил я.

– Но перемены доказывают тебе, что ты еще жив. Перемены часто означают, что мы становимся терпимее к тем, кто от нас отличается. Можем ли мы впустить их языки, обычаи, одежду и пищу в свою жизнь? Если да, тогда между нами возникают новые связи, благодаря которым война отступает на задний план. А если не можем, если мы считаем, что должны

жить, как жили многие века до сих пор, в таком случае нам приходится сражаться за то, чтобы оставаться такими, какими мы хотим быть, или умереть.

– Радостная перспектива.

– Это так и есть, – настаивал на своем Шут. – Удачный пережил подобные времена. Сейчас они сражаются с Калсидой только потому, что Калсида отказывается признать необходимость перемен. Война может захватить огромные территории и докатиться до Шести Герцогств.

– Сомневаюсь. Какое мы можем иметь к ним отношение? Да, конечно, наши южные герцогства с радостью ввяжутся в конфликт, поскольку ненавидят Калсиду. А война даст им возможность оттяпать кусок их территории и присвоить себе. Но что касается участия всех Шести Герцогств... сомневаюсь.

Я надел джамелийский камзол и застегнул его. По моему мнению, на нем было гораздо больше пуговиц, чем нужно. Он плотно облегал мою талию, спускаясь до колен широкими складками.

– Ненавижу джамелийскую одежду. И как я достану кинжал, если он мне понадобится?

– Я тебя хорошо знаю. Если возникнет нужда, ты найдешь способ добраться до кинжала. Уверяю тебя, в Джамелии такие костюмы были в моде года три назад. Там решили бы, что ты явился из какой-нибудь провинции Удачного и стараешься походить на джамелийца. Но для наших целей твой костюм подходит превосходно. Он в очередной раз подтвердит легенды о том, что я аристократ из Джамелии. Если моя одежда выглядит достаточно экзотично, все остальное, что я делаю, представляется окружающим нормальным.

Он встал. На правую ногу Шут надел вышитую бальную туфлю. Левая щиколотка была плотно забинтована, словно нуждалась в дополнительной поддержке. В руки он взял тросточку, украшенную резьбой, в которой я узнал его собственную работу. Любой, кто на нее посмотрит, решит, что она стоит неприлично дорого.

Шут решил, что на сегодняшнем празднике мы должны быть в фиолетовом с белым. Прямо пара заморских овощей, сердито подумал я. Разумеется, костюм лорда Голдена был гораздо более изысканным и ярким, чем мой. Манжеты моей полосатой рубашки свободно болтались у запястий, его же пышными складками закрывали кисти рук. Поверх белой рубашки он надел фиолетовый джамелийский камзол, туго обтягивающий грудь и ниспадающий до самых колен роскошными складками, расшитыми крошечными сверкающими бусинками. И еще шелковые легинсы. Волосы Шута окутывали плечи длинными золотыми локонами. Я не знаю, как ему удалось добиться такого эффекта. Кроме того, следуя моде джамелийских аристократов, он раскрасил лицо – нанес особый рисунок из мелких синих чешуек на лоб и скулы. Шут заметил, что я его разглядываю, и спросил немного смущенно:

– Ну как?

– Ты прав. Никто ни на секунду не усомнится в том, что ты джамелийский лорд.

– В таком случае пошли вниз. Прихвати мою табуретку и подушку. Мы воспользуемся моей больной ногой как предлогом, чтобы прийти в Большой зал пораньше и понаблюдать за прибывающими гостями.

Я взял его табуретку в правую руку, а под мышку засунул подушку. Левую я предложил Шуту, который очень убедительно хромал. А я в очередной раз подумал, какой он великолепный актер. Возможно, благодаря Силе, которая нас связывала, я чувствовал, что мой друг получает огромное удовольствие от происходящего. Разумеется, он это старательно скрывал и все время, что мы спускались по лестнице, стонал и ругал меня за неловкость.

Когда мы подходили к огромным дверям, ведущим в Большой зал, Шут вдруг остановился. Казалось, лорд Голден решил немного передохнуть, опираясь на руку своего слуги, но Шут прошептал мне на ухо:

– Не забывай, что ты слуга. Скромность и послушание, Том Баджерлок. Что бы ты ни увидел, не смотри ни на кого прямо. Это не принято и считается неприличным. Ты готов?

Я кивнул, хоть и не нуждался в его напоминаниях, и поудобнее пристроил подушку под мышкой. Мы вошли в Большой зал, и я сразу же заметил изменения, которые коснулись и его. Во времена моего детства здесь собирались все обитатели Оленьего замка. Я частенько сидел около вот этого камина, где проходили наши уроки с писарем Федвреном. Кресла и стулья возле других каминов тоже никогда не пустовали: мужчины точили наконечники стрел, женщины вышивали и обменивались сплетнями, менестрели сочиняли новые песни или репетировали старые.

Несмотря на режущее пламя и суесящихся мальчишек-слуг, которые постоянно подбрасывали в огонь дрова, здесь всегда было сыро и прохладно, а еще казалось, что свет никогда не добирается до углов зала. Зимой гобелены и знамена, украшавшие стены, прятались в тенях, а внутри постоянно царил полумрак. В моих воспоминаниях остались холодные каменные полы, выстланные подплесневевшим тростником. Когда во время обеда сюда приносили столы, собаки лежали под ними или бродили между скамьями, точно голодные акулы, готовые перехватить брошенную кость или нечаянно упавший кусок. Олений замок короля Шрюда, подумал я, был в первую очередь военной крепостью, притом не слишком-то уютной, а уж потом королевским замком.

Кто стал причиной происшедших здесь перемен – время или королева Кетриккен?

Тут даже пахло иначе, не потом и псиной, а горящим деревом и едой. Темнота, которая не желала отступить перед пламенем каминов и свечей, неохотно сдалась под неумолимым натиском сияния люстр, подвешенных на золотых цепях над длинными столами, накрытыми голубыми скатертями. Похоже, собак сюда пускали только совсем маленьких, и, убежав от своих хозяек, они обнюхивали сапоги гостей или задирали друг друга. На полу лежал чистый тростник, смешанный с песком. В центре зала большая часть пола была засыпана ровным слоем песка с изысканным рисунком, который, впрочем, скоро падет жертвой ног танцующих. Никто не сидел за столами, однако я заметил на них миски с фруктами и корзинки со свежим хлебом. Гости, пришедшие задолго до начала церемонии, стояли группами или сидели в креслах и на выложенных подушками скамейках у огня. Их голоса смешивались с тихим пением лютниста, устроившегося на помосте около главного камина.

Вся комната была пронизана ощущением взволнованного ожидания. Ряды установленных на полу факелов освещали помост. Их яркий свет привлекал внимание, а высота указывала на положение тех, кто будет здесь сидеть. На самом верхнем уровне стояли похожие на трон кресла для Кетриккен, Дьютифула, Эллианы и еще два других. Кресла поменьше, но все равно достаточно величественные предназначались для герцогов и герцогинь Шести Герцогств, которые прибыли на помолвку принца. Второй помост, такой же высоты, был построен для свиты Эллианы. Третий – для приближенных королевы.

Как только мы вошли в зал, несколько хорошеньких женщин мгновенно забыли про молодых аристократов, с которыми они беседовали, и направились к лорду Голдену. У меня возникло ощущение, будто на нас надвигается стая бабочек. Прозрачные накидки, очевидно завезенные из Джамелии и вошедшие в моду, совсем не давали тепла в прохладном Большом зале, но это, похоже, никого не беспокоило. Я с любопытством разглядывал мурашки на обнаженных руках леди Валерианы, которая беззастенчиво кокетничала с лордом Голденом.

Интересно, когда Олений замок пал жертвой яркой заграничной моды? Мне пришлось с неудовольствием признать себе, что мне не нравятся перемены, царившие вокруг меня, не только потому, что они отобрали у замка моего детства индивидуальность, но еще и потому, что заставили меня почувствовать себя старым. Женщины, кудахча на все лады по поводу больной ноги лорда Голдена, окружили его и препроводили к мягкому креслу, стоящему возле камина.

Я послушно помог своему хозяину добраться до него, поставил табуретку и положил на нее подушку. Тут появился лорд Оукс, который отодвинул меня в сторону со словами:

– Я сам все сделаю, приятель, – и пристроил ногу лорда Голдена на подушке.

Я отошел в сторону, поднял глаза и сделал вид, что смотрю за спины представителей Внешних островов, только что вошедших в зал. Они двигались строем, словно воины, приготовившиеся к бою. Войдя в зал, они так и остались стоять плотной группой, заставив меня вспомнить о солдатах с Внешних островов, с которыми я сражался на острове Рог. Мужчины были одеты в традиционные меха и кожу, а некоторые из тех, что постарше, украсили свои костюмы боевыми трофеями: ожерельями, сделанными из фаланг пальцев побежденных врагов, или косами, сплетенными из их волос и закрепленными на поясе. Женщины двигались столь же уверенно, что и мужчины. Их платья из яркой шерсти украшал только белый мех: лисий, горностаевый и полярного медведя.

Женщины с Внешних островов не были воительницами; они владели землей. Там, где мужчины часто покидают дома, отправляясь в рейды на долгие годы, женщины становятся больше чем просто хранительницами земли. От матери к дочери переходят дома и фермы, а также фамильные драгоценности, украшения и инструменты. Мужчины уходят и возвращаются в жизнь женщин, а дочь сохраняет связь с домом матери, и связь мужчины с кланом матери гораздо сильнее брачных уз. Именно женщина решает, выдержал ли их брак испытание разлукой. Если мужчина отсутствует слишком долго, она может взять себе другого мужа или любовника. Поскольку дети принадлежат матери и ее семье, кто их отец – не имеет особого значения. Я разглядывал гостей с Внешних островов, понимая, что в нашем понимании они не являются аристократами. Скорее всего, женщины владеют значительными участками земли, а мужчины отличились во время сражений и рейдов.

Наблюдая за делегацией с Внешних островов, я пытался понять, коснулись ли перемены и их земель. Женщины там никогда не принадлежали мужчинам. Воины могли привозить с собой в качестве добычи рабынь, но их собственные женщины занимали в обществе исключительно высокое положение. В таком случае очень странно, что отец получил право предложить свою дочь в качестве дара принцу другой земли ради установления между ними мира и торговых отношений. Правомочно ли слово отца Эллианы или ее присутствие здесь является решением другой, более могущественной семьи? Но если так, зачем это скрывать? Зачем делать вид, что главную роль в переговорах играет ее отец? И почему Пиоттр – единственный представитель семьи ее матери?

Я размышлял, наблюдая за делегацией Внешних островов, и краем уха прислушивался к болтовне красавиц, окруживших лорда Голдена. Двоих из них, леди Валериану и Календулу, я уже видел в его комнате чуть раньше, сразу после несчастного случая. Слушая их, я понял, что обе из всех сил стараются привлечь его внимание. Лорд Оукс постоянно оказывался между лордом Голденом и леди Календулой, и я сделал вывод, что она ему нравится.

Леди Армерия была старше двух других дам и, пожалуй, старше меня. Я не сомневался, что где-то в замке у нее имеется муж, поскольку она вела себя как женщина, которая давно состоит в браке, но продолжает наслаждаться восторгом погони и радостью победы. Она напомнила мне кое-кого из знакомых мне охотников на лис. В действительности сама добыча ей была и не так чтобы очень нужна, просто ей нравилось демонстрировать всем, что она может составить конкуренцию самым сильным соперницам и одержать над ними верх. Ее платье показалось мне чересчур открытым, на более молодой женщине оно считалось бы непристойным, а ей очень шло. Леди Армерия словно ненароком касалась рукой то плеча лорда Голдена, то его локтя, и я пару раз заметил, как он брал ее за руку, гладил или тихонько сжимал, а потом осторожно выпускал. Она, наверное, считала, что он оказывает ей знаки внимания, но, на мой взгляд, это выглядело так, будто он стряхивает с рукава пушинки.

Вскоре к компании, окружившей лорда Голдена, присоединился лорд Лалвик, аристократ средних лет, аккуратно одетый, с мягкими манерами и приятным лицом. Он лично представился мне – редкая любезность по отношению к простому слуге. Я улыбнулся и кивком ответил на его приветствие. Пробираясь к лорду Голдену, лорд Лалвик несколько раз налетел на меня, но, когда я принимался извиняться, ласково улыбаясь, говорил, что это только его вина. Разговор вертелся вокруг ноги лорда Голдена, все были возмущены поведением лекаря и жалели, что лорд Голден не сможет принять участия в танцах.

Здесь леди Армерия обошла своих соперниц. Взяв лорда Голдена за руку, она заявила, что составит ему компанию, пока «вы, крошки, будете танцевать со своими поклонниками». Лорд Лалвик тут же радостно сообщил, что тоже с удовольствием побудет с лордом Голденом, поскольку танцор из него никудышный. Когда лорд Голден заверил его, что в нем говорит ложная скромность и он ни в коем случае не позволит себе лишиться дам Оленьего замка столь грациозного партнера, лорд Лалвик одновременно был и разочарован – тем, что его прогнали, – и польщен.

Прежде чем соперничество между дамами достигло опасной точки, менестрель неожиданно прекратил играть. Очевидно, его остановил мальчик-паж, стоявший рядом с ним. Менестрель поднялся и громким голосом, проникшим во все уголки Большого зала и перекрывшим все разговоры, объявил о прибытии королевы Кетриккен Видящей и принца Дьютифула, наследника трона Видящих. По знаку лорда Голдена я предложил ему руку и помог встать. В зале воцарилась тишина, и все глаза обратились к двери. Те, кто стоял около нее, быстро отступили назад, освобождая проход к помосту.

Королева Кетриккен перешагнула порог зала вместе с принцем Дьютифулом, шедшим по правую руку от нее. Она многому научилась с тех пор, как я в последний раз видел ее входящей в Большой зал. Я оказался совершенно не готов к слезам, выступившим у меня на глазах, и гордой улыбке, грозившей засиять на лице.

Кетриккен была великолепна.

Изысканный наряд только отвлекал бы внимание от ее собственной красоты. На церемонию помолвки сына королева Кетриккен надела голубое платье, отделанное ярким собольим мехом. Простой покрой подчеркивал стройность ее фигуры и рост. Прямая, точно воин, и гибкая, словно тростник на ветру. Сияющие золотом волосы Кетриккен были собраны в косу, которая, будто корона, украшала голову и ниспадала на спину. Королевская корона казалась тусклой по сравнению с ее локонами. Я не заметил ни колец у нее на руках, ни ожерелья на шее. Кетриккен являлась королевой по сути, а не благодаря роскошным нарядам.

Шагавший рядом с ней Дьютифул был в простом голубом костюме, который напомнил мне о том, как Кетриккен и Руриск выглядели, когда я увидел их впервые. Тогда я принял наследников Горного Королевства за слуг. Мне стало интересно, как отнесутся к костюму принца представители Внешних островов – посчитают его проявлением скромности или бедности. Непослушные черные волосы юноши украшала серебряная лента, поскольку возраст не позволял Дьютифулу носить корону будущего короля. Пока ему не исполнится семнадцать, он будет оставаться всего лишь принцем, несмотря на то что является единственным наследником трона. На шее принца я разглядел серебряную цепь, украшенную желтыми алмазами. В отличие от матери у Дьютифула были карие глаза, и, хотя не вызывало сомнений, что он принадлежит к роду Видящих, спокойное уверенное выражение, застывшее у него на лице, говорило о материнском воспитании.

Королева Кетриккен молча шла между подданными – гордая правительница, которая очень любит свой народ. Она искренне улыбалась тем, кто собрался на церемонию в Большом зале. Лицо Дьютифула было очень серьезным. Может быть, он знал, что стоит ему улыбнуться – и все сразу поймут, как сильно он напуган. Он предложил матери руку, когда она начала подниматься по ступеням на помост. Они заняли свои места у стола, но садиться не стали.

Приятным громким голосом Кетриккен сказала:

– Прошу вас, мой народ и друзья, давайте пригласим в Большой зал нарческу Эллиану, дочь рода Блэкуотер с островов Божественных Рун.

Я с удовлетворением отметил, что Кетриккен назвала не только имя материнского рода Эллианы, но и произнесла название Внешних островов так, как оно звучало у девушки на родине. Кроме того, наша королева решила сама возвестить о прибытии Эллианы, вместо того чтобы предоставить это менестрелю. Когда она показала на открытую дверь, все дружно повернулись, а менестрель повторил имена не только Эллианы, но также Аркона Бладблейда, ее отца, и Пиоттра Блэкуотера, брата ее матери. То, как он произнес последние слова, навело меня на мысль, что на языке Внешних островов «брат матери» – это одно слово и что менестрель нарочно подчеркнул эту особенность. И тут вошли самые почетные гости церемонии.

Первым вышагивал Аркон Бладблейд. Он был огромен, а из-за желтовато-белой шкуры полярного медведя, наброшенной на одно плечо, казался еще больше. Его штаны и куртка были сшиты из шерсти, но кожаный ремень и жилет создавали впечатление, что перед вами опасный и безжалостный воин, хотя мне не удалось заметить у него никакого оружия. Аркон Бладблейд весь сиял от несметного количества золотых украшений, серебряных цепей и драгоценных камней. Он вышагивал с таким видом, что сразу становилось ясно – этот человек невероятно гордится своим богатством. Он двигался одновременно и как матрос, сошедший на землю, и как солдат, уверенный в собственном превосходстве. Я решил, что этот человек мне скорее не по душе.

Аркон Бладблейд, широко улыбаясь, оглядел зал с таким видом, словно не мог поверить в свое везение. Его взгляд скользнул по столам, по толпе придворных и гостей и остановился на Кетриккен, которая ждала, когда Бладблейд поднимется на помост. И тут его улыбка стала еще шире, как будто он увидел добычу, которую можно прикарманить. Я понял, что он мне *очень* не нравится.

За ним шла нарческа, а на шаг позади и чуть правее – ее дядя Пиоттр Блэкуотер. На нем были меха и кожа, как у обычного солдата. Из украшений он надел только золотые серьги и тяжелую брошь, но и им не придавал, казалось, никакого значения. Я заметил, что Пиоттр не только держался, но и вел себя как телохранитель, знающий свое дело. Он постоянно оглядывал толпу, и я понял, что, если бы нарческе угрожала малейшая опасность, он без колебаний убил бы злоумышленника. Однако Пиоттр не производил впечатления человека, страдающего от злобной подозрительности, скорее – бывалого и опытного воина. Девушка, спокойно шагавшая перед ним, знала, что он никому не даст ее в обиду.

Мне стало интересно, кто выбрал наряд нарчески для сегодняшней церемонии: короткая туника из ослепительно белой шерсти, покрытая эмалью булавка, изображавшая нарвала в прыжке, удерживает плащ на одном плече, длинная, почти до пола, голубая юбка в складку. И маленькие туфельки из белого меха. Гладкие черные волосы закреплены у шеи серебряной заколкой, а дальше окутывают спину, словно чернильно-черный поток, в котором время от времени посверкивают серебряные колокольчики. Голову нарчески украшала серебряная диадема с сапфирами.

Она сама установила скорость, с которой они продвигались по проходу, – шаг, пауза, снова шаг. Ее отец не обратил на это внимания или просто не заметил, подошел к помосту, поднялся по нему и встал слева от королевы Кетриккен. Ему пришлось дожидаться дочери. Пиоттр спокойно следовал за ней. Нарческа не смотрела прямо перед собой, она вертела головой, разглядывая людей, встречалась с ними глазами, как будто хотела их запомнить. Улыбка на ее губах показалась мне искренней. Меня поразили невероятная выдержка и твердость характера в столь юном создании. Маленькая капризная девочка, какой я видел ее в прошлый раз, скрылась, уступив место истинной королеве, чей расцвет еще впереди, но которая обязательно станет настоящей правительницей своих земель, – тут Чейд не ошибся.

Когда до помоста оставалось два шага, Дьютифул спустился вниз и предложил нарческе руку. И в этот миг я увидел ее неуверенность. Краем глаза она посмотрела на дядю, словно умоляла его о помощи. Уж не знаю, какой он ей подал знак, но она поняла, что надлежит делать, и спокойно положила свою руку поверх протянутой руки Дьютифула. Думаю, у него возникло ощущение, будто ему на запястье опустилась бабочка, когда они поднимались по ступеням. Пиоттр, тяжело ступая, следовал за ними и сразу же занял место за креслом нарчески. После того как все уселись, потребовалось личное приглашение королевы, чтобы он тоже сел.

Затем в зал начали входить правители Шести Герцогств, каждый медленно шел по проходу и занимал отведенное для него место. Первой появилась герцогиня Бернса со своим консортом. Леди Фейт из Бернса стала настоящей герцогиней. Я еще помнил стройную девушку с окровавленным мечом в руке, которая безуспешно пыталась защитить своего отца от солдат с красных кораблей. Она по-прежнему предпочитала короткие простые прически. Мужчина, шедший с ней рядом, был выше ее, с серыми глазами и уверенной походкой воина. Узы, которые их связывали, показались мне очень прочными, и я порадовался, что она наконец нашла свое счастье.

За ней шел герцог Келвар из Риппона, сторбленный от прожитых лет, одной рукой он опирался на деревянный посох, другой на плечо жены. Леди Грейс превратилась в пухленькую женщину средних лет. Ее рука, лежащая на руке мужа, поддерживала его не только в прямом, физическом смысле. Я обратил внимание на простое платье и украшения, словно она наконец почувствовала себя уверенно в качестве герцогини Риппона. Леди Грейс спокойно шла рядом со своим старым мужем, по-прежнему верная человеку, который забрал ее из крестьянского дома и сделал женой.

Герцог Шемши из Шокса некоторое время назад овдовел и потому шел один. В последний раз, когда я его видел, он стоял вместе с герцогом Браунди из Бернса перед моей камерой в подземелье Регала. Он не проклинал меня, но и не бросил мне плащ, чтобы я мог согреться, как это сделал Браунди. Похоже, взгляд его остался по-орлиному цепким, и лишь чуть сторбленные плечи говорили о прошедших годах. Он поручил войну с Калсидой дочери и наследнику, а сам решил принять участие в празднике по случаю помолвки принца.

Следом за ним появился герцог Брайт из Фарроу. Он сильно изменился, повзрослел, с тех пор как Регал возложил на его хилые плечи защиту Оленьего замка. Теперь он стал похож на настоящего мужчину. Его жену я видел впервые. Миловидная стройная женщина, которая, поднимаясь на помост, ласково улыбалась другим гостям, как мне показалось, была вдвое моложе своего сорокалетнего супруга.

Наконец вошли герцог и герцогиня Тилта. Я не знал ни того ни другую. Три года назад по Тилту прокатилась кровавая лихорадка со смертоносным кашлем, унеся жизнь не только герцога, но и его старших сыновей. Я порылся в памяти в поисках имени дочери, унаследовавшей титул. В следующее мгновение менестрель объявил: «Герцогиня Флариш из Тилта и ее консорт, герцог Джауэр». Она страшно нервничала и от этого казалась еще моложе, а рука мужа не столько успокаивала, сколько удерживала ее на ногах.

Помост, отведенный для почетных гостей с Внешних островов и воинов, сопровождавших нарческу, ждал своего часа. И они появились. Казалось, понятие торжественного шествия им незнакомо, потому что они вошли гурьбой, быстро миновали проход и, обмениваясь какими-то комментариями и усмешками, расселись в креслах по собственному усмотрению. Аркон Бладблейд наградил их всех победоносной улыбкой. Нарческа, казалось, разрывалась между верностью своему народу и смущением оттого, что его представители не захотели последовать нашим традициям.

Пиоттр смотрел поверх голов, как будто ему не было до них никакого дела. Только когда они расселись, я сообразил, что это люди Аркона, а не Пиоттра. У каждого имелось какое-нибудь украшение, изображавшее кабана с огромными клыками. У Аркона оно красовалось в

виде громадной золотой броши на груди. У одной из женщин татуировка украшала тыльную сторону ладони, у ее соседа на поясе висела вырезанная из кости фигурка.

Ни у нарчески, ни у Пиоттра я не заметил этого мотива. Зато вспомнил, что видел нарвала в прыжке, вышитого на платье Эллианы, когда она впервые предстала перед моими глазами – точнее, глазом. Я снова обратил внимание на булавку, которая удерживала плащ у нее на плече, а бросив мимолетный взгляд на Пиоттра, рассмотрел пряжку в форме нарвала на его ремне. Немного подумав, я пришел к выводу, что стилизованная татуировка у него на лице изображает рог нарвала. Итак, получается, что к нам прибыли два клана и оба предлагают нам нарческу? Я решил, что это стоит выяснить.

Те, кому места были отведены в конце высокого помоста, вошли в зал с меньшей помпой. Среди них я заметил Чейда и Лорел, Охотницу королевы. Она была в алом платье, и я порадовался, что ей отведено столь почетное место. Я не узнал остальных, если не считать последней пары, появившейся в зале.

Не вызвало ни малейших сомнений, что Старлинг совершенно сознательно все рассчитала. Она выглядела просто великолепно в зеленом платье, которое по цвету напоминало горлышко пересмешника. Кружевные перчатки указывали на то, что сегодня она гостя королевы, а не менестрель. Она держала под руку симпатичного молодого мужчину, крепко сбитого, сильного. По тому, как сияло его открытое лицо и как он вел свою жену, было видно, что он ужасно ею гордится. Он демонстрировал ее всем, точно охотник – великолепного сокола. Глядя на молодого человека, которого я, сам того не зная, обманывал, мне стало стыдно за себя и Старлинг.

Она улыбалась, а когда они проходили мимо меня, со значением посмотрела мне в глаза. Я отвел взгляд и отвернулся, словно мы с ней никогда не были знакомы. Мне даже имени его знать не хотелось, но мои предательские уши сообщили, что его зовут лорд Фишер.

Когда Старлинг и ее муж заняли свои места, все остальные начали устраиваться за столом. Я взял скамеечку и подушку и помог лорду Голдену доковылять до отведенного для него места. Следует отметить, что место ему досталось вполне приличное, особенно если вспомнить, что он совсем недавно прибыл ко двору и вдобавок был иностранцем. Я подозревал, что он сам решил, где будет сидеть – между двумя пожилыми парами. Юным красоткам пришлось его оставить, но они обещали вернуться и побыть с ним во время танцев. Лорд Лалвик, уходя, в очередной раз задел меня задом, мимолетно улыбнулся и приподнял одну бровь. Я наконец понял, что означали его маневры, и наградил сердитым взглядом. Лорд Голден насмешливо фыркнул у меня за спиной.

Пока гости рассаживались за столами, в зале появились слуги и разговоры стали громче и оживленнее. Лорд Голден мило беседовал со своими соседями, а я стоял у него за спиной и наблюдал за собравшимися. Когда я посмотрел на высокий помост, принц Дьютифул встретился со мной глазами, и я увидел в них благодарность. Я быстро отвернулся, он тут же чуть поднял голову и сделал вид, что смотрит мне за спину. Магическая связь между нами звенела, точно натянутая струна, – я чувствовал его волнение и признательность. И мне стало страшно и одновременно грустно от того, как сильно ему требовалось мое присутствие на церемонии.

Я решил, что подобные мысли не должны отвлекать меня от моих обязанностей. Я нашел Сивила Брезингу, он сидел за столом, отведенным для мелких аристократов, рядом с правителями Бакка и Фарроу. Его невесты Сайдел среди приглашенных дам я не заметил, – возможно, они разорвали помолвку. Лорд Голден совершенно возмутительно флиртовал с этой девушкой, когда мы гостили в Гейлтоне, особняке леди Брезинги. А когда выяснилось, что он интересуется еще и Сивилом, молодой человек его возненавидел. Впрочем, юному Брезинге не суждено было узнать, что все это мы подстроили специально.

Я заметил, что по меньшей мере два человека за его столом хорошо знают Сивила Брезингу, и решил позже выяснить, кто они такие. В зале, где собралось столько людей, мой Дар

был совершенно бесполезен, я не мог определить, кто из присутствующих наделен им, а кто нет. Сегодня Одаренные могли не беспокоиться за свою жизнь.

Мне никто не сказал, что на церемонии помолвки будет присутствовать леди Пейшенс. Когда я увидел ее за одним из высоких столов, сердце у меня в груди на мгновение сжалось. Вдова моего отца о чем-то оживленно беседовала с молодым человеком, сидевшим рядом с ней. По крайней мере, она говорила, а он на нее смотрел, слегка приоткрыв рот и выпучив глаза. Меня это несколько не удивило, я и сам никогда не мог уследить за безумным потоком ее замечаний, вопросов и умозаключений. Я быстро отвел глаза – из нелепого опасения, что взгляд может привлечь ее внимание и выдать меня, но еще несколько минут время от времени поглядывал в их сторону.

На сегодняшнее торжество леди Пейшенс надела рубины, которые ей когда-то подарил мой отец, те самые, что она продала, чтобы облегчить страдания жителей Бакка. Она украсила свои седеющие волосы венком из живых цветов – традиция столь же устаревшая, как и ее платье, но эксцентричность леди Пейшенс была мила моему сердцу и вызвала теплые воспоминания. Мне вдруг ужасно захотелось подойти к ней, опуститься на колени около кресла и поблагодарить за все, что она для меня сделала не только при моей жизни, но и когда считала умершим. В каком-то смысле это было эгоистичное желание, и я заставил себя отвернуться. И тут меня ждало второе потрясение за один вечер.

Фрейлины и горничные Кетриккен сидели отдельно, рядом с высоким столом королевы. Таким способом она показывала, что титулы для нее не имеют никакого значения. Кое-кого из ее дам я узнал: леди Хоуп и леди Модести были компаньонками Кетриккен, когда я жил в замке. Я порадовался тому, что они так и остались рядом с ней. Мне удалось вспомнить имя еще одной дамы – леди Вайтхарт. Остальные показались мне совсем молодыми: видимо, когда я служил моей королеве, они были еще детьми. Но одна из них вызвала у меня какие-то смутные воспоминания, и я подумал, что, возможно, знал ее мать. А потом она повернулась и кивнула кому-то. Этот особенный, только ей присущий кивок я узнал – то была Розмари.

Пухленькая девочка превратилась в пышную женщину. Когда я ее знал, Розмари была маленькой горничной Кетриккен, вечно ходила за ней по пятам, всегда была рядом – тихий, ласковый ребенок. Она частенько засыпала у ног Кетриккен, когда мы с ней о чем-нибудь разговаривали. То есть нам тогда так казалось. На самом же деле Розмари шпионила за Кетриккен по поручению Регала. Она не только докладывала ему обо всем, что происходило в покоях королевы, но и помогла ему устроить покушение на ее жизнь. Мне ни разу не удалось поймать Розмари на месте преступления, но в конце концов мы с Чейдом решили, что именно ее Регал подослал к Кетриккен. Чейд знал. Кетриккен знала. Как могло получиться, что она все еще жива, смеется, сидит за столом неподалеку от королевы, вот подняла свой бокал, чтобы выпить за Кетриккен? Я отвел глаза и попытался укротить ярость, вспыхнувшую в моей груди.

Некоторое время я смотрел себе под ноги, стараясь успокоиться и дышать ровно, прогоняя краску гнева, залившую мои щеки.

Что-то не так?

Словно упавшая на дорогу монета, у меня в мозгу мелькнула мысль. Я поднял глаза и увидел, что принц Дьютифул с беспокойством смотрит на меня. Я пожал плечами, затем поправил воротник, как будто он оказался слишком тугим и мешал мне дышать. Я не стал отвечать принцу Силой. Меня обеспокоило, что он сумел добраться до меня, миновав мои защитные стены. А еще больше мне не понравилось, что он при помощи Дара отправил мне мысль, сформированную Силой. Я не хотел, чтобы он пользовался Даром и тем более смешивал оба вида магии, – так у него могут сложиться привычки, с которыми потом будет невозможно расстаться. Я немного подождал, затем встретил его обеспокоенный взгляд, едва заметно улыбнулся и быстро отвернулся. Принц неохотно последовал моему примеру. В мои планы не вхо-

дило, чтобы кто-нибудь заметил, как мы переглядываемся, и начал спрашивать себя, почему принц Дьютифул обменивается многозначительными взглядами с простым слугой.

Ужин был великолепным и очень долгим, однако я обратил внимание, что ни Дьютифул, ни Эллиана почти не притронулись к еде. А вот Аркон Бладблейд пил и ел за троих. Наблюдая за ним, я решил, что он сильный человек, неглупый, но не дипломат и не политик, устроивший этот брак. Он откровенно демонстрировал, что ему нравится Кетриккен, – наверное, по обычаям Внешних островов, это должно было ей польстить. Поглядывая на высокий стол, я видел, что королева держится с ним неизменно вежливо, но предпочитает разговаривать с нарческой.

Девушка отвечала ей коротко, но с приятной улыбкой. Она вела себя скорее сдержанно, чем холодно. И вскоре я заметил, что дядюшка Пиоттр начал понемногу оттаивать – возможно, против собственной воли. Наверняка Чейд объяснил королеве, что с нашей стороны будет разумно как можно больше внимания уделить нарческе и брату ее матери. И очевидно, Пиоттр это почувствовал: теперь всякий раз он добавлял собственные комментарии к словам Эллианы, и вскоре они с Кетриккен вступили в оживленную беседу.

В глазах Кетриккен появилось восхищение, и она с искренним интересом слушала Пиоттра. У меня сложилось впечатление, что Эллиана с облегчением позволила себе немного расслабиться. Она даже начала есть, время от времени кивая, чтобы поддержать разговор.

Дьютифул, в силу своего прекрасного воспитания, решил, что должен занять беседой Аркона Бладблейда. Казалось, мальчик обладает поразительной способностью задавать болтливому Бладблейду вопросы, которые требовали длинных, подробных ответов. Я решил, что тот рассказывает Дьютифулу о своих охотничьих и военных подвигах. Юный принц сидел с исключительно заинтересованным видом, кивал и смеялся в нужных местах.

Чейд встретился со мной глазами всего один раз, я показал ему на Розмари и нахмурился. Но когда я снова взглянул в его сторону, чтобы посмотреть, как он отреагировал, я обнаружил, что он уже вернулся к беседе с дамой, сидевшей слева от него. Я выругался про себя, но знал, что позже он мне все объяснит.

По мере того как ужин близился к концу, я почувствовал, как нарастает напряжение Дьютифула, который частенько не к месту улыбался. Когда королева махнула рукой менестрелю и тот призвал гостей к тишине, я увидел, что Дьютифул на мгновение закрыл глаза, словно готовился к трудному испытанию. Я перевел взгляд на Эллиану – девушка облизнула губы, а потом сжала зубы, скорее всего, чтобы унять дрожь. Мне показалось, что Пиоттр взял ее за руку под столом. В конце концов она вздохнула и выпрямилась в своем кресле.

Церемония была совсем простой. Меня гораздо больше интересовали лица тех, кто на ней присутствовал. Все подошли к высокому помосту, и Кетриккен встала рядом с Дьютифулом, а Аркон со своей дочерью. Пиоттр, не дожидаясь приглашения, замер у нее за спиной. Когда Аркон вложил руку Эллианы в руку королевы, я заметил, что герцогиня Фейт из Бернса прищурилась и поджала губы. Наверное, в Бернсе еще не забыли, как сильно они пострадали от нашествия красных кораблей. Герцог же и герцогиня Тилта обменялись взглядами и улыбнулись друг другу – видимо, вспомнили собственную помолвку. На лице юного Сивила Брезинги мелькнула зависть, но он тут же отвернулся от помоста, как будто был не в силах выносить это зрелище. Я не заметил злобы в глазах тех, кто смотрел на будущих супругов, хотя кое у кого явно имелись собственные соображения по поводу будущего союза.

Руки Дьютифула и Эллианы еще не были соединены – рука Эллианы лежала в руке Кетриккен, а Дьютифул и Аркон держали друг друга за запястья в древнем жесте воинского приветствия. Аркон расхохотался, увидев свою лапищу на тонком запястье юноши, и тот весело улыбнулся в ответ и даже приподнял ее повыше, чтобы показать всем. Островитяне, видимо, решили, что это проявление характера молодого человека, и принялись колотить кулаками по столу. Едва заметная улыбка тронула уголки губ Пиоттра. Может быть, потому что браслет,

который Аркон надел Дьютифулу, украшало изображение кабана, а не нарвала? А если принц связывает себя клятвой с кланом, не имеющим никаких прав на нарческу?

Затем произошел инцидент, нарушивший гладкое течение церемонии. Аркон схватил запястье принца и повернул руку Дьютифула ладонью вверх. Юноша стерпел, но я знал, что он смущен. Аркон, похоже, ничего не заметил и громко спросил собравшихся:

– Давайте смешаем их кровь в знак того, что она будет течь в жилах их детей!

Я видел, как вздрогнула нарческа, но не пошевелилась, не сделала шаг назад, чтобы оказаться под защитой дяди. Как раз наоборот, Пиоттр выступил вперед и, как будто имел на нее все права, положил девушке руку на плечо.

– Сейчас не время и не место, Бладблейд, – совершенно спокойно возразил он. – Кровь мужчины должна обагрить камни очага в доме ее матери, чтобы союз считался заключенным. Но если тебе так хочется, ты можешь пролить свою кровь на очаг матери принца.

Я решил, что в его словах был скрытый вызов, указывающий на какую-то традицию, о которой мы в Шести Герцогствах не имели ни малейшего представления. Потому что не успела Кетриккен сказать, что в этом нет необходимости, как Аркон вырвал руку, закатал рукав, а затем, вытащив кинжал, провел кончиком по внутренней поверхности предплечья. В ране выступила густая кровь, тогда Аркон сжал ее края и сильно потрянул рукой. Кетриккен проявила мудрость и стояла неподвижно, позволив варвару оказать честь ее дому тем способом, который он считает уместным.

Аркон продемонстрировал руку собравшимся, а потом под испуганный шепот гостей подставил ладонь под стекающую из раны кровь, собрал ее и швырнул, словно благословляя нас всех, в зал.

Раздались крики, когда алые капли попали на лица и одежду изумленных аристократов. Но мгновение спустя в зале воцарилась тишина – Аркон Бладблейд начал спускаться с помоста. Он подошел к самому большому камину, снова собрал в ладонь кровь и широким жестом вылил ее в огонь. Потом наклонился, вытер ладонь о камни и выпрямился, позволив закатанному рукаву развернуться и прикрыть рану. После чего Аркон повернулся к гостям и поднял руки, словно ожидая признания. Представители Внешних островов принялись колотить кулаками по столу и вопить от восторга. Через некоторое время к ним присоединились аплодисменты и приветственные крики жителей Шести Герцогств. Даже Пиоттр Блэкуотер ухмыльнулся, а когда Аркон встал рядом с ним на помосте, они на глазах у всех схватили друг друга за запястья.

Наблюдая за ними, я догадался, что их связывают гораздо более сложные отношения, чем мне представлялось вначале. Аркон был отцом Эллианы, однако я сомневался, что для Пиоттра это имело значение. Но когда они стояли рядом на помосте, как два воина, я почувствовал, что их объединяет чувство товарищества, присущее тем, кто не раз сражался бок о бок. Значит, дядя Эллианы уважает Бладблейда, хотя и считает, что тот не имел права предлагать дочь Шести Герцогствам, чтобы закрепить с ними соглашение о мире и торговле.

Я снова вернулся к главной загадке, которая меня беспокоила. Почему Пиоттр позволил, чтобы это произошло? Почему согласилась Эллиана? Если они выигрывают от союза с Шестью Герцогствами, почему его инициаторами не выступили представители дома ее матери?

Вспомнив уроки Чейда, я принялся разглядывать девушку. Поведение отца вызвало у нее восхищение, она ему улыбнулась, явно гордясь храбростью, которую он продемонстрировал аристократам Шести Герцогств. Эллиана до определенной степени получала удовольствие от происходящего – яркие наряды, сама церемония, музыка, взгляды, обращенные на нее. Ей нравилось быть в центре всеобщего внимания, но все же она хотела впоследствии вернуться к тому, что хорошо знала и считала безопасным, прожить свою жизнь так, как собиралась ее прожить, в доме своей матери и на ее земле.

Я спросил себя, как может Дьютифул этим воспользоваться, чтобы завоевать ее симпатию. Подумал ли кто-нибудь о том, что ему следует предстать с подарками перед ее матерью, чтобы выказать ей свое уважение? Возможно, Эллиана станет лучше к нему относиться, если ее родственники по матери увидят, как Дьютифул за ней ухаживает. Девушки любят подобные вещи. Я решил поговорить об этом с Дьютифулом. Впрочем, я не был уверен в том, что прав или что мои советы будут ему полезны.

Пока я все это обдумывал, королева Кетриккен кивнула менестрелю и тот подал знак музыкантам приготовиться. Королева улыбнулась и что-то сказала тем, кто сидел на высоком помосте. Все расселись по местам, заиграла музыка, и принц предложил руку Эллиане.

Я жалел их обоих: такие юные, они оказались выставленными напоказ перед толпой, достояние двух народов, соединенное ради заключения союза. Рука нарчески трепетала над запястьем принца, когда он вел ее вниз по ступеням на усыпанную песком танцевальную площадку. Легкое дуновение Силы сообщило мне, что тугой воротник натер ему шею, но Дьютифул, продолжая спокойно улыбаться, изящно поклонился своей партнерше.

Принц протянул к Эллиане руки, она сделала небольшой шаг вперед и оказалась перед ним ровно на таком расстоянии, чтобы он смог коснуться кончиками пальцев ее талии. Она не положила руки ему на плечи, как у нас принято, а взялась за юбки, словно хотела показать всем, какие они красивые, а заодно и свои изящные ножки. Потом молодую пару подхватила музыка, и принц с нарческой стали танцевать – безупречно, точно две куклы, управляемые искусным мастером. Они были восхитительно юными и грациозными и выглядели великолепной парой.

Я наблюдал за теми, кто на них смотрел, и с удивлением увидел, что на лицах отражаются самые разнообразные чувства. Чейд сиял от удовольствия. Кетриккен же была смущена и взволнована, и я понял: она втайне надеется, что Дьютифул найдет в своей будущей жене понимание и любовь, а Шести Герцогствам их союз принесет мир и процветание. Аркон Бладблейд скрестил на груди руки и поглядывал на юную пару так, словно они являлись доказательством его силы. Пиоттр, как и я, изучал гостей, ни на секунду не забывая, что он является телохранителем нарчески. Он не хмурился, но и не улыбался, и на короткую долю секунды наши глаза встретились. Я не осмелился отвернуться, лишь сделал вид, что с тупым выражением смотрю мимо него, как будто на самом деле не вижу вовсе. Он перевел глаза на Эллиану, и по его губам мелькнула тень улыбки.

Я проследил за его взглядом и на мгновение позволил себе насладиться прекрасным зрелищем. Принц и нарческа кружились под музыку, их ноги и развевающиеся юбки нарчески вычерчивали причудливые узоры в песке на полу. Высокому Дьютифулу было гораздо легче смотреть на Эллиану, ей же приходилось запрокидывать голову, чтобы глядеть на него, при этом выполняя сложные па и улыбаясь. Принц держался так, будто его вытянутые руки охраняют полет хрупкой бабочки, и Эллиана словно парила перед ним.

Я удовлетворенно вздохнул и, казалось, понял, чему улыбнулся Пиоттр. Юный принц не пытался прижать девушку к себе, он предоставил ей свободу танцевать так, как она пожелает. Он не предъявлял никаких прав и не ограничивал ее, как раз наоборот – давал всем, кто на них смотрел, возможность полюбоваться ее грацией и изяществом. Мне стало интересно, где Дьютифул этому научился. Неужели Чейд посоветовал, как следует себя вести, или юному наследнику помогает врожденный инстинкт Видящих? Но потом я решил, что в любом случае это не важно. Главное, Пиоттр остался им доволен.

Первый танец принц и нарческа танцевали в полном одиночестве. Затем к ним присоединились другие пары, герцоги и герцогини Шести Герцогств и наши гости с Внешних островов. Я заметил, что Пиоттр сдержал свое слово и увел нарческу у принца на второй танец. Дьютифул остался стоять один, но держался спокойно и уверенно. К нему подошел Чейд, но тайного советника королевы вскоре подхватила под руку девушка лет двадцати.

Аркон Бладблейд имел наглость предложить руку королеве Кетриikken, и я успел заметить удивленное выражение, промелькнувшее у нее на лице. Она бы с радостью отказала ему, но решила, что это будет не в интересах Шести Герцогств, и спустилась вместе с ним на площадку. Бладблейд не отличался тонкостью и воспитанием принца и нахально схватил королеву за талию, ей даже пришлось положить руки ему на плечи, чтобы удержаться на ногах, так резво Бладблейд принялся отплясывать. Кетриikken грациозно следовала за своим партнером и улыбалась, но вряд ли получала удовольствие от происходящего.

Третий танец был более медленным, и я с удовлетворением заметил, что Чейд оставил свою молоденькую партнершу, которая очень мило надула губки, и пригласил леди Пейшенс. Та погрозила ему веером и отказалась бы, но старый лис не отставал, и я прекрасно понимал, что она в глубине души рада его вниманию. За прошедшие годы ничего не изменилось, леди Пейшенс по-прежнему не всегда попадала в такт музыке, но Чейд уверенно вел ее за собой, и я получил истинное удовольствие, глядя на них.

Пиоттр вызволил королеву из объятий Бладблейда, и тот пригласил на танец дочь. Мне показалось, что Кетриikken чувствует себя гораздо увереннее и спокойнее рядом со старым воином, чем с Арконом Бладблейдом. Они о чем-то разговаривали, и я видел, что в ее глазах зажегся искренний интерес. Дьютифул на мгновение взглянул на меня, и я понял, что ему страшно неловко стоять посреди площадки в полном одиночестве, в то время как его невеста танцует со своим отцом. Впрочем, похоже, Бладблейд это понял и подвел к нему Эллиану, когда начался четвертый танец.

Так продолжалось некоторое время. По большей части аристократы с Внешних островов танцевали только со своими соплеменниками, хотя одна молодая женщина осмелилась подойти к лорду Шемши. К моему изумлению, старик был явно польщен ее вниманием и станцевал с ней целых три танца. Когда парные танцы подошли к концу, начались общие, и высокие аристократы заняли свои места, отдав площадку в распоряжение представителей менее родовитой знати. Я молча стоял и наблюдал.

Пару раз мой господин отправлял меня с поручениями в разные части огромного зала – как правило, чтобы поприветствовать какую-нибудь красотку и передать его искреннее сожаление по поводу того, что он не может пригласить ее на танец из-за жестокой травмы. Некоторые из них подходили к нему и всячески изображали сочувствие. Сивил Брезинга ни разу не вышел на танцевальную площадку. А вот леди Розмари танцевала, один раз даже с Чейдом. Я заметил, что они о чем-то разговаривают, она смотрела на него и хитро улыбалась, в то время как его черты сохраняли вежливую серьезность. Леди Пейшенс, как я и предполагал, рано покинула праздник. Она никогда не любила пышные балы и придворное общество. Принц Дьютифул должен был чувствовать себя польщенным, что она вообще прибыла на его помолвку.

Музыка, танцы, застолье, закуски и вино, которое лилось рекой, продолжались почти всю ночь. Я несколько раз безуспешно попытался подобраться к тарелке или бокалу Сивила Брезинги. Близился рассвет, у меня отчаянно болели ноги, и я с тоской думал о встрече с принцем Дьютифулом, которую назначил на утро. Я сомневался, что он придет, но сам должен был быть на месте – на случай, если он все-таки выполнит обещание. О чем я думал? Мне следовало отложить наши занятия на несколько дней и съездить в свою хижину, чтобы навести там порядок.

Казалось, лорд Голден не знает, что такое усталость. Когда столы сдвинули в сторону, чтобы увеличить танцевальную площадку, он нашел себе уютное местечко около камина и переместился туда вместе с теми, кто его окружал. Многие из них пришли, чтобы его поприветствовать, и так и остались, привлеченные интересной беседой. А я в очередной раз убедился, что лорд Голден и Шут – это два разных человека. Лорд Голден отличался остроумием и обаянием, но в его речах ни разу не появилось даже намека на колкости Шута.

Кроме того, он держался как истинный джамелиец, житель большого города, который иногда позволяет себе весьма недвусмысленную критику в адрес «нравов Шести Герцогств» в вопросах морали и традиций. Он обсуждал наряды и украшения с теми, кто стоял рядом с ним, так что остальные оказывались безжалостно изгнанными из разговора, открыто флиртовал с женщинами, замужними и нет, много пил, а когда ему предложили Дым, величественно отказался, заявив, что употребляет только листья самого высшего качества, иначе наутро его тошнит. «Думаю, пребывание при дворе сатрапа избаловало меня», – заявил он. Лорд Голден рассуждал о далекой Джамелии так, что даже мне стало ясно: он не просто там жил, но и принимал самое активное участие в интригах двора.

К середине вечера начали появляться курильницы с Дымом, столь популярным при дворе во времена Регала. Сейчас в моду вошли подвешенные на толстых цепях маленькие металлические клетки с крошечными горшочками, в которых горели листья. Кое-кто из молодых лордов и даже дам имел собственные сосуды, прикрепленные к запястьям. Тут и там я заметил верных слуг, стоявших рядом со своими господами и окуривавших их Дымом.

Я плохо переносил Дым, а кроме того, в моем сознании он навсегда остался связан с Регалом, что делало его еще более отвратительным. Однако я заметил, что даже королева позволила себе немного расслабиться и вдохнуть Дыма. Впрочем, я знал, что он известен в горах, откуда она родом, хотя там жгут другую траву. Другое растение, то же название, тот же эффект, туманно подумал я. Королева вернулась на высокий помост, и я даже сквозь дымку видел, как сияют ее глаза. Она разговаривала с Пиоттром, он улыбался и что-то ей отвечал, но ни разу так и не отвел глаз от Дьютифула и Эллианы. Аркон Бладблейд присоединился к танцующим и уже успел поменять несколько партнерш. Он сбросил плащ и расстегнул сорочку. Аркон явно любил танцевать, хотя и не всегда попадал в такт музыке, в особенности после такого количества выпитого, да и Дым делал свое дело.

Думаю, лорд Голден сжалился надо мной, когда объявил, что боль в ноге стала невыносимой и он, к сожалению, должен покинуть приятное общество. Его умоляли остаться, и он на мгновение задумался, но потом решил, что все-таки должен уйти к себе. Впрочем, на прощание потребовалось довольно много времени, а когда я наконец взял его скамеечку и подушку и мы направились к двери, нас еще раз четыре остановили, чтобы пожелать лорду Голдену спокойной ночи. К тому моменту, когда мы поднялись по лестнице и вошли в наши апартаменты, я имел ясное представление о том, насколько он популярен при дворе.

Закрыв за нами дверь на засов, я подбросил в почти потухший камин дров, налил себе вина и без сил опустился на стул, стоящий около камина, а он уселся на пол, чтобы разбинтовать ногу.

– Слишком туго затянул! Посмотри на мою бедную ногу, какая она синяя и холодная!

– Так тебе и надо, – заявил я без малейшей тени сочувствия.

От моей одежды несло Дымом, и я выдохнул через нос, стараясь хотя бы немного очистить от мерзкого запаха легкие. Я посмотрел на сидящего на полу Шута, который тер пальцы на ноге, и понял, что страшно рад его возвращению.

– Слушай, а откуда взялся «лорд Голден»? Мне еще ни разу не доводилось встречать такого сплетника и болтуна. Если бы я познакомился с тобой сегодня, ты вызвал бы у меня презрение, и ничего больше. Ты напомнил мне о Регале.

– Правда? Ну, еще одно подтверждение моей правоты. Я считаю, что мы должны учиться у всякого, с кем нас сводит жизнь.

Он широко зевнул, затем наклонился вперед и прикоснулся лбом к коленям, но тут же откинулся назад так сильно, что его волосы разметались по полу. Без всякого видимого усилия он снова сел, протянул мне руку, и я помог ему подняться на ноги. Шут тут же плюхнулся на стул рядом со мной.

– Если ты хочешь, чтобы другие стали высказывать при тебе свои самые сокровенные и мерзкие мысли, нужно и самому немного побыть мерзким.

– Наверное. Только зачем им это?

Шут потянулся ко мне и взял из рук бокал.

– Наглец. Украл вино своего господина. Пойди возьми себе стакан.

Когда я встал, он ответил на мой вопрос:

– Поощряя их, я очень многое узнаю. Кто ждет ребенка от какого-нибудь лорда. У кого образовались серьезные долги. Кто кому изменяет и с кем. Кто наделен Даром или связан с теми, кто им обладает.

Я чудом не пролил вино.

– И что тебе удалось узнать?

– Все так, как мы и ожидали, – словно стараясь меня утешить, ответил он. – Про принца и его мать никто ничего не говорит. Никаких сплетен про тебя. Прошел интересный слух о том, что Сивил Брезинга разорвал помолвку с Сайдел Грейлинг, поскольку кто-то из членов ее семьи якобы Одаренный. На прошлой неделе изгнаны из Баккипа серебряных дел мастер, наделенный Даром, его шестеро детей и жена. Леди Эзомаль страшно этим недовольна, потому что она заказала у него два кольца.

Да, и еще: леди Пейшенс держит в своем поместье Одаренных птичниц, и ей плевать на то, что об этом всем известно. Кто-то обвинил их в том, что они заколдовали охотничьих соколов, а леди Пейшенс заявила, что Дар на такое неспособен. А потом она пригрозила жалобщику, что, если он не перестанет напускать своих соколов на черепях, живущих у нее в саду, она прикажет выпороть его на конюшне и ее совершенно не интересует, чей он кузен.

– Да, Пейшенс, как всегда, разумна и рассудительна, – заметил я с улыбкой, и Шут кивнул. Потом я покачал головой и сказал: – Если ненависть к Одаренным будет продолжать разгораться, Пейшенс окажется в серьезной опасности. Иногда я жалею, что она столь отважна и часто забывает об осторожности.

– Ты ведь по ней скучаешь, правда? – мягко спросил Шут.

– Да, скучаю, – тяжело вздохнув, ответил я.

Даже от этих слов у меня сжалось сердце. Я не просто по ней скучал. Я ее бросил. Сегодня я ее видел – одинокую стареющую женщину, окруженную только верными служанками.

– Но ты не допускаешь возможности дать ей знать, что тебе удалось спастись и ты остался жив?

Я покачал головой.

– Как раз по тем самым причинам, о которых я только что сказал. Пейшенс не знает, что такое осторожность. Она не только объявит эту грандиозную новость во всеуслышание, но и пообещает выпороть на конюшне всякого, кто не будет радоваться вместе с ней. Разумеется, после того, как сначала строго отчитает меня за неслыханное поведение.

– Разумеется.

Мы оба печально улыбались, как люди, которые на миг позволили сердцу помечтать о том, чего боится разум. В камине горел огонь, и его языки лизали свежее полено. За закрытыми ставнями завывал ветер, возвещавший о приближении зимы. Я вдруг подумал, что совсем к ней не подготовился – оставил в саду свой урожай и не позаботился, чтобы мой пони не голодал холодными зимними днями. Впрочем, это были дела другого человека в другой жизни. Я знал, что здесь, в Оленьем замке, мне не нужно бояться зимы. Я должен был бы чувствовать себя спокойно и уверенно, а мне все казалось, будто меня лишили чего-то очень ценного и важного.

– Как ты думаешь, принц придет на рассвете в башню Верити?

Глаза Шута были закрыты, но он повернул голову в мою сторону.

– Понятия не имею. Он все еще танцевал, когда мы ушли.

– Наверное, мне нужно туда пойти – на случай, если он все-таки придет. Я уже жалею, что предложил это. Лучше бы я отправился в свою хижину и навел там порядок.

Он издал нечто среднее между вздохом и согласием, потом подтянул ноги и устроился в кресле, как ребенок. Колени оказались рядом с подбородком.

– Я иду спать, – заявил я. – И тебе советую.

Он издал еще один неопределенный звук, и я застонал. А потом отправился в свою каморку, снял покрывало с кровати, принес в комнату и закутал в него Шута.

– Спокойной ночи, Шут.

Он тяжело вздохнул в ответ и подтянул покрывало.

Я задул все свечи, кроме той, что взял в свою комнату. Поставив ее на маленький сундук, я со стоном сел на жесткую кровать. Спина отчаянно болела там, где был старый шрам, я не мог долго стоять неподвижно, а вот ездить верхом и работать было значительно легче. В маленькой комнате оказалось душно и одновременно холодно, неподвижный воздух пропитали запахи, собиравшиеся здесь в течение последних лет ста. Мне совсем не хотелось ложиться тут спать, и я подумал, а не подняться ли по лестнице, чтобы отдохнуть на широкой и мягкой постели Чейда. Только вот для этого требовалось преодолеть ужасно много ступенек.

Я стянул роскошное одеяние и даже попытался аккуратно его сложить. Забравшись под тонкое одеяло, я дал себе слово попросить у Чейда денег, чтобы купить по крайней мере еще одно, которое не кусалось бы так ужасно. И проверить, как идут дела у Неда. А потом извиниться перед Джинной за то, что я не выполнил своего обещания и не пришел к ним сегодня вечером. Избавиться от своих записей, оставшихся в хижине. Объяснить моей Вороной, как она должна себя вести. И научить принца пользоваться Силой и Даром.

Я сделал глубокий вдох, выдохнул, заставив себя хотя бы на время забыть о своих заботах, и погрузился в сон.

Сумеречный Волк.

Зов прозвучал совсем слабо, словно легкий дым, принесенный ветром. Не мое имя. Имя, данное мне кем-то другим. Но это вовсе не значит, что я должен на него отзываться. Я решил не обращать внимания на призыв.

Сумеречный Волк.

Сумеречный Волк.

Сумеречный Волк.

Так Нед дергал меня за полу рубашки, когда был маленьким. Настойчиво и упрямо. Так комар жужжит тебе в ухо темной ночью, когда ужасно хочется спать.

Сумеречный Волк.

Сумеречный Волк.

Голос не собиравшись оставлять меня в покое.

Я сплю.

Неожиданно, как это бывает во сне, я понял, что сказал правду. Я спал, и мне снился сон. Сны – это ерунда, они не имеют никакого значения. Ведь так?

Я тоже. Только во сне я могу до тебя дотянуться. Разве ты этого не знаешь?

Мой ответ, казалось, сделал ее призыв громче. У меня возникло ощущение, будто она в меня вцепилась.

Нет, я не знал.

Я огляделся по сторонам, и мне показалось, будто я узнаю место, где оказался. Стояла весна, и ближайшие ко мне яблони были в цвету, я слышал, как жужжат пчелы, перелетая от цветка к цветку. Мои босые ноги щекотала мягкая зеленая трава, а легкий теплый ветерок играл волосами.

Я столько раз побывала в твоих снах и наблюдала за тем, что ты делаешь. Вот и решила, что могу пригласить тебя в один из своих. Тебе нравится?

Рядом со мной стояла женщина. Нет, не женщина, девушка. Кто-то. Я не знал наверняка. Я видел ее платье, и миниатюрные кожаные туфельки, и загорелые руки, но все остальное скрывал туман. Мне никак не удавалось разглядеть лицо. Что же до меня... Я смотрел на себя словно со стороны, но был совсем не похож на собственное изображение из зеркала. Высокий, с роскошными седыми волосами, которые ниспадали на спину и прикрывали лоб... Очень сильный, сильнее меня настоящего. Под ногтями черные полосы грязи, во рту острые зубы. Мне стало не по себе. Я почувствовал опасность, впрочем, она угрожала не мне. Почему же я не могу вспомнить, что мне угрожает?

Это не я. Это неправильно.

Она мягко рассмеялась.

Если ты не позволишь мне видеть тебя настоящего, тогда тебе придется стать таким, каким я тебя представляю. Сумеречный Волк, почему ты не приходишь? Я по тебе скучаю. Я почувствовала, что ты испытал сильную боль, но не знаю, в чем ее причина. Ты ранен? Или болен? Мне кажется, что тебя стало... ну, как будто меньше, чем раньше. Ты устал и постарел. Я скучала по тебе и твоим снам. И боялась, что ты умер, ведь ты больше ко мне не приходил. У меня ушла целая вечность, чтобы понять, что я могу с тобой связаться, а не ждать твоего появления.

Она болтала, точно ребенок, а я испытал очень реальный и холодный страх. Казалось, меня окутал туман, пробравшийся в мое сердце, а потом я увидел, что он со всех сторон окружил мой сон. Каким-то образом, сам не зная как, я его вызвал, сделал плотнее, превратив в защитную стену. Я попытался предупредить ее.

Это неправильно. И плохо. Отойди, держись подальше от меня.

Так нечестно, заплакала она, когда стена тумана надежно нас разделила. Теперь ее мысли долетали до меня словно издалека и были едва слышны. Посмотри, что ты натворил с моим сном! Мне с таким трудом удалось его создать, а ты все испортил. Куда ты уходишь? Ты самый настоящий грубиян!

Я разорвал с ней связь и понял, что могу проснуться. На самом деле я уже проснулся и, спустив ноги с кровати, провел рукой по торчащим в разные стороны коротким волосам. Я почти приготовился к обычной головной боли, но она, будто молния, промчалась по моему телу и безжалостно набросилась на мозг. Я делал глубокие вдохи, стараясь успокоиться и торжественно пообещав себе, что на сей раз меня не вырвет. Когда прошло немного времени, минута или полгода, я принялся упрямо и напряженно укреплять свои защитные стены. Неужели я проявил неосторожность? Неужели усталость и Дым их разрушили?

Или моя дочь настолько сильна, что может их обойти?

V Общие печали

Они были точно дождь из драгоценных камней;
Их крылья, покрытые чешуей, сияли, словно самоцветы.
Глаза метали молнии, крылья рассекали воздух.
Драконы пришли.
Они были такими ослепительно-яркими, что не остались в памяти.
Словно тысячи песен зазвучали одновременно.
Когти и челюсти рвут врага.
Король вернулся.

Старлинг Бердсонг, «Призыв Верити»

Моей щеки коснулся воздух, и я устало открыл глаза. Я задремал, несмотря на открытое окно и промозглое утро. Внизу, прямо передо мной, билось о берег море. Волны с белыми шапками перекатывались под серым небом. Я со стоном встал с кресла Верити и подошел к окну. Отсюда открывался поразительный вид – крутые скалы и лес, подступивший к самым стенам замка. В воздухе пахло грозой, ветер был пронзительно-холодным. Солнце уже поднималось над горизонтом, оставив далеко позади рассвет. Принц не пришел.

Я несколько не удивился. Дьютифул, скорее всего, еще крепко спит после вчерашнего праздника. Совершенно естественно, что он забыл о нашей встрече или, проснувшись, подумал, что ее можно отложить, и снова уснул. Однако я все равно испытал разочарование, и не только потому, что принц посчитал сон важнее наших уроков. Он сказал, что встретится со мной здесь, и не пришел. И не просто не пришел, а даже не сообщил, что не придет, и я зря потратил время и силы, отказавшись от столь необходимого мне отдыха.

Такое легкомыслие – не самый страшный грех для юноши его возраста, но то, что не страшно для обычного молодого человека, недопустимо для принца. Мне очень хотелось хорошенько его отчитать. Чейд или Баррич непременно именно так и сделали бы. Я грустно улыбнулся. По правде говоря, разве я в его возрасте был лучше? Баррич, утверждая, что я могу проспять все на свете, постоянно приходил к моей двери рано утром, чтобы я не пропустил своих боевых тренировок с топором. А теперь я и сам был бы не прочь разбудить принца громким стуком в дверь, да личина слуги не позволяла.

Так что мне пришлось удовлетвориться запиской, оставленной мною на пыльном маленьком столе, стоящем рядом с креслом. «Я пришел, а вас не было». Коротко и точно. Принц наверняка поймет, что это выговор. И никакого имени. Такое послание вполне мог оставить сердитый паж для какой-нибудь нерадивой горничной.

Я закрыл окно и вышел так же, как пришел сюда, – воспользовавшись декоративной панелью, украшавшей камин. Лаз был довольно узким, и мне пришлось потратить немало сил, чтобы закрыть его за собой. Моя свеча погасла, и я стал спускаться по длинной темной лестнице. Сквозь крохотные щели во внешней кладке стен, пропускавшие внутрь холодный ветер и серые тени дня, пробивался лишь тусклый свет.

Спустя какое-то время я вышел на ровную площадку, окутанную непроглядным мраком. Она показалась мне длиннее, чем я помнил, и я обрадовался, когда мне удалось нащупать ногой следующую ступеньку. В конце лестницы я двинулся не в ту сторону и, когда в третий

раз уткнулся носом в густую паутину, понял, что заблудился. Тогда я повернул назад и через некоторое время оказался в комнате Чейда, только на сей раз дверью мне послужил стеллаж с вином. Я вспотел, весь перепачкался и страшно разозлился.

Чейд, который сидел в своем любимом кресле у камина, вздрогнул от неожиданности и поставил на стол чашку с чаем.

– А вот и ты, Фитц Чивэл, – воскликнул он, и в этот самый миг на меня обрушилась волна Силы.

Ты меня не видишь, песья вонючка.

Я покачнулся, и мне пришлось ухватиться за край стола, чтобы удержаться на ногах. Не обращая внимания на Чейда, который хмуро меня разглядывал, я сосредоточился на Олухе. Дурачок-слуга с перепачканным сажей лицом стоял у рабочего очага. Из-за приступа головокружения мне показалось, будто его силуэт пляшет и извивается. Если бы ночью я не восстанавливал защитные стены, чтобы оградить себя от неловких попыток Неттл связаться со мной, думаю, ему бы удалось сделаться для меня невидимым. Я сжал зубы и сказал:

– Я тебя прекрасно вижу. И всегда буду видеть. Но это вовсе не значит, что я сделаю тебе больно, если, конечно, ты не станешь на меня нападать или вести себя невежливо.

Мне ужасно хотелось применить против него Дар, ударить в него могучей животной силой, но я сдержался. Силой я тоже пользоваться не стал, иначе мне пришлось бы убрать защитные стены и открыть ему, на что я способен. «Сохраняй спокойствие, – приказал я себе. – Ты должен победить себя, и тогда тебе удастся справиться с ним».

– Не нужно, Олух! Прекрати. Он хороший. И может здесь находиться. Это я сказал.

Чейд разговаривал с ним, словно с трехлетним ребенком. И я, хоть и понимал, что маленькие глазки, сверкавшие злобой на круглом лице, не светятся интеллектом, равным моему или любого другого нормального человека, вдруг почувствовал возмущение, которое Олух испытал, оттого что Чейд так себя с ним ведет.

Не отводя взгляда от Олуха, я сказал Чейду:

– С ним не нужно так разговаривать. Он не глуп. Он... – Я попытался отыскать подходящее слово, чтобы объяснить Чейду то, что вдруг почувствовал. – Он просто другой, – закончил я не слишком охотно.

Ну, например, как лошадь отличается от кошки, а животные не похожи на человека. Но он не хуже нас. Я почти чувствовал, как его разум устремляется в сторону, противоположную той, в которой работал мой, придавая значение вещам, казавшимся мне неважными. Точно так же, наверное, я не видел ничего особенного в чем-то, что он считал значительным.

Олух некоторое время хмуро разглядывал меня и Чейда, а затем взял метлу, ведро с пеплом и углями из очага и вышел из комнаты.

Когда он скрылся в одном из потайных ходов, я успел уловить его последнюю мысль:

Песья вонючка!..

– Я ему не нравлюсь. И он знает, что я Одаренный, – пожаловался я Чейду, усаживаясь на другой стул, а потом раздраженно добавил: – Принц Дьютифул не пришел на встречу со мной в башню Верити сегодня утром. А сказал, что придет.

Мне показалось, что старик не обратил ни малейшего внимания на мои слова.

– Королева хочет тебя видеть. Прямо сейчас.

Сегодня Чейд надел простой, но очень элегантный голубой костюм, однако на ногах у него были мягкие меховые тапочки. Наверное, после танцев болят ноги, подумал я.

– Зачем? – спросил я, вставая, чтобы последовать за ним.

Мы подошли к стеллажу для вина и открыли потайную дверь.

– Олух, кажется, несколько не удивился, увидев, как я сюда вошел, – заметил я.

Чейд пожал плечами.

– Вряд ли ему хватает ума удивляться подобным вещам. Думаю, он вообще не обратил на это внимания.

Я задумался над его словами и решил, что он, скорее всего, прав.

– А почему королева хочет меня видеть?

– Потому что она мне так сказала, – язвительно заметил Чейд.

Я больше не задавал вопросов, просто шел за ним и молчал. Я не сомневался, что у Чейда голова болит не меньше моего. Мне было известно, что он принял какое-то средство, чтобы справиться с похмельем, но еще я знал, насколько сложно такие средства составить. Иногда легче пережить страшную головную боль, чем пытаться создать лекарство.

Мы проникли в личные покои королевы, как делали это множество раз прежде. Чейд задержался на мгновение, чтобы убедиться, что там нет ненужных свидетелей, затем мы вошли в туалетную комнату и дальше в гостиную королевы, где нас ждала Кетриккен. Она встретила нас усталой улыбкой, а мы церемонно поклонились.

– Доброе утро, моя королева, – поприветствовал ее Чейд за нас обоих.

Кетриккен жестом пригласила нас войти.

В последний раз, когда я здесь был, взволнованная Кетриккен ждала нас в скромной, я бы даже сказал – суровой, комнате и все ее мысли занимал пропавший сын. Сейчас же гостиную украшали ее работы. Посреди маленького стола на подносе со сверкающими речными камешками лежали шесть золотых листьев. Три горящие свечи источали аромат фиалок. Шерстяные ковры прогоняли зимний холод, а на стульях я заметил мягкие накидки из овчины. В камине ярко горел огонь и кипел чайник.

Оглядевшись по сторонам, я сразу вспомнил родной дом Кетриккен в горах. Она также приказала накрыть маленький столик. В чайничке был горячий чай, но я заметил только две чашки.

– Спасибо, что привел Фитца Чивэла, Чейд.

Иными словами, она вежливо попросила Чейда оставить нас наедине. Он снова поклонился – пожалуй, немного более скованно, чем в первый раз, – и вышел тем же путем, что привел нас сюда. Я остался стоять перед королевой, пытаюсь понять, что все это означает. Когда за Чейдом закрылась дверь, Кетриккен неожиданно тяжело вздохнула, села за стол и жестом показала мне на стул.

– Пожалуйста, Фитц. – Она произнесла это так, словно приглашала меня отбросить в сторону формальности.

Я уселся напротив нее и принялся внимательно разглядывать мою королеву. Мы с ней были примерно ровесниками, но время обошло с ней гораздо милосерднее, чем со мной. Прошедшие годы исполосовали мое лицо шрамами, а ее коснулись лишь мимолетно, оставив легкие морщинки около глаз и губ. Сегодня она надела простое зеленое платье, которое великолепно оттеняло ее бирюзовые глаза и золото волос, уложенных в незамысловатую прическу. Я не заметил ни украшений, ни косметики.

Забыв о церемониях, Кетриккен сама налила мне чай и поставила передо мной чашку.

– Если хочешь, бери печенье, – сказала она, и я с радостью воспользовался ее предложением, поскольку не успел поест.

Впрочем, необычная интонация и чуть хриплый голос встревожили меня, и я поставил на стол чашку, которую поднес к губам. Кетриккен отвернулась от меня, стараясь не смотреть мне в глаза. Я заметил, как взволнованно трепещут ее ресницы, и вдруг по щеке скатилась одинокая слеза.

– Кетриккен? – встревоженно спросил я.

Неужели случилось что-то такое, о чем я не знаю? Может быть, ей стало известно, что нарческа не хочет выходить замуж за ее сына? Или она получила очередную угрозу, связанную с Даром?

Кетриккен вздохнула и неожиданно посмотрела мне в глаза.

– О Фитц, я позвала тебя сюда вовсе не затем, чтобы... Я надеялась, что смогу сама справиться... но мне так жаль. Всех нас. Когда мне сообщили, я уже знала. Я проснулась на рассвете, потому что почувствовала... произошло что-то очень важное. Я поняла: что-то исчезло, разрушилось... – Кетриккен попыталась откашляться и не смогла. По ее лицу текли слезы, и она хрипло проговорила: – Я не могла понять, что случилось, но, когда Чейд рассказал мне о твоей потере, все сразу стало ясно. Я ощутила его уход, Фитц. Я поняла, что Ночной Волк нас покинул.

И тут Кетриккен всхлипнула, уронила голову на руки и разрыдалась, как ребенок, который больше не может сдерживаться.

А мне отчаянно захотелось бежать из ее комнаты. Я почти сумел справиться со своим горем, а она снова разбередила рану. Несколько мгновений я сидел, не в силах пошевелиться, окаменев от боли. Ну почему она не могла просто промолчать?

Но Кетриккен, похоже, не заметила, каково мне.

– Годы проходят, но такого друга забыть невозможно.

Она слегка раскачивалась на своем стуле, но так и не подняла головы и говорила, казалось, обращаясь к самой себе. Я едва различал ее слова, невнятные из-за слез.

– Никогда в жизни я не испытывала такой привязанности к животному – только когда мы вместе покинули замок. Мы шли и шли вперед, а он всегда был рядом, убегал на разведку, потом возвращался и проверял, нет ли погони. Он стал для меня чем-то вроде живого доспеха; когда он появлялся, я знала: он проверил дорогу впереди и уверен, что нас не поджидает никакая опасность. Без него я не выдержала бы и не смогла бы быть такой храброй.

Когда мы отправились в путь, он казался частью тебя. Но потом я узнала его по-настоящему. Узнала, какой он отважный, и верный, и сильный. У него даже было чувство юмора. Порой, в особенности в каменоломне, у меня возникало ощущение, будто только он один меня понимает. И не в том дело, что я могла прижаться к нему, спрятать в его шерсти лицо и выплакаться и он бы никому не сказал. Он радовался моим победам. Например, когда мы охотились вместе и я сделала удачный выстрел, я почувствовала его одобрение, словно он хотел сказать, что я... заслужила право на жизнь и могу остаться в этом мире. – Кетриккен вздохнула. – Я никогда его не забуду, и мне всегда будет его не хватать. А ведь мне так и не удалось его повидать перед тем...

У меня кружилась голова. По правде говоря, я не знал, какие отношения их связывали. Ночной Волк умел хранить свои тайны, а еще мне было известно, что королева Кетриккен предрасположена к Дару. Я это чувствовал, когда она медитировала. И всегда подозревал, что ее врожденная «связь с природой» имела бы другое, менее красивое название в Шести Герцогствах. Но она и мой волк?..

– Он с вами разговаривал? Мысленно?

Кетриккен покачала головой, но так и не подняла ко мне лица. И я едва разобрал ее слова.

– Нет. Но я чувствовала его в своем сердце, когда остальной мир перестал для меня существовать.

Я медленно встал и обошел маленький столик. Я собирался только погладить Кетриккен по плечу, но, когда я к ней прикоснулся, она резко поднялась и бросилась мне на грудь. Я прижал ее к себе, и она заплакала, уткнувшись мне в плечо. И тут, как я ни сопротивлялся, на глаза мне навернулись слезы. Ее горе – не жалость и сочувствие ко мне, а истинное горе, вызванное смертью Ночного Волка, – выпустило на свободу мою печаль, позволило и мне предаться скорби. Боль, которую я пытался скрывать от тех, кто не смог бы понять всей глубины моей потери, неожиданно прорвалась наружу.

Мне кажется, я только тогда понял, что мы поменялись ролями, когда Кетриккен ласково подтолкнула меня к своему стулу и протянула свой крошечный и совершенно бесполезный

платочек, а потом ласково поцеловала в лоб и щеки. А я продолжал рыдать и никак не мог успокоиться. Кетриккен стояла около меня, прижав к груди мою голову, гладила волосы и не мешала плакать. А еще она грустно вспоминала моего волка и говорила о том, как много он для нее значил, но я почти не слышал слов.

Кетриккен не пыталась успокоить меня и не сказала, что все будет хорошо. Она знала, что уже не будет. Но когда наконец мои слезы иссякли, она наклонилась и поцеловала меня в губы, словно пыталась излечить от тяжелой болезни. Ее собственные были солеными от слез. В следующее мгновение она снова выпрямилась и тяжело вздохнула, как будто сбросила с плеч тяжелый груз.

– Твои волосы! – пробормотала она и попыталась пригладить торчащие в разные стороны пряди. – Мой бедный Фитц! Как же ужасно мы тебя использовали! Использовали вас обоих. Я никогда не смогу... – Казалось, она почувствовала, как пусты слова. – Но... пей чай, пока он еще не остыл.

Кетриккен отошла от меня, и через некоторое время мне удалось взять себя в руки. Она уселась на мой стул, а я взял ее чашку и принялся пить чай. Чай не успел остыть. Прошло совсем мало времени, но у меня возникло ощущение, будто в моей жизни произошло что-то очень важное. Когда я сделал вдох, мне показалось, что воздух полностью наполнил легкие, – я не испытывал ничего подобного вот уже много дней. Я взглянул на Кетриккен, она взяла мою чашку и улыбнулась мне. От слез ее глаза и нос покраснели, но для меня она в тот миг была прекрасна как никогда.

Так мы и сидели некоторое время. В чай были добавлены какие-то специи, которые придавали сил и успокаивали. На тарелках лежали пышные булочки с колбасой, маленькие кексы с фруктовой начинкой и овсяное печенье – очень простая и вкусная еда. Мы оба боялись, что стоит нам заговорить – и наша боль снова прорвется наружу... Впрочем, молчание не тяготило нас. Мы сидели и ели. Я встал, чтобы согреть чайник, а когда чай заварился, наполнил наши чашки. После довольно долгого молчания Кетриккен откинулась на спинку стула и тихо проговорила – так, словно наша беседа не прерывалась:

– Теперь ты понимаешь, что «болезнь» принца – мое наследство.

Мне было интересно, сумеет ли она прийти к такому выводу. Она сумела, и теперь боль и печаль в ее голосе заставили меня ей сочувствовать.

– Среди Видящих и раньше попадались Одаренные, – напомнил я ей. – Например, я.

– А твоя мать жила в горах. По-моему, тебя передали Верити в Мунсее. Тебя родила женщина из Горного Королевства. Я вижу ее наследство в твоих светлых волосах, а еще ты очень быстро вспомнил язык своего детства, когда приехал в Джампи. Если горы оставили на тебе такой след, почему не другой? Возможно, ты получил Дар в наследство от матери. Может быть, эта магия присуща жителям Горного Королевства.

Я подошел к самому краю пропасти под названием «правда», когда сказал:

– Я считаю, что Дьютифул мог получить Дар как от отца, так и от матери.

– Но...

– Не имеет никакого значения, кто оставил ему в наследство Дар, – перебил я свою королеву. Мне очень хотелось перевести разговор на другую тему. – У мальчика он есть, и нам нужно решить, что с этим делать. Когда Дьютифул попросил меня научить его пользоваться Даром, я пришел в ужас. Теперь я понимаю, что он прав. Ему необходимо знать все, что известно мне про оба вида магии.

Кетриккен просияла.

– Значит, ты согласился заниматься с ним?

Да уж, я и в самом деле отвык от жизни при дворе. Или, печально подумал я, за прошедшие годы королева сумела понять, что мягкость и хитрость откроют ей тайны, которые не

удалось узнать даже коварному Чейду. Скорее – второе, поскольку Кетриккен легко прочитала выражение моего лица.

– Я ничего не скажу принцу. Если он хочет, чтобы это осталось вашим секретом, так и будет. Когда вы начинаете?

– Как только принц сумеет выкроить время.

Я не хотел выдавать Дьютифула и сообщать Кетриккен, что он пропустил первое занятие.

Она кивнула, предоставив мне самому решать эти вопросы, затем откашлялась и сказала:

– Фитц Чивэл, я позвала тебя потому, что намерена... улучшить твою жизнь. Насколько это в наших силах. К сожалению, я не могу обращаться с тобой так, как ты того заслуживаешь. Но если мы в состоянии что-нибудь для тебя сделать, мы обязательно сделаем. Ты играешь роль слуги лорда Голдена, и я прекрасно понимаю почему. Однако мне больно видеть, что принц, человек, в чьих жилах течет кровь Видящих, прячется от своего собственного народа. Итак, чего ты хочешь? Может быть, приготовить для тебя комнаты, куда ты будешь приходить, никем не замеченный, и где все будет так, как тебе нравится?

– Нет, – ответил я быстро и, спохватившись, что такой короткий ответ прозвучал слишком резко, добавил: – Будет лучше, если все останется так, как есть. Мне удобно.

Я знал, что замок никогда не станет мне домом и пытаться что-то изменить бесполезно. Неожиданно я подумал, что дом – это место, которое ты с кем-то делишь. Каморка в конюшне, где мы жили вместе с Барричем, или моя хижина, где рядом со мной были Ночной Волк и Нед. А как насчет апартаментов Шута? Пожалуй, нет. Мы оба постоянно помнили о том, что должны соблюдать осторожность, сдерживаться и вести себя в соответствии со своими ролями.

– ...отдала приказ об определенной сумме денег, которые ты будешь получать ежемесячно. Чейд за всем проследит, а сейчас я бы хотела передать тебе вот это.

И моя королева положила передо мной кошелек, маленький мешочек из ткани, украшенный вышивкой в виде стилизованных цветов. Монеты громко звякнули, когда он лег на стол. Сам того не желая, я покраснел, поднял голову и увидел, что щеки Кетриккен тоже порозовели.

– Неприятная ситуация, верно? Но пойми меня правильно, Фитц Чивэл. Я плачу тебе не за то, что ты сделал для меня и моего сына. Никаких денег не хватит, чтобы за это заплатить. Но мужчине нужны деньги, и я считаю, что тебе не подобает просить их, когда возникает нужда.

Я ее прекрасно понял, но не сдержался и сказал:

– Вы и ваш сын имеете ко мне самое непосредственное отношение, моя королева. И вы совершенно правы. Никакие деньги не компенсируют того, что я для вас делаю.

Другая женщина восприняла бы мои слова как укор, но в глазах Кетриккен я увидел гордость, когда она мне улыбнулась.

– Я горжусь нашим родством, Фитц Чивэл. Руриск был моим единственным братом. И никто и никогда не сможет мне его заменить, но ты стал мне близок, как никто другой.

Мы с ней прекрасно поняли друг друга. У меня потеплело на сердце, оттого что Кетриккен признала меня своим родственником благодаря кровной связи, существовавшей между мной, ее мужем и сыном. Давным-давно король Шрюд первым приблизил меня к себе, заключив со мной сделку и подарив серебряную булавку, чтобы закрепить ее. Но булавка и король уже в прошлом. Неужели сделка по-прежнему остается в силе? Король Шрюд предъявил на меня свои права скорее как король, нежели как дед. А теперь Кетриккен, моя королева, назвала меня родственником и братом. Она не пыталась заключать со мной никаких сделок. Ее возмутило бы предложение установить условия, определяющие мою верность ей и трону Видящих.

– Я хочу рассказать сыну правду о тебе.

Моя тихая радость мгновенно улетучилась.

– Прошу вас, моя королева, это знание несет в себе опасность и является тяжким грузом. Зачем взваливать его на плечи принца?

– А почему наследник Видящих не имеет права на это знание?

Между нами повисло напряженное молчание, затем я сказал:

– Возможно, чуть позже.

Я почувствовал облегчение, когда Кетриккен кивнула, но уже в следующее мгновение она проговорила:

– Я сама пойму, когда наступит подходящий момент.

Потом она потянулась через стол, взяла меня за руку и перевернула ее ладонью вверх. Положив что-то мне на ладонь, она сказала:

– Когда-то давно у тебя была маленькая серебряная булавка с рубином, которую тебе подарил король Шрюд. Она указывала всем, что ты имеешь к нему самое непосредственное отношение и его двери всегда для тебя открыты. Я хочу, чтобы ты носил эту вещь и знал, что все осталось по-прежнему.

Я увидел на длинной булавке крошечную серебряную лисичку, которая подмигивала мне зеленым глазом. Лиса сидела, обвернувшись роскошным хвостом, готовая в любой момент сорваться с места. Она была великолепна.

– Вы сделали ее сами.

– Я польщена, что ты помнишь, как я люблю работать с серебром. Да, я сделала ее сама. А лиса – напоминание о том, кем благодаря тебе я стала здесь, в Оленьем замке.

Я расстегнул свою голубую рубашку слуги и прикрепил брошку с внутренней стороны. Снаружи ничего не было видно, но, когда я снова запахнул рубашку, я почувствовал прикосновение к груди крошечной лисички.

– Это для меня честь, – проговорил я. – А поскольку вы сказали, что считаете меня близким человеком, почти братом, я задам вопрос, который наверняка задал бы Руrisk. Осмелюсь спросить, почему среди ваших придворных дам по-прежнему остается та, что однажды покушалась на вашу жизнь? И на жизнь вашего будущего ребенка.

В глазах Кетриккен появилось искреннее непонимание. Затем, словно кто-то толкнул ее в бок, она вздрогнула.

– Ты имеешь в виду Розмари.

– Да, Розмари.

– Это было так давно... Очень давно, Фитц. Знаешь, я смотрю на нее и даже не вспоминаю о том, что тогда произошло. Когда Регал вернулся в замок в конце войны красных кораблей, Розмари была в его свите. Ее мать умерла, и она... на нее никто не обращал внимания, словно все о ней забыли. Сначала я не хотела иметь рядом с собой ни ее, ни Регала. Но существовали определенные условности, которым мне следовало подчиняться, а его подбострастные извинения и клятвы в верности еще не рожденному наследнику и мне были... полезны. Они служили объединению Шести Герцогств, поскольку Регал привез с собой правителей Тилта и Фарроу. А мы отчаянно нуждались в их поддержке.

После войны красных кораблей Шесть Герцогств могли легко погрузиться в пучину гражданской войны, – продолжала королева. – Между герцогствами существует множество противоречий, а Регал обладал влиянием, которое заставило остальных правителей встать на мою сторону. Потом Регал умер, так странно и так страшно. Естественно, пошли слухи, будто я приказала его убить за то зло, что он причинил мне в прошлом. Чейд настойчиво убеждал меня, что я должна предпринять ряд шагов, которые привязали бы ко мне его сторонников. Я послушалась его совета. Первым делом я отправила леди Пейшенс в Тредфорд, поскольку считала, что мне необходима поддержка тамошней знати. А остальные владения Регала распределила среди тех, кого мне особенно требовалось умастить.

– А что сказал на это лорд Брайт? – спросил я.

Я не встречался с лордом Брайтом, но знал, что он был наследником Регала и сейчас являлся герцогом Фарроу. Большая часть из того, что они «распределили», вне всякого сомнения, составляла его наследство.

– Мне удалось компенсировать его потери. После того как он бездарно организовал оборону Бакка и Баккипа, его положение стало весьма шатким. Он не мог слишком рьяно протестовать, поскольку, разумеется, не унаследовал от Регала влияния, которое тот имел на аристократов. Однако я сделала так, что он остался доволен своей судьбой, но и обеспечила его владения хорошим правителем, гораздо лучшим, чем был бы он сам. Прежде всего я позаботилась о том, чтобы он научился некоторым полезным вещам – кроме вина и нарядов.

Будучи герцогом Фарроу, лорд Брайт практически постоянно живет здесь, в Оленьем замке. За его землями в Тредфорде следит Пейшенс, она обладает здравым смыслом и первым делом наняла толковых управляющих. Пейшенс присылает ему подробные отчеты каждый месяц. По моему приказу Брайт просматривает их с одним из моих казначеев. Важно, чтобы он не только понял, что в них написано, но и был удовлетворен тем, как идут дела. И мне представляется, что он доволен.

– Подозреваю, его жена имеет к этому самое непосредственное отношение, – предположил я.

Кетриккен очень мило покраснела.

– Чейд счел, что он совсем успокоится, если женится. Кроме того, ему давно было пора обзавестись наследником. Будучи холостяком, он мог стать причиной определенных волнений при дворе.

– И кто ее выбрал? – Я постарался, чтобы мой голос прозвучал не слишком холодно.

– Лорд Чейд предложил нескольких девушек из хороших семей, которые обладали... необходимыми качествами. После этого я позаботилась о том, чтобы их представили лорду Брайту. И чтобы семьи узнали, что я буду очень довольна, если герцогу понравится какая-нибудь из возможных кандидаток. Они очень старались, однако лорд Брайт сам принял решение. Я лишь проследила, чтобы он получил возможность выбрать...

– Девушку, которая не слишком амбициозна и управляема. Дочь человека, верного королеве, – договорил я за нее.

Кетриккен посмотрела мне в глаза и едва заметно вздохнула.

– Да. Ты считаешь, что я поступила неправильно, Фитц Чивэл? Ведь именно ты стал моим первым наставником в науке придворных интриг.

– Нет, не считаю. По правде говоря, я вами горжусь. Я видел лорда Брайта вчера на празднике. Он производит впечатление человека, довольного жизнью, – улыбнувшись, ответил я.

Кетриккен снова вздохнула, на сей раз с облегчением.

– Спасибо. Потому что я по-прежнему очень ценю твоё мнение, Фитц Чивэл. Мне бы не хотелось опозориться перед тобой.

– Сомневаюсь, что такое возможно, – ответил я совершенно искренне. И тут же решил вернуться к тому, с чего мы начали. – А Розмари?

– После смерти Регала большинство его сторонников вернулись в свои владения, а некоторые отправились посмотреть на новые, которые я им подарила. Розмари стала никому не нужна. Ее отец умер до ее рождения. Мать унаследовала его титул и стала леди Селеффой из Пихтового Леса, но это всего лишь красивые слова. Пихтовый Лес – крошечное бедное поместье с небольшим особняком, где, по моим сведениям, давно никто не живет. Если бы леди Селеффа не оказалась в свите Регала, она бы никогда не попала ко двору. – Кетриккен вздохнула. – Итак, Розмари осталась сиротой в восемь лет, да еще и королева ее не жаловала. Думаю, не нужно иметь слишком богатое воображение, чтобы представить себе, как с ней обращались в Оленьем замке.

Я поморщился, потому что еще не забыл, как обращались со мной при дворе.

– Я пыталась о ней забыть. Но Чейд не мог этого допустить. Как, впрочем, и я сама.

– Она представляла для вас опасность. Не слишком хорошо обученный наемный убийца, которого Регал воспитал в ненависти к вам. Ее нельзя было оставлять в замке.

Кетриккен помолчала немного, а потом сказала:

– А теперь в твоих словах я слышу Чейда. Нет. Все было гораздо хуже. Рядом со мной жила маленькая девочка, до которой никому не было дела. И я винила себя в том, что она стала тем, кем стала. Постоянное напоминание о моем равнодушии и жестокости. Если бы я обращалась с ней иначе, Регалу не удалось бы завоевать ее сердце.

– Если только он не завоевал его еще до того, как здесь появился.

– Но даже и в этом случае мне следовало вести себя иначе. А меня слишком сильно занимали мои собственные дела.

– Совершенно верно, но Розмари не ваша дочь.

– Ты забываешь, Фитц, что я выросла в горах, где меня учили быть Жертвенной для своего народа. Не королевой в твоём понимании, а гораздо большим.

– Значит, вы решили оставить ее здесь, – заключил я.

– Чейд сказал, что я должна либо оставить ее при себе, либо избавиться от нее. Его слова привели меня в ужас. Отнять у ребенка жизнь за то, что ему приказали сделать взрослые? А потом я все поняла. Убить ее было бы милосерднее, чем истязать равнодушием и невниманием.

Тем же вечером я отправилась в ее комнату. Одна. Розмари смертельно меня боялась, а ее каморка произвела на меня ужасное впечатление – холодная, почти без мебели, постель не менялась уж не знаю сколько времени. Девочка давно выросла из ночной рубашки, которая порвалась на плечах и была ей коротка. Она забралась на кровать и постаралась держаться от меня как можно дальше, молчала и только смотрела на меня во все глаза. Тогда я спросила ее, чего бы она хотела – снова служить мне или стать приемной дочерью леди Пейшенс.

– И она выбрала службу у вас.

– Она расплакалась и, бросившись на пол, вцепилась в мою юбку, принялась лепетать, что она решила, будто я разлюбила ее. Розмари так рыдала, что, прежде чем я смогла ее успокоить, ее начало трясти, а мокрые волосы облепили голову. Фитц, мне стало так стыдно – не от того, что я сделала, а оттого что не обращала на нее внимания. Только мы с Чейдом знали, что она пыталась причинить мне вред. Но мое пренебрежительное отношение к ней позволило всем остальным при дворе относиться к ней жестоко и равнодушно. Даже ее крошечные туфельки превратились в лохмотья...

Кетриккен замолчала, и я, против собственной воли, почувствовал жалость к Розмари. Кетриккен сделала глубокий вдох и продолжила рассказ:

– Розмари умоляла меня снова взять ее к себе, Фитц. Когда она выполняла приказы Регала, ей еще не было семи лет. Она никогда не испытывала ко мне ненависти, да и не понимала, что делает. Я уверена, что для нее это стало чем-то вроде игры – подслушать, о чем мы говорим, а потом передать Регалу.

– А как насчет ступенек, которые она намазала жиром, чтобы вы упали? – жестко спросил я.

– Ты думаешь, ей объяснили зачем? Может быть, просто велели намазать ступеньки, после того как я поднимусь в сад на крыше... Ребенку вполне могли сказать, что это шутка.

– А вы ее спрашивали?

Кетриккен снова немного помолчала.

– Некоторые вещи лучше не ворошить. Даже если Розмари и знала, что я должна была упасть, вряд ли она понимала зачем. Думаю, я была для нее двумя женщинами сразу – королевой, которую Регал мечтал лишиться власти, и Кетриккен, которой она служила каждый день. Тот, кто виновен в ее преступлениях, умер. А с тех пор как я взяла Розмари к себе, мне не в чем ее упрекнуть.

Кетриккен вздохнула и посмотрела мимо меня на стену, когда произнесла свои следующие слова:

– Прошное следует оставлять в прошлом, Фитц. Это особенно касается тех, кто правит другими людьми. Я должна женить своего сына на принцессе с Внешних островов. Я должна развивать торговлю и укреплять союз с людьми, приговорившими моего короля к смерти. Стоит ли переживать из-за маленькой шпионки, которую я взяла под свою защиту и сделала придворной дамой?

Теперь пришла моя очередь вздохнуть. За прошедшие пятнадцать лет Кетриккен ни разу не пожалела о своем решении, и никакие мои слова ничего не изменят. Впрочем, должно быть, в этом и нет необходимости.

– Наверное, мне не следовало удивляться. Вы без малейших колебаний приблизили к себе обученного убийцу, когда прибыли в Олений замок.

– И он стал моим первым другом здесь, – серьезно добавила Кетриккен. Потом нахмурилась, и я подумал, что, когда мы с ней встретились впервые, у нее не было этих морщин на лбу и возле глаз. – Мне совсем не нравится игра, в которую мы вынуждены играть. Я бы с радостью сделала тебя своим советником и наставником моего сына. Я бы хотела, чтобы все знали, что ты мой друг и Видящий.

– Это невозможно, – твердо проговорил я. – Пусть все остается как есть. В роли слуги лорда Голдена я могу оказаться вам гораздо полезнее и буду представлять меньшую угрозу вашей безопасности и благополучию принца Дьютифула.

– Но сам ты рискуешь значительно больше. Чейд рассказал мне, что Полукровки угрожали тебе прямо здесь, в городе.

Я вдруг понял, что не хотел, чтобы она об этом знала.

– С Полукровками я разберусь сам. Возможно, мне удастся выманить их и заставить действовать открыто.

– Возможно. Но мне стыдно, что тебе приходится сражаться с подобными вещами в одиночку. По правде говоря, я возмущена тем, что в Шести Герцогствах столь фанатично ненавидят Одаренных, а наших аристократов это нисколько не беспокоит. Я делаю все, что могу, для тех, кого преследуют, но результат меня не особенно радует.

Когда впервые появились послания Полукровок, – продолжала королева, – они меня разозлили. Теперь же я начинаю думать, что мне следовало продемонстрировать негодование открыто. Потом я решила дать знать своим Одаренным подданным, что я намерена их защищать. Я хотела отправить приглашение вождям кланов, чтобы они прибыли в Олений замок и мы вместе составили план того, как они могли бы противостоять Полукровкам. – Кетриккен покачала головой. – И снова вмешался Чейд, он сказал, что у Одаренных нет признанных вождей и что они не настолько доверяют Видящим, чтобы согласиться на встречу. Кроме того, у нас вообще нет такого человека, которому они доверяют, и мы не можем предоставить им гарантии, что в наши планы не входит заманить их сюда и уничтожить. Он заставил меня отказаться от моей идеи, – проговорила Кетриккен, а потом неохотно добавила: – Чейд хороший советник, мудрый в том, что касается политики и законов власти. Однако порой мне кажется, что его интересует лишь благополучие Шести Герцогств, а вопросы справедливости для него стоят на втором месте.

Она нахмурилась и добавила:

– Чейд говорит: чем стабильнее государство, тем больше шансов, что в нем будет царить справедливость. Возможно, он прав. Но я все чаще и чаще жалею о временах, когда я советовалась в делах с тобой. И в этом тоже мне ужасно не хватает тебя, Фитц Чивэл. Мне не нравится, что я не имею возможности обращаться к тебе тогда, когда мне хочется, и вынуждена тайно посылать за тобой, если мне нужно посоветоваться. Жаль, что я не могу пригласить тебя на нашу встречу с Пиоттром. Мы договорились поиграть с ним сегодня, и мне очень пригодилось бы твое мнение о нем. Он поразительный и загадочный человек.

– Вы собираетесь с ним играть сегодня?

– Вчера вечером мы довольно много беседовали. Когда мы обсуждали возможность счастливого брака между Эллианой и Дьютифулом, разговор перешел на другие «возможности». А потом мы вспомнили про азартные игры. Помнишь популярную в горах игру с картами и рунами?

Я принялся копаться в памяти и вспомнил.

– Кажется, вы как-то мне о ней рассказывали. И еще я читал об этой игре в одном из манускриптов, когда приходил в себя после первого покушения Регала на мою жизнь.

– Для игры нужны карты – либо из плотной бумаги, либо вырезанные на тонких деревянных пластинах. На них изображены фигурки из наших старых сказок, например Старик-Ткач или Охотник-в-Засаде. На камешках написаны руны Камня, Воды и Травы.

– Да, я что-то такое слышал.

– Так вот, Пиоттр хочет, чтобы я научила его этой игре. Когда я о ней заговорила, он страшно заинтересовался. Оказывается, на Внешних островах играют в кости, на которых изображены руны. Кости встряхивают и высыпают на стол. Затем участники ставят свои фишки на кусок ткани или доску, где нарисованы мелкие божества, такие как бог ветра, дыма и деревьев. Похоже, та же самая игра, верно?

– Вполне возможно, – согласился я.

Однако лицо Кетриккен сияло таким удовольствием, она явно с нетерпением ждала возможности научить Пиоттра своей любимой игре, и ее радость показалась мне излишней и неожиданной. Неужели моя королева находит грубого солдата с Внешних островов привлекательным?

– Вы расскажете мне об этой игре потом? – попросил я. – Интересно, руны на костях совпадают с теми, что нарисованы на ваших камешках?

– Ужасно любопытно, правда? А вдруг руны похожи? В особенности если учесть, что некоторые руны из моей игры совпадают с теми, что изображены на монолитах Силы.

– Хм, – только и смог выдавить из себя я.

Моя королева снова застала меня врасплох. Она всегда обладала способностью мыслить сразу в нескольких направлениях и соединять, казалось бы, совершенно разрозненные факты в рисунок, который другие не видят. Именно так ей удалось найти утерянную карту королевства Элдерлингов. Неожиданно я понял, что мне необходимо обдумать наш разговор, – слишком много всего было сказано.

Я встал и поклонился королеве, жалея, что не могу подыскать подходящих слов, чтобы ее поблагодарить. Но уже в следующее мгновение мое желание показалось мне странным – разве можно благодарить человека, когда он скорбит вместе с тобой, оплакивая того, кого ты любил. Я попытался что-нибудь сказать, но Кетриккен подошла ко мне и взяла мои руки в свои.

– Наверное, только ты понял, что я почувствовала, когда потеряла Верити. Видеть, как мой муж превращается в дракона, знать, что он одержит победу, и все равно испытывать эгоистичную боль, понимая, что я больше никогда его не увижу... Это не первая трагедия, которую нам с тобой пришлось разделить, Фитц Чивэл. Мы оба идем по жизни в одиночестве.

Я знал, что это неприлично, но все равно обнял Кетриккен и несколько секунд прижимал к себе.

– Он так вас любил, – сказал я за своего ушедшего короля.

Она прижалась лбом к моему плечу и ответила едва слышно:

– Я знаю. Его любовь помогает мне в том, что я делаю. Иногда, в особенно трудные для меня моменты, мне даже кажется, будто он рядом и советует, как мне следует поступить. Пусть Ночной Волк останется с тобой так же, как Верити со мной.

Я еще несколько мгновений держал в объятиях жену Верити. Все могло сложиться иначе. Однако ее пожелание было произнесено от всего сердца и облегчило мою боль. Вздыхнув, я выпустил ее, и королева со слугой расстались, чтобы заняться каждый своими делами.

VI Разрушения

...Почти наверняка жители Калсиды могли победить торговцев Удачного и потребовать назад то, что им принадлежало, если бы им удалось организовать серьезную блокаду Удачинского пролива.

Им помешало использование двух видов магии, а магия, несмотря на все возражения, сыграла на руку жителям Удачного, поскольку, как всем известно, они были торговцами, а не воинами. Первый вид магии заключался в том, что торговцы Удачного владели живыми кораблями, торговыми судами, которые обретаю разум, если принести в жертву троих детей или пожилых членов семьи. Фигуры на носу таких кораблей не только двигались и разговаривали, но еще и обладали огромной силой, позволявшей им уничтожать другие, меньшие корабли, когда они вступали с ними в сражение. Некоторые из них способны плеваться огнем на расстояние, равное трем длинам их собственного корпуса.

Второй вид магии наверняка будет отнесен теми, кто не слишком разбирается в данном вопросе, к первому, но я бросаю вызов любому, кто объявит мои слова ложью. Дракон, искусно и очень хитроумно вырезанный из голубых и серебристых драгоценных камней и приводимый в действие диковинным соединением волшебства и... (абзац утерян в связи с тем, что свиток сильно пострадал) был наспех создан мастерами Удачного для защиты их гавани. Это существо, названное Тиннитлиа, поднялось из дымящихся развалин, в которые калсидийцы превратили район складов Удачного, и изгнало корабли противника из гавани.

Винфрода, «Мои приключения в странствиях по миру»

Я прошел по лабиринту коридоров и вскоре оказался в своей каморке. Несколько мгновений я стоял, вглядываясь в темноту, и только потом решился войти. Закрыв за собой потайную дверь, я замер, окруженный непроглядным мраком. Сквозь закрытую дверь из комнаты Шута до меня доносились голоса.

– Поскольку я не имею ни малейшего представления о том, когда он встал и ушел и почему, мне неизвестно, когда он явится. Сначала мне так понравилась эта идея – иметь рядом с собой сильного воина, который сможет не только защитить меня от уличных бандитов, но и будет служить в качестве камердинера, и все такое... Но он оказался совершенно ненадежным типом в том, что касается каждодневных обязанностей. Представляете, мне пришлось ловить в коридоре пажа, чтобы тот попросил кухонного мальчишку принести завтрак! Он принес, разумеется, но совсем не то, что я предпочитаю есть утром.

Я с радостью уволил бы Баджерлока, но моя бедная нога в таком плачевном состоянии, что я никак не могу обходиться без сильного слуги. Ладно, наверное, придется смириться с его недостатками и взять себе пажа или даже двоих, чтобы они меня обслуживали вместо него. Вы только посмотрите, какая ужасающая пыль на каминной полке! Просто позор! Я даже не могу пригласить гостей. Мне еще повезло, что из-за больной ноги я вынужден вести затворнический образ жизни.

Я замер как вкопанный. Мне не терпелось узнать, с кем разговаривает Шут и кому я понадобился, но не мог же я выйти из своей комнаты, когда лорд Голден заявил, что меня здесь нет.

– Хорошо. Могу я оставить записку для вашего слуги, лорд Голден?

Голос принадлежал Лорел, которая даже не пыталась скрыть раздражение. Она много времени провела рядом с нами, когда сопровождала нас в поисках принца, и наша игра ее не слишком обманывала. Она больше никогда не поверит, что мы с Шутом слуга и господин. Однако я прекрасно понимал, почему лорд Голден продолжал играть свою роль – чтобы наш обман не стал достоянием всего двора.

– Разумеется. Или заходите сегодня вечером; возможно, вам повезет и окажется, что он вспомнил о своих обязанностях и явился домой.

Очевидно, он надеялся успокоить Лорел, но она разозлилась еще сильнее.

– Записки будет достаточно. Когда я проходила мимо конюшни, мне не понравилось, как выглядит его лошадь. Это вызвало у меня беспокойство. Если он встретится со мной там в полдень, я ему покажу.

– А если он не вернется к полудню... О боги, как же мне все это не нравится! Я должен выступать в роли секретаря для собственного слуги!

– Лорд Голден. – Спокойный голос Лорел остановил поток возмущенной речи. – У меня дело исключительной важности. Позаботьтесь о том, чтобы он со мной встретился и мы могли все обсудить. Хорошего вам дня.

Лорел вышла и захлопнула за собой дверь. Я подождал несколько минут, чтобы окончательно убедиться, что Шут один в комнате, затем бесшумно открыл дверь, но сверхъестественное восприятие окружающей реальности в очередной раз сослужило Шуту верную службу.

– А вот и ты! – с облегчением вскричал он, когда я появился на пороге. – Я уже начал беспокоиться. – Затем он окинул меня внимательным взглядом, и у него на лице засияла улыбка. – Похоже, первый урок с принцем прошел хорошо.

– Принц не посчитал необходимым прийти на урок. Извини, что подвел тебя. Я забыл о том, что должен позаботиться о завтраке лорда Голдена.

– Уверяю тебя, – фыркнув, проговорил Шут, – меньше всего я ожидал, что *ты* станешь хорошим слугой. Я и сам в состоянии позаботиться о завтраке. Однако в соответствии с нашими ролями мне пришлось устроить настоящее представление, когда я отправил за ним пажа. Я вопил и жаловался так долго, что теперь спокойно могу взять к себе на службу какого-нибудь мальчишку и ни у кого не возникнет никаких подозрений. – Шут налил себе еще одну чашку чая, сделал глоток и поморщился. – Холодный. – Жестом показав на поднос с едой, он спросил: – Есть хочешь?

– Нет, я поел с Кетриккен.

Шут, несколько не удивившись, кивнул.

– Принц прислал мне сегодня утром записку. Теперь я понимаю, что он имел в виду. Он написал: «Я был огорчен, что больная нога не позволила вам принять участие в танцах во время празднования моей помолвки. Мне отлично известно, как печально, когда неожиданные обстоятельства лишают тебя долгожданного удовольствия. Искренне надеюсь, что очень скоро вы сможете вернуться к своим любимым занятиям».

Я кивнул, довольный.

– Очень тонко и все понятно. Наш принц набирается опыта.

– У него ум его отца, – заявил Шут, но, когда я наградил его сердитым взглядом, в золотых глазах я увидел лишь добродушие. – Для тебя есть еще одна записка, – продолжал он. – От Лорел.

– Да, я слышал.

– Так я и думал.

– Она меня озадачила и встревожила, – покачивая головой, сказал я. – По тому, как она себя вела, у меня возникло ощущение, что моя лошадь тут совершенно ни при чем. Пожалуй, я с ней встречу в полдень, посмотрим, что случилось. А потом я хотел бы сходить в город, чтобы повидать Неда и извиниться перед Джинной.

Шут приподнял светлую бровь.

– Я обещал им зайти вчера вечером, чтобы поговорить с Недом, – пояснил я. – Но, как тебе прекрасно известно, вместо этого мне пришлось присутствовать на помолвке.

Шут взял с подноса маленький букетик из белых цветов и задумчиво понюхал его.

– Столько разных людей требуют твоего внимания.

Я вздохнул.

– Да уж, не знаю, что и делать. Я привык к уединенной жизни, когда во мне нуждались только Ночной Волк и Нед. Ничего у меня не получается. Не понимаю, как Чейду столько лет удастся справляться с таким количеством забот.

– Он паук, – вздохнув, проговорил Шут. – Плетет паутину, нити которой расходятся в разные стороны, а он сидит в самом ее центре и изучает каждое, даже едва заметное ее подрагивание.

Я улыбнулся вместе с Шутом.

– Точная характеристика. Не слишком лестная, но совершенно точная.

Неожиданно Шут искоса посмотрел на меня.

– Значит, ты встречался с Кетриккен, а не с Чейдом?

– Не понимаю, о чем ты?

Шут посмотрел на свои руки и принялся вертеть маленький букетик.

– Ты изменился. Снова распрямил плечи. И смотришь на меня, когда я к тебе обращаюсь. У меня пропало ощущение, что я непременно должен оглянуться, чтобы удостовериться, нет ли у меня за спиной призрака. – Он положил цветы на стол. – Кто-то освободил тебя от тяжелого груза – по крайней мере, частично.

– Кетриккен, – помолчав, сказал я. – Она была ближе к Ночному Волку, чем я думал. Она тоже скорбит о нем.

– И я.

Я старательно обдумал свои следующие слова, понимая, что они могут причинить Шуту боль, и не зная, стоит ли их произносить. Но я все-таки решился.

– Иначе. Кетриккен скорбит о Ночном Волке, как и я, из-за него самого – и еще из-за того, чем он был для нее. А ты... – Я замолчал, не зная, как лучше выразить свои мысли.

– А я любил его через тебя. Он стал для меня реальным благодаря нашей с тобой связи. Так что в определенном смысле моя печаль другого свойства. Мне больно, потому что больно тебе.

– Слова всегда давались тебе легче, чем мне.

– Да, – не стал спорить он и, скрестив на груди руки, вздохнул. – Я рад, что кто-то сумел тебе помочь. Хотя и завидую Кетриккен.

Его слова показались мне бессмысленными.

– Ты завидуешь ее горю.

– Я завидую тому, что она смогла тебя утешить. – И прежде чем я успел ему ответить, он холодно добавил: – Отнеси поднос на кухню. И напусти на себя хмурый вид, когда будешь его возвращать, – ведь твой господин самым строжайшим образом тебя отчитал. А потом можешь отправляться к Лорел и в замок. Я собираюсь провести сегодняшний день, занимаясь своими делами. Я сообщил всем, что у меня ужасно болит нога и я хочу отдохнуть в полном одиночестве. Вечером королева пригласила меня поиграть вместе с ее фаворитами. Так что, если не найдешь меня здесь, можешь зайти туда. Ты вернешься к обеду, чтобы помочь мне спуститься в зал?

– Надеюсь.

Настроение у Шута вдруг резко ухудшилось, как будто он и в самом деле страдал от боли.

– Тогда, наверное, увидимся перед обедом, – мрачно кивнув, сказал он, поднялся из-за стола и направился в свою спальню.

Не говоря больше ни слова, Шут плотно прикрыл за собой дверь.

Я собрал тарелки на поднос, а потом попытался навести порядок в комнате – несмотря на слова Шута о том, что слуга из меня никакой. Сначала я отнес поднос на кухню, потом позаботился о дровах и воде. Дверь в комнату Шута по-прежнему оставалась закрытой, и я забеспокоился, не заболел ли он. Наверное, я бы рискнул к нему постучать, но приближался полдень, и я зашел в свою комнату, чтобы прихватить свой уродливый меч. Затем я вынул несколько монет из кошелька, который дала мне Кеттриккен, а остальное спрятал под матрас. Проверив потайные карманы, я снял с крючка плащ и зашагал в сторону конюшни.

Помолвка принца привлекла в замок множество гостей, и основная конюшня была переполнена до отказа. В данных обстоятельствах лошадей, принадлежащих людям вроде меня, перевели в «старые конюшни», где прошло мое детство. Лично меня это вполне устраивало. Меньше шансов, что я встречу Хендса или еще кого-нибудь, кто мог бы вспомнить мальчика, который когда-то жил со старшим конюхом Барричем.

Лорел стояла, прислонившись к воротам загородки, где поместили мою Вороную, и что-то ей тихонько говорила. Возможно, я неправильно понял ее слова, решил я и забеспокоился.

– Что с ней случилось? – спросил я и, с опозданием вспомнив о правилах приличия, добавил: – Доброго вам дня, Охотница Лорел. Вы просили меня прийти.

Вороная не обращала на нас никакого внимания.

– Добрый день, Баджерлок. Спасибо, что пришел. – Лорел незаметно огляделась по сторонам, удостоверилась, что рядом никого нет, но все равно наклонилась ко мне и прошептала: – Мне нужно с тобой поговорить. Наедине. Иди за мной.

– Как пожелаете, госпожа.

Лорел пошла вперед, а я последовал за ней. Мы миновали загоны, оказались в самом конце конюшни и, к моему великому изумлению, начали подниматься по расшатанной лестнице в каморку Баррича. Когда он был старшим конюхом, он заявил, что должен жить рядом со своими подопечными, и отказался от более удобной комнаты в замке. Лишь значительно позже я понял, что Баррич предпочел остаться в скромной комнатухе, не только оберегая свое уединение, но и чтобы я как можно меньше попадался на глаза обитателям замка. Шагая за Лорел по шатким ступеням, я спрашивал себя: что ей известно? Может быть, она привела меня сюда, чтобы сказать, что знает, кто я такой?

Дверь на верхней площадке была лишь прикрыта. Лорел толкнула ее плечом, и она со скрипом распахнулась. Она шагнула в полумрак комнаты и знаком показала мне, чтобы я следовал за ней. Я наклонился, стараясь не попасть в паутину, затянувшую дверной проем, и вошел. Из щели в ставне, закрывавшей крошечное окно в дальнем конце, падал тонкий луч света. Какой же маленькой показалась мне наша с Барричем комната! Простую мебель, служившую нам верой и правдой, давно растащили, а само помещение использовали в качестве склада для всякого хлама: кусков старой упряжи, сломанных инструментов, изъеденных молью одеял – вещей, которые люди откладывают в сторону, пообещав себе когда-нибудь их починить, или не решаются выбросить, считая, что они еще пригодятся. Вот во что превратилась комната, где я провел детство.

Баррич пришел бы в ярость, увидев все это. Наверное, Хендс сначала разрешил складывать ненужные вещи в нашу каморку, а потом решил, что у него есть дела поважнее, чем наводить тут порядок. Сегодня конюшни требовали гораздо больше внимания, чем во времена войны красных кораблей. Мне было трудно представить себе, что Хендс сидит вечерами и смазывает жиром или чинит старую упряжь.

Лорел неправильно поняла выражение, появившееся у меня на лице.

– Я знаю, здесь ужасно пахнет, но зато нас никто не услышит. Мы могли бы поговорить и в твоей комнате, но лорд Голден уж слишком старательно изображает важного аристократа.

– А он и в самом деле важный аристократ, – заявил я, но сердитый взгляд Лорел заставил меня прикусить язык.

Я слишком поздно сообразил, что лорд Голден всячески ухаживал за Лорел во время нашего путешествия, однако вчера они не перемолвились ни единым словом. Ой-ой.

– Мне все равно, кто вы оба такие. – Лорел отмахнулась от собственного раздражения, ее явно занимали более серьезные вопросы. – Я получила записку от своего кузена. Предупреждение Диркина предназначено для меня. Сомневаюсь, что он одобрил бы мое решение рассказать о нем тебе, поскольку у него имеются вполне веские причины не слишком тебя любить. Однако королева, как я понимаю, тебя ценит. А я поклялась ей в верности.

– Мы оба поклялись ей в верности, – напомнил я Лорел. – Ты рассказала ей о том, что написано в записке?

– Нет еще, – взглянув на меня, призналась Лорел. – Возможно, в этом нет необходимости и ты сможешь сам справиться с возникшими трудностями. Кроме того, мне не так просто урвать минутку, когда рядом с королевой никого нет, чтобы с ней поговорить. А вот тебя поймать гораздо проще.

– О каком предупреждении идет речь?

– Диркин пишет, что я должна бежать из замка. Полукровки знают, кто я такая и где живу. По их представлениям, я дважды предательница. Я принадлежу к семье Древней Крови, но служу Видящим, которых они ненавидят. Они постараются меня убить. – Лорел произнесла это совершенно спокойно, но потом, отвернувшись от меня, уже тише сказала: – То же самое касается и тебя.

Между нами повисло молчание. Я наблюдал за пылинками, которые резвились в узком солнечном луче, и думал. Через некоторое время Лорел снова заговорила:

– Это главное. Лодвайн все еще приходит в себя, после того как ты отрубил ему руку. От него отвернулись многие из его соратников, которые предпочли вернуться к жизни и нравам Древней Крови. Семьи Древней Крови оказывают давление на своих сыновей и дочерей, чтобы они отказались от идей и политики Полукровок. Большинство считает, что королева намерена облегчить участь представителей Древней Крови. Поскольку довольно широко известно, что ее собственный сын обладает Даром, они стали лучше к ней относиться. Они готовы ждать, по крайней мере какое-то время, чтобы посмотреть, что она будет делать.

– А те, кто по-прежнему с Полукровками? – неохотно спросил я.

Лорел покачала головой.

– С Лодвайном остались самые опасные и не желающие слушать доводы рассудка. Он привлекает типов, готовых проливать чужую кровь и сеять хаос и раздоры. Они мечтают о мести, а не о справедливости. Кое-кто из них, вроде Лодвайна, видел, как их родных предали смерти за то, что они родились Одаренными. Другие же просто безумны. Их не много, но они готовы на все ради достижения собственных целей и потому опасны, как целая армия.

– Каких целей?

– Все очень просто. Власть для себя. Наказание для тех, кто выступал против Одаренных. Они ненавидят Видящих. Но еще больше ненавидят тебя. Лодвайн постоянно подогревает их ненависть. Он в ней купается и предлагает ее своим последователям, точно драгоценные камни. Тебе удалось настроить их против тех представителей Древней Крови, которые «пресмыкаются перед гнусными Видящими». Полукровки Лодвайна решили покарать тех из них, кто пришел к тебе на помощь. Они сожгли несколько домов, разогнали или разворовали стада. Это уже происходит, но они грозят более страшными вещами. Полукровки заявили, что выдадут всех, кто не встанет рядом с ними в борьбе против Видящих. Они испытывают вос-

торг и страшное возбуждение оттого, что нас прикончат люди, против которых мы никогда не поднимемся. Полукровки утверждают, что либо Древняя Кровь должна объединиться с ними, либо она будет уничтожена.

Мрачное лицо Лорел побледнело. Я знал, что ее семья подвергается серьезной опасности, и внутри у меня все сжалось от мысли, что я частично в этом виноват.

Я вздохнул и сказал:

– Кое-что я уже знал. Пару ночей назад, когда я возвращался из города, на дороге, ведущей в замок, на меня напали Полукровки. Меня удивляет только, что они меня не прикончили.

Лорел чуть приподняла одно плечо, словно желая сказать, что она понимает мотивы Полукровок.

– Ты для них представляешь особую ценность. Ты лишил Лодвайна руки. В твоих жилах течет Древняя Кровь, ты служишь Видящим и открыто выступаешь против Полукровок. – Она покачала головой. – Не радуйся, что они оставили тебя в живых, когда могли легко убить. Значит, они задумали нечто особенное и ты нужен им живым. Мой кузен об этом намекнул, когда предупредил об опасности. Он сказал, что я даже представить себе не могу, с какой отвратительной компанией связалась. Полукровки распускают слух о том, что лорд Голден и Том Баджерлок совсем не те, за кого себя выдают, – лично я нисколько не удивилась, но Диркин считает, что это очень важно.

Лорел замолчала, словно давая мне возможность ответить, но я молчал, погрузившись в свои мысли. Неужели кто-то сумел связать Тома Баджерлока и Одаренного Бастарда из песен и легенд? И если так, зачем я понадобился им живым? Если бы они хотели захватить меня в заложники и использовать против Видящих, они вполне могли сделать это той ночью. Мои мысли прервал сердитый взгляд Лорел, которая в следующую минуту снова заговорила:

– То, что Полукровки нападают на своих же, настраивает против них Древнюю Кровь, даже тех из них, кто раньше называл себя Полукровками. Складывается впечатление, что часть атак предпринимается, чтобы свести старые счеты или ради личной выгоды, а вовсе не во имя «высоких» идеалов Полукровок. Их никто не останавливает. Лодвайн еще слишком слаб, чтобы снова стать вожаком. Его постоянно лихорадит, и он никак не может оправиться после потери руки. Ближайшие сторонники Лодвайна ненавидят тебя еще и за это и готовы в любой момент отомстить. Ведь ты вернулся всего несколько дней назад, а они уже сумели тебя разыскать.

Мы молча стояли в пыльной комнате, мрачно обдумывая вещи, которыми нам не хотелось друг с другом делиться. Наконец Лорел снова заговорила:

– Надеюсь, ты понимаешь, что Диркин по-прежнему связан с Полукровками. Они пытаются убедить его вернуться в их ряды. Он должен сделать вид... что он с ними, чтобы защитить нашу семью. Диркин ходит по самому краю пропасти. Он слышит вещи, о которых не должен никому рассказывать, однако решил отправить мне записку.

Лорел замолчала и уставилась в закрытое окно, словно могла разглядеть, что находится по другую сторону.

Я понял, что она имела в виду.

– Тебе следует поговорить с королевой. Скажи ей, что все должны считать Диркина предателем интересов короны, иначе вашей семье будет угрожать смертельная опасность. А ты покинешь замок?

Лорел медленно покачала головой.

– Куда мне бежать? К моим родным? Чтобы подвергнуть их еще большей опасности? Здесь, по крайней мере, Полукровки сами очень сильно рискуют, и добраться до меня им будет непросто. Я останусь, чтобы служить моей королеве.

Я задумался о том, сможет ли Чейд защитить ее, не говоря уж о ее кузене.

Голос Лорел прозвучал ровно, из него как будто пропали все эмоции.

– Диркин слышал, что Полукровки собираются заключить союз с какими-то чужаками. «С могущественными людьми, которые будут рады расправиться с Видящими и дать власть людям Лодвайна». – Лорел с беспокойством посмотрела на меня. – Звучит как-то глупо, верно? Вряд ли они это всерьез, как ты думаешь?

– Лучше рассказать обо всем королеве, – сказал я, отчаянно надеясь, что она не услышала в моем голосе сомнений. Я-то понимал, что возможно еще и не такое, и решил поведать о том, что узнал, Чейду.

– А ты? – спросила она меня. – Ты покинешь замок? Я думаю, тебе следует это сделать. Ты можешь стать великолепным примером для Полукровок. Они с радостью сообщат всему миру, что даже в стенах Оленьего замка есть Одаренные. Если тебя четвертуют и сожгут, твоя судьба будет уроком для других предателей Древней Крови. Все увидят: тот, кто отказывается от своих, сам становится жертвой предательства.

Лорел не обладала Даром. В отличие от ее кузена... Несмотря на то что этим видом магии наделены некоторые члены ее семьи, она не любила Дар и тех, кто им пользовался. Как и большинство жителей Шести Герцогств, Лорел рассматривала мою способность чувствовать животных и устанавливать с ними связь возмутительным и мерзким видом колдовства. Возможно, именно благодаря этому произнесенное ею слово «предатель» должно было уязвить меня гораздо меньше, однако я все равно испытал боль от ее презрения.

– Я не предавал интересов Древней Крови. Но я дал клятву верности Видящим и намерен ее сдерживать. Если бы Древняя Кровь не попыталась причинить вред принцу, мне не пришлось бы вступать с ними в противоборство, чтобы вернуть его в замок.

– Я передала тебе то, что сообщил мне кузен, – ровным голосом проговорила Лорел. – Это не мои слова. Он просил меня предупредить королеву отчасти из-за того, что считает себя моим должником. Но еще и потому, что она единственная из всех правителей Видящих терпимо относится к людям Древней Крови. Диркин не хочет, чтобы ей причинили вред и отняли у нее власть. Мне кажется, он думает, что она избавится от тебя, когда узнает об опасности, которую ты представляешь, – ведь Полукровки могут использовать тебя против нее. Но я хорошо знаю королеву. Она не станет слушать мои предупреждения и не отошлет тебя из замка, прежде чем Полукровки нанесут удар.

Так, значит, вот зачем она меня позвала.

– Ты считаешь, что так будет лучше для всех? Если я просто возьму и уеду... И тогда королеве не придется меня об этом просить.

Лорел не смотрела на меня, когда произнесла свои следующие слова:

– Ты появился неожиданно и неизвестно откуда. Может быть, тебе стоит туда вернуться?

Я несколько мгновений раздумывал – почти всерьез – над ее словами. Я мог спуститься вниз по лестнице, оседлать Вороную и уехать. Нед надежно устроен, Чейд о нем позаботится. Мне страшно не хотелось учить Дьютифула владению Силой, я уж не говорю о Даре. Возможно, Лорел предлагает мне самое простое лекарство от всех моих головных болей. Я могу исчезнуть. Но...

– Я пришел в Олений замок не по собственной воле. Меня позвала королева. И мне придется остаться. Кроме того, мое исчезновение не спасет ее от опасности. Лодвайн и его банда знают, что принц Одарен.

– Я знала, что ты так скажешь, – призналась Лорел. – Мне, конечно, мало что известно, но, наверное, ты прав. Однако я все равно передам предупреждение моего кузена королеве.

– И поступишь абсолютно правильно. Я благодарен тебе за то, что не пожалела времени и разыскала меня, чтобы предупредить об опасности. Я знаю, у Диркина нет оснований хорошо ко мне относиться, но я готов оставить в прошлом наши разногласия. Если у тебя будет возможность, передай ему мои слова. Я не держу зла ни на него, ни на кого-либо из тех, кто придерживается традиций Древней Крови. Но мой первейший долг – служить Видящим.

– Как и мой, – мрачно ответила Лорел.

– Ты ничего не сказала о намерениях Лодвайна относительно принца Дьютифула.

– Потому что в записке Диркина об этом ничего не говорится. Я не знаю, что они собираются делать.

– Понятно.

Больше нам нечего было сказать друг другу. Я дал возможность Лорел уйти первой, чтобы нас не видели вместе, а сам немного задержался в старой каморке Баррича. Под пылью на подоконнике проступали старые рисунки, которые я сделал ножом, когда мне было нечем заняться. Я посмотрел на наклонный потолок над тем местом, где лежал мой матрас, и сумел разглядеть на его неровной поверхности сову. Здесь почти ничего не осталось от нас с Барричем. Время и другие жильцы изгнали нас из этой комнаты, и я ушел, плотно притворив за собой дверь.

Я мог бы оседлать Вороную и отправиться в город верхом, но, несмотря на пронизывающий холод, решил пойти пешком. Я всегда считал, что пешего выследить труднее. Без приключений миновав ворота, я быстро зашагал вперед, а когда понял, что ни стражники, ни другие путники меня не видят, свернул с дороги и притаился в кустах, растущих на обочине, чтобы убедиться, что за мной никто не идет. Я стоял, стараясь не шевелиться и не шуметь, так долго, что шрам у меня на спине начал болеть. Сырой ветер обещал, что к вечеру пойдет дождь или снег, у меня замерзли уши и нос, и я решил, что сегодня за мной никто не увязался. Однако еще дважды проделал этот маневр.

До дома Джинны я добирался круглыми путями. Впрочем, мне пришлось признаться самому себе, что причиной тому была не только разумная осторожность, но и страх. Мне хотелось сделать колдунье подарок, чтобы извиниться за то, что я не сдержал своего обещания прийти вчера вечером и поблагодарить за заботу о Неде, но я все не мог решить, что же купить. Сережки – слишком личный подарок и слишком серьезный. Так же как и яркий вязаный шарф, который я увидел на прилавке у мастерской ткача. Свежекопченая красная рыба потрясающе вкусно пахла, и у меня потекли слюнки, но я решил, что дарить рыбу не совсем прилично.

Как выразить благодарность, извиниться и показать, что женщина мне нравится, и не выглядеть *слишком* благодарным, заинтересованным и пристыженным? Я решил, что должен преподнести ей что-нибудь такое, что я подарил бы Шуту или Неду и не испытал бы неловкости. Я остановил свой выбор на сладких орешках нового урожая и буханке свежеспеченного хлеба с пряностями. Держа свои покупки в руке, я, почти не смущаясь, постучал в дверь Джинны.

– Минутку! – услышал я голос Джинны, которая открыла верхнюю часть двери и прищурилась на ярком солнце. Я видел, что в комнате у нее за спиной царит полумрак, ставни закрыты, а на столе горят ароматизированные свечи. – Ой, Том. У меня сейчас посетитель. Ты не мог бы немного подождать?

– Конечно.

– Хорошо.

И она закрыла дверь, оставив меня на улице. Я такого не ожидал, хоть и понимал, что ничего другого не заслужил. И поэтому смиренно ждал, наблюдая за улицей и прохожими и пытаясь выглядеть не слишком несчастным на холодном колющем ветру. Дом Джинны находился на тихой, но довольно многолюдной улице. Рядом жил горшечник, который позаботился о том, чтобы поплотнее закрыть от ветра дверь. Около нее стояли товары, приготовленные на продажу. Я слышал, как внутри тихо шелестит гончарный круг.

Напротив жила женщина, у которой, как мне показалось, было несметное количество крошечных детей, причем часть из них, несмотря на холод, упрямо стремились выбраться на грязную улицу. Маленькая девочка, сама еще совсем кроха, терпеливо ловила их и возвращала на крыльцо. С того места, где я стоял, мне удалось рассмотреть дверь таверны в конце улицы.

На вывеске красовался симпатичный поросенок в загоне. Но посетители в основном заходили и тут же выходили с маленькими ведерками пива, которое несли домой.

Я стоял и размышлял, как лучше поступить – отправиться восвояси или снова постучать, когда дверь открылась и на пороге появилась богато одетая женщина с двумя дочерьми. Младшая плакала, а у старшей был скучающий вид. Мамаша принялась многословно благодарить Джинну, затем сердито велела дочерям прекратить торчать на месте и идти за ней. Она наградила меня таким взглядом, что я сразу почувствовал – она меня не одобрила.

Джинна ласково посмотрела на меня, и я понял, что она заставила меня стоять на улице вовсе не затем, чтобы наказать. Она была в зеленом платье, широкий желтый пояс подчеркивал талию и приподнимал грудь. Она показалась мне очень привлекательной.

– Заходи скорее. Какое ужасное утро. Люди хотят знать, что написано у них на ладонях, но часто не желают верить тому, что я им говорю.

Она закрыла за мной дверь, и нас окутал полумрак.

– Извини, что я не пришел вчера вечером. Мой хозяин придумал для меня кучу самых разных дел. Я принес тебе с рынка свежий хлеб с пряностями.

– Ой, как хорошо! Я вижу, ты купил орехи. Жаль, я не знала, что ты их любишь, моя сестра в этом году собрала такой урожай, что нам с ним не справиться. Ее сосед собирался купить часть для свиней, но они усыпали землю таким плотным слоем, что к деревьям невозможно подойти.

Вот так-то. Но Джинна взяла из моих рук хлеб и положила на стол, то и дело повторяя, что он великолепно пахнет и что Нед, естественно, ушел в мастерскую к своему наставнику. И не возражаю ли я против того, что ее племянница взяла пони и телегу, чтобы привезти дрова. Нед ей разрешил и добавил, что старому пони полезно немного поработать, а то несчастное животное совсем истосковалось в сарае. Я заверил Джинну, что все в порядке.

– А Феннела нет? – спросил я, удивившись тому, что не вижу кота.

– Феннела? – Похоже, Джинну удивил мой вопрос. – Наверное, отправился по своим делам. Ты же знаешь, коты всегда делают, что хотят.

Я положил мешок с орехами около двери и повесил над ним плащ. В маленькой комнате было тепло, и мои отчаянно замерзшие уши понемногу стали отогреваться. Обернувшись, я увидел, что Джинна поставила на стол две дымящиеся чашки чая. Рядом с хлебом стояли миски с маслом и медом.

– Ты проголодался? – спросила Джинна и улыбнулась.

– Немного, – признался я.

Ее улыбка была ужасно заразной.

– Я тоже, – сказала она и посмотрела на меня.

В следующее мгновение она шагнула ко мне, и я вдруг обнаружил, что обнимаю ее. Мне пришлось наклониться, чтобы поцеловать Джинну, ее губы пахли чаем и какими-то пряностями, и у меня вдруг закружилась голова.

Джинна чуть отодвинулась от меня, но тут же прижалась щекой к моей груди.

– Ты замерз, – сказала она. – Мне не следовало заставлять тебя так долго ждать на улице.

– Мне уже гораздо теплее, – заверил я ее.

Джинна посмотрела на меня и улыбнулась.

– Я знаю.

Ее губы снова потянулись к моим, а рука скользнула вниз, чтобы удостовериться в том, что я не вру. Я отшатнулся, но она держала меня другой рукой за шею и не отпускала.

Джинна была из тех, кто ведет тебя в спальню, не прерывая поцелуя. Она отстранилась лишь на миг, чтобы поплотнее прикрыть за нами дверь, и мы оказались в полнейшей темноте, пронизанной тонкими лучами света, которые попадали внутрь сквозь щели в потолке малень-

кого сеновала, расположенного прямо над комнатой. Постель оказалась удивительно мягкой, а в комнате упоительно пахло женщиной. Я попытался сделать вдох и собраться с мыслями.

– Это не слишком благоразумно, – заявил я, но слова давались мне с трудом.

– Совсем не благоразумно.

Пальцы Джинны принялись развязывать мою рубашку, и желание начало брать верх над здравым смыслом. Она слегка подтолкнула меня, и я сел на кровать.

Когда Джинна стащила с меня рубашку, я заметил на столике у кровати маленький амулет. Нитка красных и черных бусин переплетала рамку из сухих веток. На меня словно обрушился поток холодной воды, лишив всяких желаний и наполнив ощущением бессмысленности окружающего мира. Джинна, которая расстегивала пояс, проследила за моим взглядом и, улыбнувшись, покачала головой.

– Ну и ну, какой ты чувствительный! Не смотри на него. Он для меня, а не для тебя.

И она накрыла амулет моей рубашкой.

В тот момент я еще мог остановиться... Впрочем, Джинна не дала возможности здравому смыслу взять верх – ее руки занялись моим ремнем, теплые пальцы касались кожи, и я перестал думать. Я встал и снял с нее платье, волосы Джинны окутали ее голову пушистым облаком. Она сказала что-то одобрительное по поводу моего амулета, единственного, что было теперь на мне надето. Когда она спросила, откуда взялись свежие царапины у меня на шее и животе, я поцеловал ее в ответ. Потом я легко поднял ее на руки и положил на кровать. Я помню, как встал над ней на колени и с удовольствием принялся разглядывать картину, представшую моим глазам, – я смотрел на женщину, укутанную восхитительным ароматом.

Потом, не говоря ни слова, я ею овладел. Меня охватило слепое желание, и Джинна вскрикнула, потрясенная вожделением, которого я не скрывал:

– Том!

Я положил руки ей на плечи и поцеловал, а она поднялась навстречу мне, и я вдруг почувствовал, как сильно мне нужна эта женщина. Касаться ее кожи, испытывать близость и страсть, отдать себя другому живому существу, забыть о том, что я один, изолирован в своем собственном теле. Я не сдерживался, и мне показалось, что я увлек ее за собой.

Потом, когда я лежал, ощущая легкое головокружение, Джинна тихо сказала:

– Да уж. Ты ужасно торопишься, Том Баджерлок.

Я лежал на ней, и мое хриплое дыхание разрывало тишину. Джинна несколько минут не двигалась, но потом осторожно пошевелилась подо мной и вздохнула:

– А ты и впрямь проголодался!

Наверное, она пожалела о своих первых словах, в которых прозвучало разочарование, но изменить уже было ничего нельзя. Ее попытка исправить положение заставила меня покраснеть и почувствовать себя еще ужаснее. Я уткнулся лбом в подушку рядом с ней и слушал ветер, который выл за окном. Мимо дома проходили какие-то люди, неожиданный взрыв хохота заставил меня поморщиться. Наверху, на чердаке, раздался грохот и тихий писк. Затем Джинна поцеловала меня в шею, и ее руки медленно двинулись вниз по моей спине. Я услышал ее шепот:

– Том. Первый раз редко бывает самым лучшим. Ты показал мне страсть юноши. Может быть, теперь пора посмотреть, на что способен мужчина?

Она дала мне шанс оправдаться, и я испытал благодарность, окрашенную стыдом. Я осторожно к ней прикоснулся, и вскоре нас обоих охватило новое желание. Старлинг кое-чему меня научила, и мне показалось, что Джинна осталась мной довольна. Только в самом конце, когда мы лежали, тяжело дыша, ее слова вызвали у меня некоторые сомнения.

– Итак, Том Баджерлок, – сказала она и вздохнула. – Вот что значит быть волчицей.

Я в изумлении чуть приподнялся, стараясь заглянуть ей в глаза. Джинна заморгала, и на лице у нее появилась странная улыбка.

– Я еще ни разу не занималась любовью с Одаренным, – призналась она и снова вздохнула. – Но слышала рассказы других женщин. Они говорили, что такие мужчины более... – Джинна замолчала, подыскивая подходящее слово.

– Животные! – предположил я, и мои слова прозвучали как оскорбление.

Джинна широко раскрыла глаза и смущенно рассмеялась.

– Нет, я не это хотела сказать, Том. Не следует видеть оскорбление там, где прозвучал комплимент. Я имела в виду – неукротимые. Естественные, как все животные. Для них не имеет значения, что подумают о них другие люди.

– Понятно.

Больше мне ничего не пришло в голову. Я попытался понять, чем стал для нее. Чем-то новым и незнакомым? Запретной связью с существом, имеющим лишь некоторое отношение к человеку? Мне было неприятно думать, что она считает меня животным и непохожим на всех остальных людей. Неужели наша магия так сильно нас разделяет?

Но Джинна снова притянула меня к себе и поцеловала в шею.

– Перестань думать, – приказала она, и я перестал.

Потом она задремала рядом со мной, я обнимал ее, а она положила голову мне на грудь. Я решил, что сумел полностью оправдаться за не слишком удачное начало. Но, наблюдая за солнечным светом, ползущим по стене, я подумал, что мы оба приняли участие в своего рода представлении. Ни один из нас не сказал ни слова о любви. Мы просто делали вместе то, что я неплохо умел делать, и получили удовольствие.

Если моя первая попытка не слишком порадовала Джинну, следующие оставили у меня ощущение незавершенности. С остротой, о которой я успел забыть за прошедшие годы, я вдруг испытал тоску по Молли и по нашим простым, настоящим и прекрасным отношениям. Сейчас все было иначе, почти так же, как со Старлинг. Мы даже не делили постель. В глубине души мне очень хотелось любить кого-нибудь, как я любил тогда, в первый раз. Хотелось касаться своей любимой, обнимать ее, иметь рядом человека, само присутствие которого делает весь мир вокруг важным и значительным.

Сегодня утром Кетриккен прикоснулась ко мне как к другу, но в ее прикосновении было больше значения и даже настоящей страсти. Неожиданно мне захотелось поскорее уйти, и я пожалел, что поддался собственным желаниям. Мы с Джинной могли стать настоящими друзьями, и я начал ее узнавать. Что я натворил? А еще Нед... Если Джинна потребует продолжения отношений, как я справлюсь со всем этим? Встречаться с ней открыто и нарушить все правила, которым я его учил... Или скрывать нашу связь и приходить тайно, чтобы Нед ничего не знал?

Я смертельно устал от тайн. Мне казалось, что они сами собой множатся вокруг меня, цепляются и высасывают из души жизнь, как смертоносные лишайники. Я мечтал о настоящих, искренних и открытых отношениях. Но для истинной и честной любви между нами нет никаких оснований, а я, кроме всего прочего, снова завяз в интригах Видящих. Ведь у меня будут от нее секреты, которые рано или поздно станут для нее опасны.

Я не заметил, как Джинна проснулась. Или мои тяжелые вздохи ее разбудили. Она положила руку мне на грудь и, едва касаясь, погладила меня.

– Не волнуйся, Том. Ты вовсе не потерпел поражения. Когда амулет у моей кровати подействовал на тебя отрицательно, я поняла, что, возможно, не все пройдет гладко. А теперь у тебя отвратительное настроение, верно?

Я пожал плечами, и Джинна села рядом со мной на кровати, а потом потянулась через меня, прикоснувшись теплым телом, и сняла мою рубашку с амулета. Он лежал там, несчастный и одинокий, и ужасно маленький.

– Это женский амулет. Его очень трудно сделать, поскольку он должен быть тщательно настроен на одну-единственную женщину. И знать ее нужно до самых кончиков пальцев. Кол-

дунья может создать подобный амулет для себя, но больше ни для кого... по крайней мере, полной гарантии не получится. Это мой амулет, настроенный на меня. Он защищает от беременности. Мне следовало догадаться, что он на тебя подействует.

Мужчина, который так отчаянно хочет иметь детей, что берет к себе в дом найденыша и растит его как собственного ребенка, насквозь пропитан этим желанием. Ты можешь утверждать, что я не права, но всякий раз, когда ты лежишь с женщиной, в тебе рождается новая надежда. Думаю, в этом и заключена причина твоей страстности. А мой амулет отнял у тебя мечту, прежде чем ты успел что-нибудь понять. Он сказал, что наше соединение будет бесполезным и бесплодным. Ведь именно таковы сейчас твои чувства, верно?

Объяснение далеко не всегда является решением. Я отвернулся от Джинны и спросил, сам поразившись тому, с какой горечью прозвучал мой вопрос:

– А разве не так?

– Бедняжка, – с сочувствием проговорила Джинна и поцеловала меня в лоб там, где утром меня поцеловала Кетриккен. – Конечно нет. Мы сами все создаем и усложняем.

– Я не могу быть никому отцом. Я даже не пришел вчера вечером, чтобы повидать Неда, а он сказал, что у него ко мне важное дело. Я не хочу давать жизнь еще одному существу, которого не смогу защитить.

Джинна покачала головой.

– Мечты и здравый смысл далеко не всегда совпадают. Ты забыл, наверное, что я видела твои ладони, дружок. Может быть, я знаю о твоём сердце больше, чем ты сам.

– Ты сказала, что моя истинная любовь ко мне вернется. – Я не хотел, но в моих словах прозвучал упрек.

– Нет, Том, я не сказала ничего подобного. Мне прекрасно известно, что я говорю одно, а люди частенько слышат совсем другое. Я скажу тебе еще раз, что я увидела на твоей руке. Это здесь. – Джинна взяла мою руку и поднесла ладонь к близоруким глазам. Ее обнаженная грудь коснулась моего запястья, когда она провела пальцем по линии на ладони.

– Любовь то появляется, то исчезает из твоей жизни. Иногда она уходит, но и в этом случае идет рядом с тобой, а потом возвращается. – Джинна еще ближе поднесла мою ладонь к глазам, потом поцеловала и положила себе на грудь. – Это вовсе не значит, что ты должен оставаться в одиночестве и отказывать себе в удовольствиях, пока ты ждешь ее возвращения, – шепотом предложила она.

Феннел спас нас обоих от неловкости, которая непременно возникла бы после моего отказа.

Крысу хочешь?

Я поднял голову. Рыжий кот сидел на сеновале и держал в зубах пищущую извивающуюся добычу.

С ней еще можно поиграть.

Нет. Убей ее.

Я почувствовал красную вспышку боли. Крыса знала, что ей не спастись, но не желала сдаваться. Жизнь никогда не сдается добровольно.

Феннел проигнорировал мой отказ, прыгнул с сеновала и приземлился рядом с нами на кровати, где и выпустил свою добычу. Испуганная крыса, прихрамывая на заднюю лапу, бросилась к нам. Джинна вскрикнула от отвращения и выбралась из кровати, а я схватил крысу и одним движением свернул ей шею, чтобы положить конец ее мучениям.

А ты быстрый! – с одобрением заявил Феннел.

Забери ее отсюда.

Я протянул ему дохлую крысу.

Он понюхал неподвижное тельце.

Ты ее испортил!

Феннел присел на кровати и с осуждением уставился на меня круглыми глазами.

Унеси ее отсюда, повторил я.

Она мне не нужна. С ней больше не интересно. Он зашипел на меня и спрыгнул с кровати.
Ты слишком быстро ее убил. Ты не умеешь играть.

Затем он направился к двери и принялся ее царапать, показывая, что желает выйти. Джинна накинула халат и открыла дверь. Феннел с важным видом выплыл наружу. Я же сидел голый на ее постели и держал дохлую крысу в руке, перепачканной кровью, которая текла из ее разбитого носа и рта.

Джинна бросила мне штаны и нижнее белье.

– Постарайся не испачкать кровью постель, – попросила она, и я не стал класть крысу, а принялся одеваться при помощи одной руки.

Потом я выбросил крысу на кучу мусора за домом. Когда я вернулся, Джинна налиwała воду в чайник. Увидев меня, она улыбнулась.

– Почему-то чай остыл.

– Правда? – Я постарался, чтобы мой голос прозвучал непринужденно.

Я отправился в спальню за рубашкой, надел ее и, стараясь не смотреть на амулет, привел в порядок постель. Когда я вышел, мне страшно захотелось уйти, но я заставил себя сесть за стол. Мы пили чай с хлебом, маслом и медом. Джинна рассказала мне о матроне с двумя дочерьми, что приходили к ней за советом. Она изучила ладонь младшей из сестер, получившей предложение о замужестве, и посоветовала подождать. История вышла длинной, с кучей деталей и подробностей, и я не слишком прислушивался к словам Джинны. Феннел подошел к моему стулу, встал на задние лапы, довольно больно вцепился когтями мне в ногу и запрыгнул на колени. Отсюда ему было удобно разглядывать стол.

Дай коту масла.

У меня нет причин с тобой дружить.

Очень даже есть. Я же кот.

Он был так поразительно самоуверен, что я посчитал это достаточным основанием, чтобы намазать для него маленький кусочек хлеба маслом. Я рассчитывал, что Феннел унесет добычу, но он аккуратно слизал масло с хлеба и заявил:

Еще.

– ...или Нед окажется перед тем же выбором...

Я попытался понять, о чем говорит Джинна, но скоро сообразил, что потерял нить повествования. Феннел с упорством, достойным лучшего применения, все глубже вонзал когти мне в ногу. Я не обращал на него внимания.

– Я собирался с ним сегодня поговорить, – сказал я, надеясь, что мои слова не прозвучали невпопад.

– Тебе непременно следует это сделать. Разумеется, нет никакого смысла ждать его здесь. Даже если бы ты пришел вчера вечером, ты вынужден был бы его дожидаться. Он возвращается, когда на дворе уже ночь, а утром довольно поздно уходит на работу.

Я забеспокоился, это было не похоже на Неда.

– И что ты предлагаешь?

Джинна тяжело вздохнула, немного раздраженно, и я подумал, что, наверное, заслужил такую реакцию.

– Я уже сказала. Пойди в мастерскую и поговори с его наставником. Попроси у него разрешения побеседовать с Недом. Прижми его к стенке и установи несколько жестких правил. Предупреди, что, если он не будет их выполнять, ты потребуешь, чтобы он жил в мастерской вместе с остальными учениками, тогда он будет вынужден себя контролировать. Поскольку в этом случае самое большее, что ему светит, – один выходной вечер в два месяца.

Неожиданно я обнаружил, что очень внимательно слушаю Джинну.

– А что, все остальные ученики живут с мастером Гиндастом?

Джинна наградила меня удивленным взглядом.

– Разумеется! Он держит их в большой строгости, и, возможно, это будет полезно Неде, но ты его отец, и тебе лучше знать, что для него хорошо.

– Раньше он не нуждался в строгости, – мягко заметил я.

– Ну, раньше вы жили не в городе. И там не было ни таверн, ни доступных молодых женщин.

– Да, конечно. Я не знал, что он должен жить в доме своего наставника.

– Комнаты учеников находятся за мастерской Гиндаста. Так им легче встать, умыться, поесть и приступить к работе на рассвете. Разве ты не жил со своим наставником?

Я подумал, что она права, просто мне никогда не приходило в голову посмотреть на происходящее под таким углом.

– Я никогда не был учеником – в общепринятом смысле этого слова, – легко солгал я. – Так что происходящее для меня в новинку. Мне казалось, что я должен позаботиться о жилье и пропитании Неда, пока он учится. Вот я и принес с собой деньги. – Я открыл кошелек и высыпал на стол монеты.

Они лежали кучкой между нами, и мне вдруг стало неловко. А вдруг Джинна подумает, что я хочу заплатить ей за другое?

Она несколько мгновений молча на меня смотрела, а потом сказала:

– Том, я почти не истратила того, что ты прислал раньше. Как ты думаешь, сколько нужно денег, чтобы прокормить мальчишку?

Я смущенно пожал плечами.

– Я плохо разбираюсь в городской жизни. Дома мы выращивали все, что нам было необходимо. И охотились. Я знаю, что Нед много ест, после того как целый день поработает, и решил, что нужно много денег, чтобы прокормить его.

Я понял, что Чейд прислал Джинне кошелек с деньгами, хотя не знал, сколько там было.

– Хорошо; когда мне понадобятся деньги, я тебе скажу. Пони и тележка оказались очень кстати для моей племянницы. Она всегда мечтала их купить, но ты знаешь, как трудно отложить деньги на подобные вещи.

– Вы можете пользоваться пони и тележкой столько, сколько нужно. Нед совершенно прав, нашему пони полезно поразмяться. Да, но его ведь тоже нужно кормить.

– Ну, это для нас не обуза. Кроме того, по-моему, только справедливо, если мы будем кормить животное, которое на нас работает. – Она помолчала и огляделась по сторонам. – Значит, ты повидаешь сегодня Неда?

– Конечно. Именно за этим я пришел в город. – Я начал смущенно убирать монеты в кошелек.

– Понятно. Значит, вот зачем ты сюда зашел, – заметила Джинна и насмешливо улыбнулась. – Хорошо, я тебя отпускаю.

Неожиданно я понял, что таким способом она дает понять, что пора уходить. Я убрал кошелек и встал.

– Ну, спасибо тебе за чай, – сказал я и замолчал, а Джинна громко расхохоталась.

Я покраснел, но все-таки сумел улыбнуться. Она заставила меня почувствовать себя очень молодым и глупым, в отличие от нее. Мне было все равно, хотя я и не понимал почему.

– Ну, пойду увидаю Неда.

– Давай, – сказала Джинна и протянула мне плащ.

Когда я уже застегнул его, в дверь постучали.

– Минутку! – крикнула Джинна.

Выходя, я кивнул очередному посетителю, молодому человеку с озабоченным лицом. Он быстро поклонился мне и поспешил в дом. Дверь захлопнулась, и я снова остался один на улице.

Я неохотно зашагал в сторону мастерской Гиндаста. Стало заметно холоднее, и я понял, что скоро пойдет снег. Лето в этом году задержалось надолго, но зима была не за горами и готовилась вступить в свои права. Поглядев на небо, я решил, что снегопад будет сильным. Пару месяцев назад я бросился бы проверять запас дров и свои припасы на зиму. Теперь же обо мне заботился трон Видящих. Мне больше не нужно было думать о своих нуждах, лишь о благополучии короны. И я по-прежнему чувствовал себя очень неудобно.

Гиндаста хорошо знали в городе, и я легко нашел его лавку, у входа в которую висела красивая вывеска, словно мастер хотел продемонстрировать всем свое искусство. В передней части дома располагалась уютная гостиная с удобными стульями и большим столом. В камине горели обрезки хорошо просушенного дерева, и внутри было очень тепло. Тут и там комнату украшали вещи, сделанные мастером, чтобы их могли увидеть потенциальные покупатели. Паренек, встретивший меня, выслушал мою просьбу и знаком показал, чтобы я прошел в мастерскую.

Она напоминала большой сарай. Внутри стояли несколько предметов в разной стадии готовности. Огромная кровать пристроилась рядом с сундуками из кедрового дерева, окутанными приятным запахом и украшенными изображением совы. Гиндаста в мастерской не оказался. Он уехал вместе с тремя старшими учениками в особняк лорда Скитера, чтобы сделать замеры и договориться о работе над изысканным гарнитуром, в который войдут каминная полка, стулья и столы. Один из его помощников, примерно мой ровесник, позволил мне поговорить с Недом и предложил зайти еще раз, чтобы обсудить успехи моего сына с Гиндастом. По его тону я понял – встреча с мастером вряд ли доставит мне удовольствие.

Я нашел Неда за мастерской, где он вместе с еще четырьмя учениками, значительно моложе его, занимался тем, что переворачивал и переносил на новое место сохнувшее дерево. Утоптанная земля указывала на то, что это уже третья поленница. Две другие были прикрыты брезентом и связаны веревками. Нед хмурился, словно работа казалась ему бессмысленной и страшно раздражала.

Некоторое время, пока он меня не заметил, я наблюдал за ним, и то, что я увидел, меня совсем не обрадовало. Нед всегда с удовольствием работал вместе со мной. Сейчас же я видел, что он с трудом сдерживает злость, ему не нравится находиться в компании мальчишек, которые моложе и слабее его. Он положил на место доску, выпрямился, сказал что-то своим товарищам и подошел ко мне. Я смотрел на него и пытался понять, до какой степени его поведение является демонстрацией, предназначенной для мальчишек, и что в действительности он чувствует. Меня совершенно не интересовало его неудовольствие тем, что ему приходится делать.

– Нед, – мрачно поприветствовал его я.

– Том, – ответил он и сжал мое запястье. – Теперь ты видишь, что я имел в виду?

– Я вижу, что ты переворачиваешь дерево, чтобы оно хорошо просохло, – ответил я. – По-моему, в мастерской, где делают мебель, без этого нельзя.

– Знаешь, я бы ничего не имел против, – вздохнув, сказал Нед, – если бы приходилось заниматься этим время от времени. Но мне постоянно дают задания, требующие физической силы, а не мозгов.

– А с другими учениками обращаются иначе?

– Нет, – неохотно ответил Нед. – Но ты же видишь, они всего лишь мальчишки.

– Какая разница, Нед? Дело вовсе не в возрасте, а в знаниях. Наберись терпения, – сказал я ему. – Здесь тоже можно многому научиться, даже если тебе кажется, что правильно складывать дерево легко. Кроме того, это нужно сделать. И кому, по-твоему, мастер должен поручить такую работу?

Нед смотрел в землю, пока я говорил, он молчал, но я видел, что не сумел убедить его в собственной правоте.

– Как ты думаешь, может быть, тебе стоит поселиться здесь, вместе с другими учениками, вместо того чтобы жить с Джинной? – вздохнув, спросил я.

Неожиданно Нед посмотрел мне в глаза, и на лице у него появились злость и возмущение.

– Нет! Почему ты это предлагаешь?

– Ну, мне стало известно, что здесь так принято. Возможно, если бы ты жил рядом с местом, где работаешь, тебе было бы легче. Ты бы приходил вовремя утром, ведь тебе не пришлось бы идти сюда от дома Джинны и...

– Я сойду с ума, если мне придется жить, как другие ученики. Они рассказали мне, что это такое. Одна и та же еда, а жена Гиндаста считает свечи, чтобы они не жгли их по ночам. Они должны сами проветривать свои постели и стирать одеяла и мелкие вещи каждую неделю, не говоря уж о том, что он постоянно после работы дает им какие-то поручения, например засыпать опилками розовые кусты его жены или запасти щепу для растопки камина, и...

– Ну и что такого? – перебил я его, сообразив, что он распаляется все сильнее. – Речь идет о дисциплине. Так же точно проходят обучение солдаты. Тебе бы это не повредило, Нед.

Он сердито развел руки в стороны.

– Но и не помогло бы. Если бы я хотел заработать себе на жизнь, проламывая другим черепа, тогда, конечно, меня следовало бы тренировать, точно безмозглое животное. Но я не ожидал, что мое обучение будет таким.

– Значит, это не то, что тебе нужно? – спросил я и затаил дыхание, дожидаясь ответа.

Если мальчик передумал учиться, что мне с ним делать? Я не могу взять его с собой в замок, как и отослать назад, в нашу хижину.

– Нет, я не передумал, – неохотно проворчал он. – Я хочу стать мастером-краснодеревщиком. Но им пора начать учить меня по-настоящему, иначе...

Я ждал, что он скажет, но он замолчал. Нед тоже не знал, что станет делать, если уйдет от Гиндаста. Я решил, что это хороший знак.

– Я рад, что ты не передумал. Постарайся быть скромным, терпеливым, старайся, слушай и учись. Думаю, если ты будешь так себя вести и покажешь, что хорошо соображаешь, тебе станут давать более сложные задания. Я попытаюсь встретиться с тобой сегодня вечером, но не могу обещать наверняка. Лорд Голден постоянно находит для меня дела, и мне было трудно выбрать время, чтобы повидаться с тобой. Ты знаешь таверну «Три паруса»?

– Да, но давай встретимся в «Заколотой свинье», это совсем рядом с Джинной.

– И что? – спросил я, понимая, что есть еще причина, почему он выбрал именно эту таверну.

– И ты сможешь познакомиться со Сваньей. Она живет неподалеку и, если может, приходит в таверну, чтобы повидаться со мной.

– Если ей удастся сбежать из дома?

– Ну... что-то вроде того. Ее мать не имеет ничего против, а отец меня ненавидит.

– Не слишком хорошее начало, Нед. Почему он тебя ненавидит? Что ты такого сделал?

– Поцеловал его дочь. – Он беззаботно улыбнулся, и я тоже не смог сдержать улыбки.

– Ладно. Об этом мы тоже поговорим сегодня вечером. Мне кажется, ты еще слишком молод, чтобы встречаться с девушками. Лучше подождать, когда у тебя будет более надежное положение и возможность содержать жену. Тогда ее отец не станет возражать против твоих поцелуев. Если мне удастся сегодня освободиться, встретимся в таверне.

Мне показалось, что Нед немного успокоился, когда, помахав мне рукой, вернулся к своей работе. Однако я уходил от него с тяжелым сердцем. Джинна оказалась права. Жизнь в городе изменила моего мальчика, а я этого не предвидел. У меня сложилось впечатление, что

он не слишком внимательно слушал мои советы и уж наверняка не собирается им следовать. Ладно, может быть, сегодня вечером мне удастся поговорить с ним жестче.

Когда я шел через город, с неба начали падать мелкие снежинки, но стоило мне выйти на крутую дорогу, ведущую к замку, как повалил сильный снег. Я несколько раз останавливался, сходил на обочину и оглядывался, но убеждался, что меня никто не преследует. Мне представлялось, что Полукровки ведут себя не слишком разумно, – они пытались меня испугать, а потом вдруг взяли и исчезли. Им следовало либо прикончить меня, либо захватить в плен. Я попытался поставить себя на их место, понять причину, по которой они отпустили свою добычу на свободу. Ничего разумного в голову не приходило. К тому времени, когда я добрался до ворот замка, дорогу укрывал толстый белый ковер, а ветер протяжно выл и метался среди деревьев. Начало темнеть, и я понял, что ночь будет ужасной. Я бы с радостью никуда не ходил и провел ее в тепле замка.

Я стряхнул мокрый снег с сапог у входа в коридор рядом с кухней и комнатой для стражи. Проходя мимо, я почувствовал запах горячего бульона, свежего хлеба и мокрой шерсти и пожалел, что не могу войти и разделить с солдатами простой ужин и грубые шутки. Вместо этого я расправил плечи и начал быстро подниматься по лестнице в апартаменты лорда Голдена. Его не оказалось в комнате, и я вспомнил, что он собирался играть с королевой и ее фаворитами. Я решил, что должен его найти, и направился в свою комнату, чтобы снять мокрый плащ. На моей кровати лежал клочок бумаги: «Наверх».

Через несколько минут я вошел в комнату Чейда в башне. Там оказалось пусто. Но на моем стуле лежали теплая одежда и зеленый, из толстой шерсти плащ с большим капюшоном. На груди я разглядел выдру, незнакомый мне знак. Очень необычный плащ – простой, домашней работы, но голубой с изнанки, как у всех слуг в замке. Рядом с ним я увидел кожаный дорожный мешок с едой и флягу с бренди. Под ним – сложенный футляр для свитков. На самом верху пристроилась записка от Чейда: «Отряд Хеффама сегодня на рассвете выедет из северных ворот патрулировать дорогу. Присоединись к ним, а затем отправляйся дальше по своим делам. Надеюсь, ты не станешь жалеть, что пропустил Праздник Урожая. Возвращайся как можно быстрее. Пожалуйста».

Я фыркнул. Праздник Урожая. С каким же нетерпением я ждал его в детстве. А сейчас даже забыл о том, что это сегодня. Вне всякого сомнения, церемонию помолвки принца Дьютифула назначили так, чтобы за ней шел праздник плодородия. Ну что ж, я пятнадцать лет пропускал его, еще один раз погоды не сделает.

На столе был накрыт обильный ужин: холодное мясо, сыр, хлеб и эль. Я решил, что Чейд что-то придумал, чтобы объяснить мое отсутствие в замке и рядом с лордом Голденом. У меня не было времени его искать, чтобы сообщить о своем отъезде, а записку я оставлять не хотел. Я с сожалением подумал, что моя встреча с Недом снова откладывается. Впрочем, я ведь предупредил его, что так может произойти. А представившаяся возможность действовать самостоятельно несказанно обрадовала меня. Я подозревал, что Полукровки могли обнаружить мою хижину, но не знал наверняка. Однако любое знание лучше неизвестности.

Я поел и переоделся. К тому времени, когда солнце собралось отправиться на покой, я уже сидел на Вороной и двигался в сторону северных ворот. Я закутался в плащ и натянул капюшон, чтобы защититься от пронизывающего ветра и летящего в лицо снега. У ворот собирались другие безымянные всадники в зеленых плащах, многие ворчали, что им выпало патрулировать дорогу, когда в замке празднуют помолвку принца и день сбора урожая. Я подъехал поближе и с сочувствием кивнул пареньку, который оглашал ночь особенно громкими жалобами и стонами. Он завел длинный рассказ о женщине, самой теплой и желанной и готовой на все ради него, и о том, что она будет напрасно ждать его в таверне в Баккипе. Я сидел на своей лошади рядом с ним и слушал. В сгущающихся сумерках и сильном снегопаде виднелись лишь тусклые очертания фигур. Шарфы и темнота скрывали лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.